

Нам нельзя

остаться

Сергей Аб

## Annotation

Известно ли вам чувство, когда хозяин дома тактично требует покинуть свой дом? Героям книги хорошо известно это чувство, когда тучи сгущаются над их головами, грозя смертью. А всё от того, что этим двоим не посчастливилось встать на путь магии, который стал для них и освобождением и проклятьем.

---



# Глава 1

Спроси у ведьмы, сколько ей лет,  
и ты узнаешь, сколько тебе осталось жить.

Громкий стук в дверь вывел меня из состояния глубокой задумчивости. Я живо вскочила со стула, и принялась бегать по комнате, проверяя, всё ли лежит на местах, и всё ли готово. Попутно я не забывала приправлять свою суету ругательствами, вроде:

— Кого там ещё черти к обеду принесли?!

Обычно после таких фраз стук в дверь или совсем сходит на нет, или становится жалобным-жалобным, почти скрежетом. Вот и теперь осталось лишь едва слышное постукивание, которое можно было принять за вальяжный и далёкий стук дятла по дереву. Недобрый это знак, не похоже на влиятельную фигуру, появление которой я ждала день ото дня.

Всё было готово. Я подложила в печь несколько поленьев, и забросила в котелок несколько заготовленных на такой случай ингредиентов. Затем я приоткрыла дверь в соседнюю комнату, просунула в неё голову и скомандовала:

— Зельборн! У нас гости!

Сидевшая посреди почти пустой комнаты фигура приоткрыла один глаз.

Захлопнув дверь, я встала напротив входа в дом и придала своему лицу мрачный вид потревоженной нежити.

— Иду-иду! — произнесла я недовольным тоном после очередного тихого стука, и отворила засов.

Делаю я это довольно громко, однако всякий раз открывать дверь приходится самой. Что за люди!

Я толкнула дверь. Та громко и протяжно скрипнула — это одно из её главных достоинств.

На пороге стоял высокий человек в невзрачном сером плаще. Его лицо было серьёзным, и, что мне нравилось больше всего, испуганным. На улице шёл сильный дождь.

— Добрый вечер! — проговорил он, глядя мне в глаза.

Симпатичный. И голос приятный. Не забыться бы.

— Кому добрый, а кому и нет, — буркнула я. — Заходи. Обсуждать дела через порог — дурная примета.

Он покорно вошёл в дом и остановился. Все они так делают, моя комната слишком живописна, чтобы не восхититься ею. Ну, как восхититься... Я-то восхищаюсь, а вот остальные не слишком. Даже Зельборн находит мою обитель унылой и дурно пахнущей, но то лишь следствие досадного факта, что он совсем не разбирается в моём ремесле. И уж если речь заходит о запахах, то чьё бы пугало выло.

Как правило, гости выдают примерно одинаковую реакцию: кто глаза таращит и назад пятится, кто просто цепенеет. Будто бы не знают, к кому пожаловали. Впрочем, на это я тоже времени много не даю, оно мне дорого.

Гость уставился на меня.

— Я ищу Анимару. — проговорил он.

— Нашёл уже, — отозвалась я угрюмо.

— Но разве вы... — начал он и замолчал.

Ох, милый мой, мог бы и не начинать. Всё я знаю, что ты хочешь мне сказать. О чём думаешь, тоже знаю. Ну, давай, не буду тебе мешать.

— Но вы так молодо выглядите! — нашёлся, наконец, гость.

Да я тебе в прапрабабушки гожусь, а то и дальше даже!

— У меня свои секреты, — уклончиво ответила я.

— А, — тактично заметил гость и снова замолчал.

О, выходит, что этот не из любителей совать свой нос, куда не следует. Большинство гостей, так или иначе, норовят закидать меня вопросами, вроде: “И как вам это удаётся?”, “А я так смогу?”, “Это очень сложно?”

А когда отвечаешь, что секрет молодости и долголетия в длинных пеших прогулках, единении с собой и природой, правильном питании, грамотном сне и умеренных физических нагрузках, непременно слышишь огорчённый ответ: “А, в этом...”

А вообще, я действительно не дурна. У меня стройная фигура, я не высокая, обладаю пышными тёмно коричневыми волосами до плеч. Глаза синие. Нос обычный, без претензий на изящество. И хотя внешность мою никак нельзя назвать примечательной, Зельборн никогда в этом со мной не соглашается.

— Ты такая одна на всём белом свете! — всегда твердит он.

И не поймёшь ведь, что он имеет в виду: одна такая дурочка, или одна такая единственная и неповторимая? Каждый раз приходится угадывать по выражению его лица.

— Плащ-тоними! — скомандовала я гостю. — Пол мне зальёшь — я с тебя три шкуры сниму!

Гость быстро снял мокрый плащ, и с хорошо скрываемым страхом робко протянул его мне. Я повесила его одежду на крюк, под которым у меня растут горные травы. Ну, как растут — скорее делают вид, что растут. Наш климат им не подходит, и никакие исхищрения тут не помогают. Сейчас им как раз требовалось немного дождевой воды.

— Что встал? — упрекнула я его. — Вон туда иди, садись.

Я показала на кресло у стола, что стояло справа. То самое, куда садятся все мои посетители. За соседней дверью раздалось едва заметное постукивание, Зельборн готов. Отлично.

Гость сел за стул и огляделся. Тут уж я обычно не мешаю, пусть хорошенько приглядится. Сразу напротив стола есть полка с банками, где в специальных растворах я держу мясо. Курицу, в основном. Правда об этом знаю лишь я и Зельборн. В одной банке нечто, напоминающее сердце. В другой — жуткого вида лицо. В третьей — нечто вроде лапы. Всё это — полёт моей фантазии и специальных ниток с иглой. Чего не сделаешь ради антуража!

На полках лежат травы, между черепов, а иногда и внутри них. Кое-где они прямо из глазниц торчат, для удобства. С травами я и правда работаю, в отличие от банок, которые только место занимают.

Везде расставлены свечи, некоторые даже горят.

На бельевой верёвке за прищепки висят десятков мышей. Дохлах, конечно. Они покрыты специальным составом, чтобы не разлагались. Это тоже важная часть декора.

Так, что ещё? Ах, да, котёл. Конечно! Ну как можно обойтись без котла, если хочешь, чтобы тебя обязательно окрестили колдуньей? Без этого никак. И уж конечно, будь любезна, чтобы в котле непременно что-нибудь бурлило. Что-то мерзкое и тягучее, что бы от запаха

этого варева прошибало почище трупного яда. Главное не перестараться, а то как-то раз я вспомнила смешную шутку, что мне Зельборн рассказал, пока мешала бульон, и стала хихикать, как ненормальная. Это было уже слишком, и мой гость в ужасе ретировался. После этого случая моя репутация пошатнулась, и люди стали ходить ко мне реже. Оно, конечно, и хорошо! Но если бы мне было нужно, чтобы меня никто не беспокоил, я бы и не такое ещё сотворила. Прослыть ведьмой за счёт своего могущества может каждая, штука в том, чтобы не разбазаривать свою силу на всякие глупости, и при этом всё равно достигать своих целей.

Сейчас мне важно, что бы обо мне знали. Молва в Гонкоралле играет мне на пользу, а потому свою работу я вынуждена делать до тех пор, пока, наконец, ко мне не явится тот, кого мы ждём уже давно. А там уж посмотрим!

На полках у двери, на самом видном месте, лежат глаза. Разных размеров, на любой вкус, так сказать. Некоторые из них настоящие, но большинство — очень качественные копии. Копии выглядят лучше настоящих, те уж слишком неказисты, и куда больше напоминают подделку. Купила у одного странствующего торговца, вместе с ниткой ушей и языков. По правде сказать, я купила у него почти всё, что было. Мне Зельборн ещё месяц припоминал мои растраты.

— Опять спускаешь деньги на всякий хлам! — злился он. — Сказал же тебе — принесу!

— Принесу-принесу! — передразнивала я. — Это я уже слышала!

— Сказал — принесу, значит — принесу! — хмурился он. — И не надо каждый месяц напоминать!

Я-то понимаю, что его обещание не так-то просто исполнить, а потому не слишком наседала. А то, что его ремесло сильно располагает к подобным сюрпризам в мой адрес — это ещё не значит, что он может это делать.

А потому, мою комнату украшают множество замечательных подделок. Настоящие-то я прячу в шкафчике, вдруг свистнут, пока я отвлекусь, что я тогда делать буду? А это не так жалко.

Зубы тоже настоящие — в них дефицита не бывает. Сложностей в том, что бы договориться о поставках горстки зубов раз в два месяца по разумной цене, проблем не возникало ни в одном городе.

С кровью сложнее, а потому бутылки с красной жидкостью — это морс, вино и тому подобное. Настоящая кровь нужна так редко, что проще уж и самой достать. Вот хоть Зельборна уколоть — один чёрт бледен, как призрак, с него не убудет!

Между тем, гость продолжал обводить глазами мою обитель. Полки с ветхими книгами нам достались от прошлых хозяев. Эти книги так хорошо вписались в общую обстановку, что ничего менять в ней не пришлось — так, добавили пару тройку своих, для демонстрации, и всё.

В общем, в комнате много всяких безделушек, которые созданы специально, что бы бросаться в глаза и напоминать гостям о том, куда им хватило смелости заявиться.

Взять хоть то кресло, на котором они обычно сидят. Ни я, ни Зельборн его никогда не используем — не пригодный оно для этого. А всё потому, что изготовлен оно из дерева, срубленного в месте захоронений, и несёт он в себе дурную энергетику. Но этого было бы слишком мало, чтобы кресло как-то повлияло на обычного человека, разве что ёрзать на нём больше будут. Поэтому, когда мастер завершает изготовление очередного кресла, я, и моя другая половина, Зельборн, ещё долгое время корректируем его энергетику разными способами. Проклятья хорошо работают, но если громче и от всего сердца, тогда это будет

то, что надо.

Забавно то, насколько этот ритуал развязал нам с Зельборном руки. До его появления мы ругались просто так, в никуда. А теперь мы орём исключительно на кресло, чтобы не терять ценные слова в пустоту. Вроде и проклятьями сыпем щедро, не сдерживаясь, а всё уходит на дело. Может быть, именно поэтому мы так редко дуемся друг на друга.

Взгляд гостя остановился на метле. Я мысленно усмехнулась, вспоминая, насколько часто вопрос о её наличии я слышала от гостей. А потому сей ценный артефакт чистых полов было решено поставить справа от двери — на самое видное место. Чтобы все знали — метла у меня есть, а дальше пусть сами решают, как я её использую. А так — пол ей мету, иногда дураков гоняю.

Гость начал ёрзать в кресле. Я понимающе кивнула, и пристально вгляделась в его круглое лицо.

Короткая стрижка, чёрные волосы. Глаза коричневые, нос длинный, но симпатичный, я такие носы люблю. Взгляд тревожный, опасливый, ещё бы. Вот когда гость чувствует себя комфортно, как дома — это уже повод насторожиться.

— Я слышал, — не выдерживает он моего пристального взгляда. — Вы ведь...

Я нахмурилась, он осёкся. Не люблю, когда меня так называют. И в городе должны бы об этом знать.

— Колдунья! — вспомнил он нужное слово. — Я слышал, вы многое умеете.

— Может, и умею, — отозвалась я, как бы нехотя. — И может, ты всё верно слышал.

Судя по всему, пора!

Мыши задёргались на верёвке, противно попискивая. С полки, из-за книг вылетело маленькое облачко, и закружило над моей головой.

Я дала полминуты на то, что бы всё можно было увидеть. Пусть это был совсем не тот, кого я уже давно жду — лишним не будет.

— А ну хватит! — крикнула я, шлёпнув по ближайшей подвешенной мыши. — И вы тоже!

Комары и мухи тут же опали на пол мёртвыми тушками. Я перевела взгляд на гостя. Глаза его округлились, рот открылся в ужасе. Это всё, что мне было нужно.

“Ходят легенды, что дотрагиваться до колдуньи нельзя, если та сердита.

Подписываюсь под каждым словом, Анимара”.

Приписка: ”Сердита, не сердита — не советую! Зельборн”

Вообще-то подобных представлений у нас предостаточно. Мы долго придумывали различные эффекты, что бы как можно реже повторяться. В большинстве случаев весь груз ответственности за острые ощущения гостя лежит на Зельборне, потому как мне и так приходится вести долгие и тягостные разговоры. А люди-то — не картошка, все разношёрстные, не каждый подходит для выстраивания правильных путей к интересующей нас информации. Большинство из этих дорог вообще никуда не ведут. На это я всегда утешаю себя тем, что мои добрые дела не останутся безнаказанными. Мои и Зельборна. Впрочем, ему, скорее всего, уготована далеко не возвышенная жизнь, хотя иногда и он творит добро направо и налево. Его ожидает нечто худшее, когда его тело истлеет. И сколько бы он не оттягивал этот срок, конец всё равно один.

Я глянула на пол, недовольно хватая швабру и замечая насекомых в савок.

В котле как раз закипало мутно-зелёное варево. Со стороны оно походило на отраву, и запах довольно красноречиво говорил о том же. Я схватила поварёшку и начала помешивать. Стоя спиной к гостю, я сделала вид, что пробую на вкус эту жидкость, издавая звуки одобрения.

— Если ты хочешь отобедать, то я не возражаю, — развернулась я к нему с тарелкой. — В противном случае потрудись, наконец, объяснить причину своего визита!

— Да-да! — закивал гость, с опасением впившись глазами в мою руку, что держала тарелку. — Понимаете, дело тут деликатное...

— Ещё бы! — ответила я. — Знаю я ваши деликатные дела!

Гость замаялся, но вскоре всё же овладел собой.

— Речь идёт о моей жене, — пояснил он.

— Что, боишься, что она тебе не верна? — криво улыбнулась я.

Конечно, боится, иначе бы не явился сюда. Ну, точно — удивлённый взгляд, всё как всегда.

— Откуда вы знаете? — изумился он.

— Милый мой! — ласково отозвалась я, и тут же спохватилась, переменив тон на раздражённый. — Да твой брат косяками сюда ходит. И у всех одни и те же беды на разный лад. А я вроде целителя тут, не иначе. Потому что большинству то и в голову можно не заглядывать — пустая будет!

— Я слышал, что вы можете помочь! — настойчиво проговорил он, сложив пальцы.

Вот! Наконец-то он сбросил маску страха и обнажил своё истинное лицо. Лицо, может, и не льва, но мужчины. Такого, за поступки которого не стыдно. Разве что за этот визит ко мне. Просто лапочка!

— Помочь-то я могу, — отозвалась я и подошла к столу.

Я заняла кресло напротив, пристально смотря в глаза гостя.

— Но прежде всего, скажи мне, — нахмурилась я и для пушного эффекта вскочила с

кресла. — Поговорить на эту тему с ней у тебя никак ума не доходило?!

Да, в городе знают, что я немного не нормальная, хотя бы потому, что живу с Зельборном. Куда катится мир — не он со мной, а я с ним! Они ведь даже не знают, кто он такой на самом деле, а ненормальная — я.

Подумаешь, кричу много — а что ещё делать прикажете? Крыс живьём есть, кровь людскую пить, или чем там, по мнению жителей Гонкоралла, я должна заниматься?!

Если уж на то пошло, то на главном рынке, среди торговцев одни ведьмы, да колдуны. Впрочем, судя по ценам, так и есть.

— Пробовал, — ответил он. — Она всё отрицает. А я точно знаю, что пока меня нет дома, она куда-то уходит, и возвращается незадолго до моего появления.

— Мало ли куда может ходить женщина в полном расцвете сил, — проговорила я. — Я вот тоже в лес люблю захаживать, почему-то меня в измене, скажем, с оборотнями никто не подозревает.

Я грозно посмотрела на дверь в комнату Зельборна, надеясь, он это услышал. На всякий случай стукнула кулаком по столу.

Гость устался на меня.

— Вот тебе бесплатный совет, — расщедрилась я. — Иди обратно, и найми кого-нибудь, кто сможет проследить тебе за твоей ненаглядной. А дорогу сюда, будь любезен, забудь. В противном случае, я сама об этом позабочусь!

Не люблю давать бесплатные советы. Не то, чтобы деньги для меня много значили, скорее толку от таких советов будет со стоимостью.

— Я не хочу узнать правду таким образом, — решительно ответил гость. — Я хочу, чтобы она сама всё открыла передо мной.

— Это “всё” может казаться весьма непривлекательным, — заметила я.

— Не важно! — гость вскочил с кресла. — Я должен знать!

Я сделала вид, что глубоко задумалась над его проблемой. В моей голове в это время крутились мысли о покупках в городе, и куда могла я сунуть сушёных стрекоз — третий день не могу найти.

— Всё может быть, — кивнула я, предположив, что они могут быть и в погребке.

Затем я перевела взгляд на гостя.

— Я дам тебе кое-что, — продолжила я. — Но это будет стоить тебе не дёшево. А так будет потому, что я не одобряю ни твоих помыслов, ни твоих методов. Так уж вышло, что я могу тебе помочь, раз уж у меня есть то, что тебе нужно.

Я озвучила сумму, тот не раздумывая, согласился. Эх, дурочка я, надо было требовать в два раза больше. Не от жадности, а потому, что обед-то я пропустила, теперь опять придётся перебиваться, чем Боги пошлют. А от такого рациона встреча с последними может состояться значительно быстрее.

Я открыла шкафчик, и, пошарив там рукой, вынула небольшую стеклянную колбу. Как хорошо, что сам напиток был уже готов! “Зелье истины” я варю один раз в пару недель, с запасом, чтобы потом не надрываться с мелкими порциями и время зря не тянуть. В крайнем случае — выпью сама. Правда, последний раз, когда такое случилось, я немного не рассчитала, и выпила слишком большую порцию, пропадало ведь! Впоследствии Зельборн узнал о себе много нового и с неделю на меня дулся, а я его всячески утешала и прощение просила за свою правду. Эх, любопытные были времена!

Вытерев с колбы пыль, я вручила её гостю. Тот протянул мне руку, набитую

сверкающими монетами.

— Куда! — заорала я на него. — На стол клади, на стол!

Тот судорожно одёрнул руку и едва не выронил колбу из рук. Положив деньги на стол, он стал рассматривать прозрачную жидкость в сосуде.

— Примета плохая, — уточнила я, пробуя на зуб монеты.

Не гигиенично, но ведь и болезни меня тоже побаиваются.

Конечно, дураков, которым взбрѣдет в голову надуть меня, не находится. Но чего только не случается, нужно быть готовой ко всему!

— Что пьѣт твоя жена? — спросила я, покусав все монеты, и потирая ладонью вдруг занывший зуб.

— Молоко, — пожал плечами он.

— Это подойдѣт, — пояснила я. — Нагрей для неё две трети кружки, а потом влей туда это снадобье.

— А она не заметит? — забеспокоился он.

— Нет, — ответила я. — У него мягкий и едва уловимый запах и вкус. В разбавленном виде едва ли она чего заподозрит. А если и так, то проследи за тем, что бы она всё же выпила всю кружку.

— Я понял, — заговорщически ответил он.

— Через полчаса ты можешь спрашивать её обо всѣм, что хочешь узнать, — закончила я.

— Спасибо! — отозвался он, развернулся и зашагал к дверям.

Он снял плащ с крюка и быстро накинул его.

— До свиданья! — сказал гость, открыл дверь и вышел вон.

Дождь кончился, тучи стали рассеиваться. Меня передѣрнуло. Не люблю заниматься такими мерзкими делами. Вроде и жить есть на что, а репутацию за деньги не купишь! Вот и приходится помогать всяким недотѣпам с их глупостями.

Из-за двери высунулась бледная черноволосая физиономия Зельборна.

— Ушѣл? — коротко спросил он.

— Ага, — ответила я. — Ну ты слышал, а?

— Слышал! — довольно отозвался он. — Волнуется человек, переживает.

— Учись! — нахмурилась я и глянула в окно. — Эй! А не пора ли тебе на службу?

— Проклятье! — вскрикнул Зельборн и захлопнул свою дверь.

С минуту он бегал по комнате, что-то бормоча, после чего вышел и зашагал к выходу.

— А обед? — развела руками я.

— Подождѣт до ужина! — сказал он, и, поцеловав меня в нос, вышел из дома.

Варево в котле стало выкипать, и я бросилась к нему со всех ног. Если и в этот раз горные цветы не выживут, то больше варить эту мерзость я не буду! Даже ради непередаваемой атмосферы!

“Я даю возможность  
и умереть быстро, и жизнь по  
достоинству оценить.  
Выходит, я целитель”.

Я вышел из дома и глубоко вдохнул. Воздух, такой свежий и чистый — вот главное достоинство дома на самой окраине Гонкоралла. Настроение моё было превосходным, несмотря на то, что мне предстояло очередное убийство.

Я шёл вдоль помолодевших после дождя улиц, вглядываясь в лица прохожих. Люди держались от меня в сторонке, хотя некоторые из них робко махали мне рукой и выдавали скудные приветствия. Наверняка их мысли занимала одна и та же мысль: “Надеюсь, что мы никогда не повстречаемся при других обстоятельствах”. Я тоже надеюсь на это, но там уж, как получится.

Проходя вдоль каменных рядов домов на улицах, я наблюдал, сколько непримечательных смертей было разбросано вокруг. Большинство из них были столь ничтожны, что, пожалуй, никто, кроме меня об этом и не узнает. А для меня смерть любого живого существа — тоже смерть. И той же величины, что и смерть человека.

Вон там, под чернеющей крышей мёртвая кошка, у неё переломлен хребет. А вон в том доме, под полом целое полчище мышей. Мёртвых, разумеется — живых-то я бы и не увидел. Отравились ядом, и, как будто, спят. В этом доме, что напротив торговой лавки, есть некто, чья одна нога уже стоит за чертой жизни. Борьба этого человека будет ещё долгой, мне не зачем ждать конца.

Это не столько виденье, сколько ощущение. Ощущение смерти. Работу её руки, что забирает последнее у всего живого.

Пройдя сквозь торговый квартал я, наконец, пришёл на площадь Воздаяния. Это то, особое место, куда люди не приходят просто так. Здесь царит особая атмосфера, моя атмосфера.

В центре большой площади стоит эшафот, ограждённый небольшим забором. На нём есть и виселица и пенёк удобный с корзинкой для головы. А если нужно — то и гильотину притащат, мне лишь распорядиться надо. Словом, есть все удобства для быстрого устранения признаков жизни в паразитах общества.

Как обычно, толпа людей уже стояла и ждала меня. Когда я приблизился к эшафоту, толпа расступилась, словно бы я был прокажённый. В какой-то степени, так и было. Нет смысла меня бояться, но и дружить со мной — идея не лучшая. “Сегодня ты мне друг — а завтра на шею круг”.

Такие толки ходят среди местных жителей. Попробуй, докажи обратное!

У ступеней стояло три человека, двое из которых были стражниками. Высокие, в сверкающих доспехах, и мечами наготове. Их лица были каменными, непреклонными. Между ними была зажата жертва сегодняшнего представления, связанная по рукам и ногам. И как только он сюда пришёл — уж не притащили же его, в самом деле! Маленькая, пухлая фигура, с короткими чёрными волосами и пропитым в трактирах лицом. Повозка с

запряженной лошастью была наготове — в неё погрузят тело, когда жизнь покинет его. Вот взяли моду! Сами бы дотащили, не так уж и далеко!

— Доброго дня! — улыбнулся я стражникам. — Давайте сюда свои бумаги!

— Держи! — отозвался тот, что был справа, и сунул мне листок с королевским указом.

Но перед тем как взойти по ступеням смерти, я направился в небольшой домик неподалёку. Открыв замок ключом, я зашёл внутрь. На стенах висели мечи, топоры, палицы и много чего другого, не менее интересного.

Глянув на листок с королевской печатью, я присвистнул и почесал голову, затем развернулся и вышел обратно.

Надо же! Его величество сегодня в прекрасном расположении духа, раз обязывает меня использовать верёвку, а я-то думал взять что-нибудь экзотическое, под стать хорошему настроению. Но нет, так нет.

Очень странно, но королевская воля — потёмки. Животное, что на днях убило женщину в тёмном переулке за жалкую горсточку монет, король повелевает вздёрнуть на виселице. А значит, мне будет достаточно моего кинжала.

Я погладил костяную рукоятку на поясе. Это одна из не многочисленных вещей, чем я действительно горжусь.

Закрыв дверь на замок, я вернулся обратно. Интерес толпы к происходящему усиливался.

— Боги всё видят! — кричал кто-то.

— Смерть убийце! — вторил другой голос.

В убийцу полетел помидор, я покачал головой.

— А ну прекратить! — властно скомандовал я. — А не то убийцу в темницу отправлю!

В глазах последнего блеснула надежда. Толпа мигом стихла.

Поникшего злодея потащили наверх, я направился следом.

В моих карманах есть два чёрных мешка. Тот, что в правом кармане — для тех, кому суждено пройти через мои руки. А тот, что в левом — для меня. Я никогда им не пользуюсь, и совершенно не понимаю, зачем это нужно. Однако, когда во дворце узнали, что я совершенно не скрываю свою личность, то лишь покрутили у виска.

— Тебе нож в спину, — причитали они. — А нам боль головная. Где ещё найти такого умельца?

Я лишь плечами пожимал. Глупости всё это. Желают ли моей смерти? Несомненно, такие глупцы есть. Но кто-то из них уже покинул этот мир, а те, кто задержался в этом, стараются держаться от меня подальше. Так что смысла в том, что бы задыхаться в чёрной маске я не вижу.

Тучи отступили, тихий ветерок донёс до меня запах подпорченных помидоров. В животе, тем не менее, неприятно заурчало.

— Какое ясное солнышко сегодня! — я подставил лицо тёплому осеннему солнцу. — Что ты такой хмурый-то? Ах да...

Лицо убийцы смотрело на меня исподлобья. Оно было опухшим, один глаз немного заплыл. Руки его были связаны за спиной, а на шее уже висела петля. Стража спустилась вниз, но была в полной боевой готовности. Знаю я, почему они так торопятся покинуть эшафот. Уж не ради того, чтобы меньше мешать мне. Тут, наверху, особенно сильно ощущается тонкость нашей жизни, и её мимолётность.

— Не слишком удачный день, — согласился я. — Но бывает и хуже. Ты главное не

переживай — сначала будет немного больно, а потом уже всё равно.

Эту фразу я обычно говорю всем, кто проходит через мои руки. Лаконично и доходчиво.

— Гори ты в аду со своими любезностями! — заявил без пяти минут труп, и плюнул в мою сторону.

В меня не попал, можно списать на удачу. Удачу для него, разумеется. Ибо если меня огорчить, я ведь и обидеться могу. А это может плохо сказаться на последних минутах жертвы собственных пороков.

Я рассмеялся, а убийца вздрогнул, и опасно глянул на меня.

— Знаешь ли ты, ошибка Богов, — я подошёл почти вплотную к преступнику. — Что я могу с тобой сделать?

В этот миг убийца имел все возможности, чтобы атаковать меня. В какой-то степени, я даже рассчитывал на это. Он мог бы хорошенько ударить меня лбом, попробовать откусить мне нос, или хотя бы попытаться повалить меня на доски. Но он этого не сделал, его серые глаза заморожено смотрели в мои глаза.

— Плевать мне на то, что ты там можешь! — чересчур смело произнёс убийца. — Будто бы мне есть, что терять!

— Есть, — улыбнулся я и приблизился ещё. — Смерть бывает разной. Она может быть спасительным дождём, что смывает твои грехи и остудит засохшую землю. А может быть ненасытным пламенем, что медленно пожирает лес, крону за кроной, и никак не может насытиться. Будешь безобразничать — тебя ждёт второй вариант.

Вот оно — ужас в глазах.

— Нелюдь! — тихо произнёс он дрожащим голосом. — Меня и так уже нет.

— Что верно, то верно, — ответил я, проверяя положение рычага.

Убийцам нет места в Гонкоралле, очень не многим удаётся избежать смертной казни.

— Скажешь последнее слово? — поинтересовался я.

Преступник немного подумал. Слеза скатилась по его лицу. Добрый знак.

Толпа бесновалась, ожидая мук смерти убийцы.

— Да, — ответил он. — Да простят меня Боги!

Я надел чёрный мешок на голову преступника.

— Простят! — тихо отозвался я, хотя это было совсем не обязательно.

На сердце у меня полегчало и я дёрнул рычаг на себя.

Тело убийцы устремилось вниз. Какое-то время он барахтался в петле, но очень скоро затих. Толпа ликовала, я не смотрел. Я ждал.

И вот, наконец, нерастраченная энергия жизни влилась в меня мощными потоками. Я ощутил воодушевление, готовый тут же воспарить прямо в небо.

Десятки лет мог прожить этот бедолага, если бы не совершил такую мерзость. Теперь его года — мои.

Я бросил последний взгляд в толпу и вдруг заметил фигуру, появление которой свело на нет радость от столь мощного прилива сил.

“Где-то убыло, где-то прибыло.  
Мой жизненный девиз”.

Фигура в тёмно-синей мантии ещё немного постояла вдалеке, а затем скрылась за ближайшим поворотом. Я не особенно запоминаю тех, кто постоянно посещает подобные мероприятия, но маги появляются на казнях редко — им это попросту не интересно. Этот же стал появляться всё чаще, что несколько выводило меня из себя. Впрочем, кто их знает, что у них в голове? Иные из них вообще безумцы, если капнуть чуть глубже.

А я что? Я просто забираю то, что уже никому не нужно, что плохо лежит. Всё равно убийцам, вроде этого, жизненные силы уже ни к чему, а мне пригодятся. Столько энергии уходит на оживление простейших, а уж если вдруг понадобится поднять из земли чьё-то тело — я и думать боюсь, во что это выльется.

Я достал свой костяной кинжал и перерезал верёвку. Острота лезвия всегда остаётся на высоте, это моя гордость! Тело неуклюже шлёпнулось вниз.

Мои эксперименты над умершими обычно ограничиваются животными — в людях, как правило, надобности нет. Слухи и легенды, что витают над Гонкораллом, словно чёрные вороны, приписывают некромантам слишком огромную силу. Боюсь и предположить, сколько нужно времени, чтобы выучиться всему тому, о чём рассказывает молва.

Книга, что была и есть мне верным учителем, таит в себе множество возможностей. Но знал бы я, что постигать каждую из них будет так сложно — в руки бы не взял!

Впрочем, кого я обманываю? Это благодаря ей я узнал, как можно перехватывать остатки жизненных сил, и забирать их себе. Как можно видеть тех, к кому прикоснулась смерть, как общаться с духами. Впрочем, последнее даёт весьма сомнительные преимущества — или духи мне попадают не те, или все они такие — глумливые и высокомерные донельзя. Ничего узнать у них толкового нельзя.

Тем временем тело, что недавно висело в петле, погрузили в холщовый мешок.

Я всегда говорил: работа у меня не пыльная — разбираться с последствиями смерти мне не приходится, хотя иногда я и оказываю посильную помощь в виде совета как лучше взяться за мешок, или куда лучше положить укатившуюся голову. Правда, на этот счёт можно услышать не столь лестные комментарии и ответные советы от стражников, которые и сами знают, как им выполнять подобные задачи.

Вообще, головы рубить в последнее время — то ещё приключение. Как-то раз я то ли сил не рассчитал, то ли задумался — голова отлетела в сторону людей. Я тогда испугался, что ужас и паника охватит их, начнётся давка, и кого-нибудь задавят. И это непременно ляжет на мои плечи. И нет, что бы промолчать — я возьми да и ляпни:

— Кто поймает и принесёт — получит несколько монет!

Что тут началось! Такого побоища я давно не видел!

Мужики начали кулаками махать, словно кувалдами. Женщины дрались, как последний раз. Старики оказались самыми кровожадными — бились насмерть, из последних сил. Да на войне и то не так лихо сражаются!

К моему стыду, монеты получил ребёнок.

Долго меня ещё начальство ругало и обещало наказать, да так и не придумало как.

С тех пор казней ждали с удвоенным энтузиазмом, словно праздников — ничего святого у людей не осталось, и я отчасти тому виной. А сколько скорби в глазах людей, когда оказывается, что смерть протянет свои чёрные руки к очередной жертве в виде петли на шее!

Тело погрузили в повозку, теперь его ожидал последний путь.

Я же, убедившись, что на сегодня мои услуги больше не требуются, отправился домой, в надежде на сытный ужин.

И только дойдя до двери дома, я остановился и, хлопнув себя ладонью по голове, выругался:

— Вот же бездна, совсем забыл про проклятые уши!

Делать нечего, в другой раз уже достану. Раздосадованный, я открыл дверь и зашёл в дом.

Возможно, со стороны это кажется жестоким — лишать трупа столь важных частей тела, однако, как это обычно бывает, мерило человеческих ценностей задаётся сравнением. Так вот, стоит только заглянуть к целителям, и сомнений не останется — нужды Анимры ещё цветочки. То, что происходит в недрах Центра Целительства (или как там величают наиболее посещаемое место в Гонкоралле?), может повергнуть в шок любую неокрепшую психику. А если это случится — то там вам сразу и помогут. Кроме врачей плоти у них имеются и врачи ментального здоровья. Только будьте готовы к тому, что большинство проблем у первых решается ножом или топором. У вторых нож иногда применяют, но скорее, в качестве самозащиты, так как поправить психическое состояние довольно трудно.

Конечно, сложить такое мнение я мог исключительно не понаслышке. Приходилось бывать по долгу моего непростого ремесла. Убийцы ведь хитры и коварны бывают. Одни себе могут вред причинить, другие за ненормального себя выдают. А целителям всё одно — что могут — делают, а дальше ко мне отправляют. Впрочем, Центр Целительства для моих способностей место весьма любопытное. Иногда я, но чаще Анимара помогаем советом. Целители давно сообразили, что она колдовством промышляет, да и в алхимии кое-что понимает. Вот и стали слать к ней тех, кого вылечить не удаётся.

Вот и теперь, в комнате стояла девочка лет 15, в длинном жёлтом платье, с синем платком на голове. Анимара что-то толочила в ступке. На столе рядом стояла колба с мутно-жёлтой жидкостью.

— Да бездельники одни в этом Центре, я тебе скажу, — улыбалась она девочке.

— Что вы, бабушка! — неуверенно отозвалась девочка, её глаза были мокрые от слёз. — Они, и правда, помочь пытались. Травами, да зельями, но мать всё не поправляется! Вот один из них и посоветовал к вам обратиться!

— Видала я случаи и тяжелее! — ответила Анимара и высыпала порошок из ступки в колбу.

Она закрыла пробку и тщательно взболтала содержимое колбы. Жидкость окрасилась в тёмный цвет. Девочка протянула руку, но Анимара не дала колбу в руки. Она глянула на девочку, а затем произнесла:

— Знаешь, на всякий случай я шепну пару слов.

Она поднесла колбу к губам и прошептала слова, значение которых ни я, ни девочка не знала.

— Вот! — Анимара торжественно вручила колбу девочке. — Теперь её должно стать

лучше.

Девочка с осторожностью взяла колбу и зачарованно глянула на жидкость. Затем она перевела взгляд на Анимару.

— Бабушка, у меня не так много денег... но это сейчас, — она достала несколько монет и протянула Анимаре. — Я принесу ещё, дайте только срок, принесу!

Анимара подошла к девочке и положила руки ей на плечи. Затем развернула лицом к выходу и чуть подтолкнула. Я открыл дверь и отошёл, чтобы она могла выйти.

Девочка только теперь обратила на меня внимание. Взгляд её помрачнел, шаг замедлился.

— Добрый вечер! — улыбнулся я самой добродушной улыбкой, на которую был способен.

— 3-Здравствуйте! — неуверенно произнесла она.

Смертью от меня, что ли, пахло? Уж больно испуганная она была.

— Спасибо, бабушка! — сказала она, и, стараясь обойти меня подальше, выбежала вон из дома.

Я закрыл за ней дверь.

— Добрыми делами промышляешь? — задал я вопрос Анимаре.

— Не без того! — ответила она, кинув взгляд на меня.

— А есть ли что на ужин, бабушка? — ехидно спросил я.

— Ты там не перепутал случаем, кому голову рубить надо было? — ответила Анимара. — Не видишь что ли — в делах я вся! О душе своей забочусь, людей спасаю. А ты что? Только и делаешь, что головы рубишь!

— Так ведь то — дрянные головы, — заметил я. — Хорошие-то дома сидят, ужин едят.

— Тоже верно! — согласилась она.

— Давай соображать на стол, моя старушка! — моё хорошее настроение пробивалось наружу.

— Вот я тебя сейчас в курицу превращу, да суп из тебя приготовлю, если не перестанешь. — Анимара демонстративно подняла руки.

— Да разве это мои слова?! — удивился я, театрально отшатываясь в ужасе. — Смилуйся, госпожа ведьма!

— Ладно уж, — примирительно отозвалась Анимара. — На первый раз прощаю. А что до бабушки, так это она верно подметила, знает.

— Чувствуют они что ли? — задумался я.

— Да, — согласилась Анимара. — Детей не обманешь, они сердцем видят. Наши года слишком сильно дают о себе знать, несмотря на молодую внешность.

Я обнял Анимару, она прижалась ко мне. Её сладкий медовый запах окутал меня.

— Это ничего, — произнёс я. — Главное, что мы есть друг у друга.

— Да, — согласилась она. — Но мне кажется, нам уже пора.

— Пора уходить? — удивился я.

— Пора, — подтвердила Анимара. — Тучи всё явственнее сгущаются над нами, нам нет тут места.

Места нет нигде,  
но для золота найдётся!

— Жаль, — я взял в руки череп и стал его крутить. — Я так привык к этому месту. В других городах нас бы давно вышвырнули, и это в лучшем случае.

— В других городах и порядки другие! — покачала головой Анимара. — Сколько мы уже тут? Лет двадцать? Тридцать?

— Я не помню, — немного подумав, ответил я. — Но разве это так важно?

Анимара лишь фыркнула. С тех пор, как мы прониклись тайными учениями книги, счёт прожитых лет перестал нас тревожить. И чтобы совсем не сойти с ума, мы решили забыть про дни рожденья, заменив их другими, более осмысленными праздниками. Недавно у нас был праздник в честь лошадиной подковы. Когда душа требует, разве можно ей отказать?

Детство у нас было тяжёлым. Две сироты без каких-либо надежд на светлое будущее. Лучшее, что могло произойти с нами — это решение объединиться в борьбе за выживание. На улицу нас выкинули, едва нам стукнуло восемь.

В какой-то степени, нам повезло, ведь в отличие от остальных, нам не пришлось воровать и грабить. Почти сразу на улице нас приметил один господин, который и предложил нам поработать на него. Работа была тяжёлой. Наш покровитель, имя которого уже истёрлось в моей памяти, поручал нам как работу по дому, так и в конюшне, где всегда было чем заняться. Но мы были рады и этому. Платить много он не мог, зато у нас было, где спать, и что есть. На первое время этого было более чем достаточно. И даже сейчас, по прошествии множества лет, я не могу упрекнуть этого господина в жадности, или жестокости по отношению к нам.

Время шло. Почти все деньги, что нам платили, мы откладывали на покупку собственного дома. Это была наша самая большая мечта. Тогда мы ещё не знали, что наша дружба перерастёт в нечто большее, мы лишь надеялись вырваться из нищеты. Довольно быстро мы научились обращаться с лошадьми, да и выполнение другой, более тяжёлой работы стало для нас привычным делом, а потому, мы уже не чувствовали себя потерянными в этом мире.

Но однажды наша жизнь круто изменилась. Как-то раз, бродя по лесу в поисках ягод, я наткнулся на заброшенную хижину. Неприметная, заросшая, с заколоченными окнами, её можно было не разглядеть и с двадцати метров. Отчасти это было из-за того, что она лишь наполовину торчала из-под земли, а крыша была усыпана листьями, и проросшей травой. Помню, я тогда ещё решил, что ни за что не стану входить внутрь, мало ли какая нечисть может поджидать меня внутри. Но дом всё же привлёк меня своей молчаливостью, и моё детское любопытство взяло верх.

Хорошо ещё, что дверь открывалась внутрь, иначе я бы просто не смог войти. Внутри было сыро, пахло землёй и плесенью. Потолок прогнил и протекал. Да и стены были не в лучшем состоянии — корни деревьев пробили пол и две стены. Ветхая мебель, что когда-то служила своим хозяевам, теперь была пригодна лишь для костра после просушки. Я оглядел дом, и не найдя ничего ценного, отправился на выход. Бросив последний взгляд на покосившуюся книжную полку, мне вдруг показалось, что что-то в ней было не так. Солнце,

пробившееся в небольшую щель между заколоченными досками, падало на старые пустые полки, и среди серых оттенков прогнившей древесины я и увидел синий инородный проблеск.

Я подошёл к полке и осмотрел её. Древесина пошла глубокими трещинами, и если бы не это, я бы никогда не нашёл то, что скрывалось в её потайном отделении. Сквозь трещину проглядывалась обложка книги.

Сломать старые доски было не так уж и трудно. Внутри каркаса полки кто-то мастерски спрятал книгу. Не просто книгу, а книгу магических искусств. Как оказалось, в этой книге было всего два направления — колдовство и некромантия. Оба этих ученья основывались на одном фундаменте элементарных магических навыков, и после их освоения ученику предлагалось на выбор одно из двух направлений.

Эту-то книгу я и решил показать своей подруге по несчастью — Анимаре. Её сразу заинтересовало колдовство, а мне приглянулась некромантия. Оба искусства обещали продлить жизнь.

Так и вышло. Эта книга увеличила годы нашего существования на земле в десятки раз. Это был и дар, и проклятье. Мы больше не могли иметь друзей, мы не могли оставаться надолго в одном городе, а потому и денег на существование честными путями скопить было довольно сложно.

Вот потому-то мы и решили, что город не сильно обеднеет, если поделится с нами своими богатствами. Речь шла, разумеется, о городской казне. Первый раз, когда нам удалось совершить кражу и сбежать с золотом, мы были опьянены победой. Муки совести настигли нас на новом месте, но когда мы узнали, сколько на самом деле золота крутится в городских жерновах, мы успокоились. Тогда-то мы и пришли к выводу, что когда город начинает намекать нам на то, что нам пора убираться, или он сметёт нас сам, то мы будем подчиняться этому требованию, но за определённую плату.

С тех пор мы уже не раз успешно опустошали городскую казну во многих городах. Ничего, один раз — с них не убудет!

— Раз они не идут к нам, — прервала моё задумчивое молчание Анимара. — Значит нужно менять наши планы.

— О, как! — только и проговорил я.

— Соберись, Зельборн! — она схватила меня за плечи и слегка потрясла. — Ты был во дворце уже несколько раз! Неужели ты ничего не узнал?

— Нет, — ответил я. — За ручку к денежкам меня никто не водил. Да и стражи там, что комаров в лесу.

— И уж конечно, — продолжила Анимара, — ты и знать не знаешь, в какой стороне хранится золото?

Из черепа вывалился зуб, что теперь делало его оскал несколько не притязательным.

— Конечно! — согласился я, быстро поставив череп на место.

Анимара сложила ладони на лице в обречённом жесте.

— Ну, вот что! — объявила она. — Пока ты там прохлаждался, да строил из себя руку правосудия, тайком поглощая жизненную энергию пусть и мерзавцев, а всё же людей, я...

— Ты запаслась этой энергией впрок, как и все колдуньи! — негодуяще оборвал я.

Я с вызовом глянул ей в лицо, Анимара лишь горько покачала головой. Ещё бы, она прекрасно знает, что в этом споре ей не победить.

— Когда-нибудь, Зельборн, — размеренно произнесла она, глядя вдаль. — Когда-

нибудь, тебе придётся повзреть. А если принять во внимание твои годы, тебе стоило бы поторопиться!

— Что есть, то есть! — отозвался я, разводя руками.

— Так вот, я тебе про то, что есть и говорю! — передразнила Анимара. — Слушай, да помалкивай. А то ведь чаша моей снисходительности почти пуста.

— Слушаю, — согласился я.

— Казначей не являлся к нам, — продолжила Анимара. — А значит ему ничего от нас не надо.

— Всем что-нибудь, да надо! — аккуратно добавил я.

Грань, за которой стоило бы попридержать язык, была где-то рядом.

— А ему не надо! — развела руками она. — А может он попросту боится обратиться ко мне.

Я кивнул. Вполне могло быть и так.

— У нас нет больше времени ждать, пора перейти в наступление! — Анимара стукнула кулачком по своей ладони.

— Ох, нет! — скривился я. — Ты же не хочешь сказать, что мне опять придётся это делать?

— У тебя есть идеи получше? — брови Анимары выгнулись, словно то были две симметричные арки.

Идей получше не нашлось.

— Что ж, — обречённо выдохнул я. — Тогда нам надо хотя бы знать время, когда мы сможем привести твой план в исполнение.

— Об этом я и говорю! — указательный палец Анимары показывал на меня. — Если бы ты меня дослушал, то узнал, что мне известно.

— Я внимаю твоим умным речам! — проговорил я.

Глаза Анимары сузились, на лице застыла маска суровой сдержанности.

— Пока ты рубил головы, — она словно бы вбивала гвозди своими словами. — Я кое-что узнала. Тормиазин появится на базаре завтра в полдень.

Тормиазин — это толстый неуклюжий казначей. Мы давно за ним наблюдали и пришли к выводу, что человек он довольно скверный. Впрочем, чего удивляться — золото творит с людьми и не такое.

Он любит ярко одеваться, что бы его, не дайте Боги, кто-нибудь не спутал с обычным человеком.

Тормиазин уже не молод, седые жидкие волосы он обычно прячет под дорогой головной убор. С людьми он ведёт себя надменно, а при себе всегда имеет пару молодых и крепких стражников. На поясе его висит дорогой клинок, но судя по слухам, он никогда не пользовался им. Даже в тот день, когда банда головорезов напала на него. Возможно, Тормиазину не известна простая истина: мало просто носить оружие, нужно уметь им владеть!

— Завтра! — задумчиво проговорил я. — И что же?

— А то! — гордо отозвалась Анимара. — Помнишь ли ты трактир “Три колеса”?

— Это тот, что расположен у самого базара? — я понял, к чему клонит моя другая половина.

— Да, — кивнула она. — Завтра мы идём пить!

Я с сомнением посмотрел на Анимару.

“И кто ты есть, если твои лучшие друзья — мухи?!”

Один из любимых аргументов против Зельборна.

— Ты хоть осознаешь, — цедила сквозь зубы я, еле сдерживая нахлынувшие эмоции. — Что произойдёт, если я вдруг перестану сдерживать свой гнев?! Хватит уже дурака валять!

Я зачерпнула ложкой остывающий суп.

— С тобой разве можно не валять? — отозвался Зельборн, вяло размешивая сметану в тарелке.

— Со мной не нужно валять! — я метнула на него свой предгрозовой взгляд. — Хотя бы иногда!

Битый час приходилось объяснять все тонкости предстоящего мероприятия, а из слушающих мои речи — только мухи, и те, как оказалось, лишь притворялись живыми.

— Ты напрасно беспокоишься, — проговорил он, очаровательно улыбнувшись. — Никаких сложностей я не вижу.

Ну как тут устоять перед такой обворожительной улыбкой? Я и растаяла, чуть-чуть.

Завтрашний день многое мог прояснить для нас. Однако мои опасения насчёт нашего затянувшегося пребывания в Гонкоралле не были пустыми страхами. Люди охотно пользовались моими услугами, и менее охотно услугами Зельборна, и я видела и ощущала, насколько страх перед нами вытесняет всё то доброе, что таилось в их сердцах. А страх рано, или поздно рождает ненависть. И как только её наберётся достаточно, нас отправят на эшафот по любому вымышленному поводу. Таких историй нам знакомо не мало.

Нет уж, пусть Гонкоралл хоть трижды лучше остальных городов в своей сдержанности относительно магов, а рисковать больше мы не можем.

— Я никогда не беспокоюсь напрасно! — задумчиво озвучила я свои мысли.

Зельборн лишь презрительно фыркнул. У меня перенял, не иначе.

Вообще переходить в открытый конфликт с Зельборном — себе дороже. И вовсе не потому, что этот бледный гусь столь злопамятный.

Видят Боги, у меня есть, чем ответить на многие выходки как Зельборна, так и кого бы то ни было. Мой арсенал заклятий лишь пополняется с каждым прожитым годом. Я уже переступила тот предел, когда помощь учителя была так необходима. Теперь и наша книга для меня не более направления, куда следует держать свой путь.

Обилие проклятий в моём распоряжении — моя гордость. Зельборн прекрасно знает, на что я способна. От чесотки и забывчивости, до пугающих метаморфоз в сознании, или теле.

И всё же, порой его довольно простые манипуляции с жизненной энергией меня впечатляют не меньше. Впрочем, кому понравится нашествие мёртвых насекомых в кровать среди ночи?

А рой лесных шершней, что кружат вокруг и не дают и шага ступить?

Зельборн мастер подобных проделок, но пугает меня не это. Ни насекомые, что обращаются в пепел по мановению хорошо поставленных рук. Ни шершни, что, так или иначе, не осмелятся меня ужалить, ведь в противном случае мой внутренний демон вырвется наружу, и всех, кто оказался поблизости сметёт его яростный шторм смертоносных проклятий.

Пугает меня одиночество, с которым остаёшься, если вдруг наши разногласия выходят за рамки обыденного. Та пропасть, что заглядывает в меня и словно тянет ко мне свои тёмные руки. Уже не первую сотню лет мы вместе. И никого ближе, чем он, у мен нет, и никогда уже не будет.

Именно поэтому я встала из-за стола и изрекла:

— Иногда тебя хочется просто придушить!

— И тебя тоже! — отозвался он, но завидев мой недобрый взгляд, уточнил. — Люблю.

— Проклятье ты моё! — уверила я Зельборна.

— А ты — моё! — убедительно ответил он.

Начинающаяся ночь крадучись переступала через порог дома. За окном стало совсем темно.

— Пора спать, — сказала я, убирая со стола. — Всё ли у тебя есть?

— Думаю да, — ответил он, показывая мне две колбы.

Одна колба была почти доверху набита чем-то, вроде серых крошек. Так может показаться издалека, но если взглянуть ближе, то можно обнаружить целую стаю мёртвых комаров. В другой колбе упокоились мухи. Их было меньше раза в два — их Зельборн держал на всякий случай. И я совсем не сомневалась, что это далеко не все его подданные, что он держал при себе, но показать мне весь свой арсенал он не удосужился. Более экзотических насекомых он обычно не использовал, так как комары и мухи встречались почти везде. Да и внимания почти не привлекали, в отличие от тех же ос, или бабочек. Или, не дай Боги, стрекоз!

— О, хорошо! — одобрительно кивнула я.

Оставив гореть лишь несколько свечей, мы отправились спать.

“Или поезжай с нами, или катись отсюда!”

Таверна “Три колеса”

Таверна “три колеса” — та ещё дыра. И не потому, что там собирается всякое отребье, в Гонкоралле трактиры и таверны — это необходимость, чтобы жизнь не казалась столь серой и однообразной. Между тем, “Три колеса” гордо именуется себя и тем и другим, дескать, и ночлег у нас есть, и обед наличествует. Впрочем, большинство подобных заведений переняли столь широкий размах, и теперь едва ли в городе можно было сыскать таверну отдельно от трактира. По крайней мере, таковы были слухи. Зачем я это знаю, и сам иногда поражаюсь.

Что до этого трактира — не каждому сюда лежит дорога, не каждый собирается являться в столь сомнительные заведения, но иногда и одного раза достаточно, чтобы клешни трактирных будней вцепились в тебя, и вытрясли из тебя все твои деньги, и остатки здоровья. Личный опыт, какодного из постояльцев в одном захудалом трактире даёт мне право делиться своими наблюдениями на этот счёт. Слава Богам, в этот нелёгкий период жизни со мной была Анимара. В юные годы мы были куда более беспечны, а потому она не сразу заподозрила, что я сильно пристрастился к хмелю. И когда глаза её открылись, она не стала упрашивать меня, или проводить со мной бесконечные беседы. Её подход был более, чем прост — она прокляла меня проклятием немощности так, чтобы даже с кровати встать было тяжело, ни то, что куда-то идти.

Сначала я вспыхнул, словно порох, и попытался насрать на неё ответное проклятье, проще, но тоже довольно эффектное. Помню, как с яростью выкрикнул слова ослепленья и метнул его в неё. К счастью, ничего у меня не вышло — энергия покинула меня вместе с жизненной силой.

— Твоё проклятье действует, — ехидно сообщила мне Анимара, — Раз я всё ещё с тобой, значит, ослепла достаточно!

Лёжа в кровати несколько дней, и пребывая в дурном расположении духа, я понял, насколько был глуп, раз поддался столь приземлённой ловушке. Не чар Анимары, а ловушке хмельного яда. Можно сказать, что с тех пор я прозрел, и подобные заведения обхожу стороной. Впрочем, Анимара так же дала мне понять, что моих познаний было не достаточно, и уже тогда она превосходила меня по искусству колдовства. Это заставило меня погрузиться в своё тёмное ремесло с новой силой, и это дало свои плоды, пусть и не сразу, и не совсем так, как я этого желал.

Вот почему от мысли посетить трактир “Три колеса” я невольно ощутил неприязнь к этому месту. Каких только людей ни носит этот невзрачный домишко. Знаем, плавали.

Погода стояла тёплой, так что наш выбор гардероба пал на простоту и непритязательность. Анимара оделась в длинное серое платье в красный цветок, на шею накинула синий платок с жёлтым узором. Столько обречённых вдохов, как перед выходом в таверну я давно не слышал. Муки выбора одного из четырёх платьев занял почти пол часа, моя предусмотрительность встать пораньше была как обычно — кстати.

Я же облачился в коричневый плащ, и чёрные штаны. Как ни одевайся — а многие в городе так, или иначе знают и моё лицо.

Идти было не далеко. Трактир находился прямо на торговой площади. Тут же, неподалёку, возвышался королевский дворец — к нему вела величественная лестница.

Довольно скоро мы уже стояли у некогда красивой резной двери в трактир. Большая деревянная табличка гласила: “Три колеса”

Переглянувшись, мы вошли внутрь заведения, чей негласный девиз был лаконичен и прост: “Или поезжай с нами, или катись отсюда!”

Внутри траткира было светло и просторно. В зале стояло множество столов, большинство из которых пустовали. Запах хмеля вперемешку со вкусными блюдами ударил в нос, заставляя вспомнить о забытом завтраке. Наш непримечательный стол у окна был свободен, и мы направились к нему.

— Стол у окна, — обратилась Анимара к высокому худому трактирщику с острым взглядом. — Ближайшие два часа — наш!

— Госпожа Анимара? — уточнил трактирщик и гостеприимно улыбнулся.

— Кто же ещё! — фыркнула она и обратилась ко мне. — Ступай Зельборн, а я пока посмотрю, что тут у них есть.

Такая вот у меня колдунья — любит держать палец на готовой пустить стрелу тетиве. Иногда это даже пугает.

Я прошёл к дальней стене траткира и занял наш стол на две персоны. Лица, среди которых были не только пропитые и потерянные в жизни физиономии, но и вполне осознанные, совсем скоро потеряли к нам интерес. Однако, как это водится, тема разговоров за некоторыми столами переменялась на перемирование наших бранных костей, в особенности моих, ведь претендентов на встречу с одним из моих топоров тут было предостаточно. Да, шёпоток с некоторых столов дал мне знать это, хотя я и мог бы узнать об этом иначе.

— Морс?! — раздался возмущённый крик трактирщика.

На секунду все взгляды устремились в сторону Анимары, которая, по всей видимости, просила от молодого юноши, стоящего за столом заказов, слишком много.

Но вскоре они достигли согласия, и Анимара, с удовлетворённым лицом подошла к столу и плюхнулась рядом.

— Очень хорошее место! — заверила она меня. — Площадь, как на ладони!

Тут я бы мог поспорить, но не стал. Только грызни друг с другом нам сейчас и не хватало. Площадь была видна лишь наполовину, но дорога к замку просматривалась очень даже хорошо! Если сосредоточиться на ней, то, скорее всего, мы ничего не упустим.

Я ещё раз проверил доступность комаров, которых я предусмотрительно незаметно вытряхнул перед трактиром из колбы. Большинство из них были на месте. Этого должно было хватить. В крайнем случае, я использую не запланированных — тех, что скрыты в укромных уголках. Их не много, но подобные подарки судьбы всегда окружают нас.

Потянулись долгие минуты ожидания, мы старались вести непринуждённую беседу о погоде. Из всех мелочей, что мы так тщательно прорабатывали — непринуждённый разговор оказался настоящим откровением. О чём вообще можно разговаривать в этой дыре ещё четверть часа?

Анимара предложила обсудить грядущие прогулки за городом. Она стала перечислять названия цветков и трав, что ей были нужны. Я цокал языком, сокрушаясь, что травами

Гонкоралл практически не торгует, так как не знает им цены.

— Алхимики знают толк, — ответила Анимара мрачно. — Да продавать не станут.

— А было бы здорово! — соглашался я. — Пришёл в лавку, а там и травы, и зелья необходимые. А если бы ещё мёртвых насекомых продавали...

— Зельборн! — шикнула на меня Анимара. — С ума сошёл что ли?!

Я прикусил язык, озираясь по сторонам. Пару голов были обращены в нашу сторону, но их интерес быстро угас.

Я решил поведать Анимаре о книге, что недавно позабавила меня своими красочными описаниями подземных ходов Гонкоралла. Но не успел я открыть рта, как, наконец, то, чего мы так долго ждали, свершилось. Нам принесли еду.

А проклятый Тормиазин всё не шёл.

“Ну же, попробуй, возрази.  
Откроешь рот — проглотишь муху.  
Неприятно, правда?”

Я лениво копался ложкой в тарелке с картошкой и куском довольно аппетитного куска мяса, когда услышал тихий возбуждённый шёпот Анимары:

— Это он!

Она смотрела в окно, я тоже быстро бросил взгляд на площадь.

Возможно, я и видел пару раз казначея Гонкоралла, однако запомнить его не счёл за необходимость.

Среди снующих прохожих и бесчисленного числа лавок я увидел человека, спускающегося по ступеням, ведущих во дворец. Его профиль резко контрастировал с мрачной и серой одеждой большинства людей, сомнений не оставалось — это действительно был он. В сиреневых широких штанах и бархатном халате, он чинно считал ступени толстыми ногами. Два стражника гордо несли свои копья за его спиной.

Отхлебнув из кружки клюквенного морса и откусив немного от картофелины, я принялся за дело.

Внутренним взором я оглядел пространство. Большинство насекомых всё ещё лежали у входа в таверну, а потому я послал к ним свой энергетический зов.

Медленно, по одному, по моему велению комары поднимались в воздух. Сознание моё померкло, что не помешало мне поесть своё блюдо и даже иногда запивать морсом.

Я послал стаю комаров под крышу — наблюдать за происходящем с высоты. Наблюдать могли не все, у кого не было головы, кто был лишён зрения вовсе — идеальных насекомых было пять, пять из четырнадцати.

Расставив приоритеты очередности, я стал наблюдать через них за обстановкой.

— Правда, здесь очень мило? — услышал я сквозь пелену голос Анимары.

Я переместил большую часть сознания обратно в таверну и оглядел свою другую половину. Её лицо говорило мне о том, что я должен сказать хоть что-то. Быстрый взгляд на соседние столы подтвердили мои догадки — множество голов удивлённо смотрели на меня.

— Да, не плохое место, — отозвался я, пытаюсь разрядить обстановку.

Видимо, моё аморфное состояние казалось для остальных поводом для беспокойства, а потому мне стоило уделять внимание, в том числе, и разговорам. Анимара не стала бы попросту отвлекать меня от дела.

Между тем, Тормиазин довольно шустро стал собирать с торговцев деньги, и лишь с несколькими из них он затеял спор. Его грузное тело как раз стояло неподалёку и о чём-то спорило, и я решил узнать о причинах спора.

Выбрав не самого развалившегося комара, я направил его к мясной лавке, где и стоял Тормиазин. Его громкие возгласы стали слышны почти сразу, едва комар набрал ходу. Впрочем, голос казначея был сильно приглушённый, но какой мог быть спрос с маленького насекомого?

Подул сильный ветер, и я едва не потерял управление. С досадой я отметил, что двух

комаров из-под крыши унесло за пределы моей досягаемости.

— Не хочешь платить — не плати! — один только этот возмущённый крик Тормиазина разжёл во мне желание послать на него стаю диких ос.

Возможно, будь они у меня под рукой — дело бы кончилось довольно скверно.

— А Его величество знает, какой процент возложен на мою скромную лавку? — спрашивал хмурый голос плечистого мясника. — Это же слишком много!

— Если желаете, — отчеканил Тормиазин. — Вы всегда можете получить уточняющую информацию во дворце.

— Да что бы попасть во дворец, — не выдержал мясник и перешёл на крик. — Надо получить разрешение.

— Только и всего! — неприятно улыбнулся Тормиазин.

— Морс просто восхитительный, — услышал вдруг я неуверенный голос Анимары.

— Да, мне тоже нравится! — отозвался я, нащупав кружку на столе и отхлебнув большой глоток.

— Эй! — возмутилась она. — Это моя кружка!

— Боги видят твою доброту, — улыбнулся я, и моё внимание снова перетекло к мясной лавке.

— А потом бумагу, — перечислял мясник. — Что я — это я, а не бездомный бродяга, желающий получить справку не на своё имя! А потом бумагу, что в течение месяца я не обращался с подобными просьбами! А затем разрешение на аудиенцию к секретарю, а он бывает на своём месте так редко, что хоть караул ставь!

— Очень занятой человек! — согласился Тормизиан.

— А после этого мой вопрос будет рассмотрен для поднятия в вышестоящих кругах дворца! — продолжал возмущаться мясник. — Но до этого обычно не доходит, так как проходит месяц с получения бумаги, что я не обращался с этой проблемой в течение месяца, и она почему-то становится уже не действительна! А раз так, то приходится начинать с самого начала!

Тормизиан смотрел на мясника с невинной улыбкой на толстых губах. Вот же мерзавец!

— Давайте же подведём итог, — предложил он. — Не проще ли оплатить своё спокойствие?

— Бездна бы тебя побрала, и тех, кто тебе подобен! — лицо мясника исказилось в злобе. — Забирай!

И он швырнул монеты в Тормизиана. Тот отпрянул, словно бы ждал, что мясник на него нападёт. Монеты упали на землю, стража за спиной казначея напряглась.

— Я слышал, — спокойно произнёс Тормизиан. — Что у тебя есть дочь. Чудная, девятилетняя, с золотыми волосами и ангельским голосом. Ты только что швырнул её будущее мне в лицо, мясник!

Лицо мясника побагровело, глаза округлились. Порыв ветра снёс моего комара в сторону и тот почти обессилил, я решил усадить его под самую крышу лавки.

— Нет! — запротестовал мясник. — Я не хотел этого, Тормизиан! День сегодня больно дурной, знаешь ли, вот я и не выдержал. Не надо, не сердись на меня.

— То-то, — с достоинством произнёс он и вытянул правую руку. — Сюда ты положишь деньги. Я жду.

И мясник кинулся к ногам казначея подбирать брошенные монеты. Собрав все, он вложил их в руку казначея и отошёл обратно к своей лавке.

— Я забуду об этом, — глаза казначея сузились. — Но ты... ты будешь помнить. Помнить своё место.

Тормизиан развернулся, и направился дальше.

— Ай, ай! — вдруг вскрикнул он, и шлёпнул себя по шее. — Проклятье!

Это комар, который был под моим контролем, быстро вонзал свой хоботок в мерзкую шею казначея, пока тот не прихлопнул его.

— Тебе тоже взять? — послышался голос Анимары из тумана.

— Конечно, взять! — не задумываясь, ответил я.

— Но твоя кружка почти полна, — рассеянно ответила она.

— Я выпью обе сразу, — отмахнулся я, увлечённый событиями на площади.

Сильный ветер налетел на дом и унёс сразу пятерых насекомых. Осталось всего шесть, при этом двое из них мало на чтогодились.

Между тем, Тормизиан уже отходил от последней лавки на площади в сторону лестницы к замку.

Пора! Я пошарил вокруг внутренним взором и обнаружил поблизости ещё нескольких дохлых комаров. Я поднял их из мёртвых, и направил вслед за казначеем.

Две кучки насекомых соединились в одну, и теперь от меня требовалось максимальное присутствие.

Но тут запах картошки с мясом поманил меня. Я огляделся по сторонам — Анимара как раз с довольным лицом забирала у трактирщика две кружки с морсом.

Я схватил ложку, отщипнул от мяса кусок побольше и сунул себе в рот. Когда моё внимание переключилось обратно, я обнаружил, что комары немного сбились со следа. Слава Богам, Тормизиан был медлителен и неповоротлив, да к тому же обременён целой грудой золота в большом холщёвом мешке. Хорошо, что нам удалось узнать, когда он придёт, ведь его появление — всегда тайна, покрытая мраком. Хотя точнее было бы сказать, как поговаривают торговцы: является, словно эфесом, банкой, котелком (кто чем торгует) по голове — когда вздумается!

“Дохлый таракан в еде —  
ещё не повод затевать конфликт!  
Хочешь он сам уйдёт?”

Зельборн.

Тем не менее, я устремил всех своих подопечных в догонку за Тормизианом. Тот как раз достиг лестницы, ведущей к королевскому замку.

Как только насекомые поравнялись с казначеем, я принялся лихорадочно распределять силы. Соображать было тяжело, казначей сильно мешал, махая рукой, иногда сбивая с пути насекомых.

Одного на плечо. Второго за рукав.

Как оказалось, ветер сегодня играл на стороне казначея, а потому с лихорадочной силой сдувал моих подопечных. Следующий порыв ветра унёс безвозвратно ещё одного ценного насекомого.

Проклятье!

Тормиазин хлопнул себя по запястью, и комаров осталось всего четыре. На таком расстоянии я не смогу поднять новых преследователей, а догнать его уже не выйдет.

Вероятно, в процессе погони я слишком быстро жевал, так как кусок хорошо прожаренного мяса попал не в то горло и я стал кашлять. Контроль за насекомыми почти ослаб.

Я почувствовал, как Анимара лупит меня по спине с завидным усердием.

— Ну что ты! — приговаривала она. — Говорю же — жуй спокойно!

Наконец я вновь обрёл возможность дышать.

— Гадость какая! — недовольно высказался я, имея ввиду не столько еду, сколько ситуацию.

Я перекинул внимание обратно, налаживая контакт с насекомыми, но вдруг краем уха уловил — что-то было не в порядке в трактире.

С раздражением, я частично вернулся назад и огляделся. Все лица в зале были повёрнуты в мою сторону. Бледный трактирщик смотрел на меня ошарашено.

“О, он тоже некромант”, — сквозь слёзы от кашля обрадовался я. Но увы, то оказался лишь страх.

— Вам не понравилось блюдо? — осторожно спросил он в нависшей образцовой тишине.

— Вот именно! — гневно согласился я, дабы от меня уже отстали.

Из-за дверей, ведущих на кухню вдруг послышался удар металла об пол.

Трактирщик приставил ладони к лицу, и с ужасом смотрел на меня сквозь них.

Вдруг дверь распахнулась, и от туда вывалился огромный здоровяк в некогда белом фартуке. Его голова была повязана платком, в руках он держал нож, с которого капало нечто красное.

Лицо здоровяка было суровым, словно бы человек обладавший им прошёл с десятков войн, пол сотни лишений судьбы и пережил всех своих родных и близких. Его глаза яростно обводили зал, губы застыли в гримасе перманентного гнева.

Я попытался вернуться к насекомым и мне это удалось. Изю всех комариных сил я

бросился вдогонку пыхтевшему от шествия по лестнице казначея.

— Кто? — басом спросил повар.

Один комар уселся за воротник казначея.

Десятки рук молниеносно выдали мою позицию.

— Ах вы, доносчики несчастные! — бессознательно вырвалось у меня.

Второго комара я посадил в складки штанов. Третий и четвёртый уместились у карманов казначея. Впереди стояла стража, охраняющая вход в замок. Терять связь было уже опасно, поэтому я переместил сознание обратно лишь отчасти.

Повар быстрыми и грозными шагами подошёл к нашему столику. Бежать было некуда. Я встал, приготовившись встретить его и пустить в ход все свои знания. Изо всех сил я пытался оставаться невозмутимым, мысленно возвращаясь к одной и той же мысли — я не один.

— Тебе не понравилось моё блюдо?! — с вызовом спросил здоровяк.

— Да! — услышал я свой голос. — Это невозможно есть!

И в качестве подтверждения, я поднял из-за полки с винами, что стояла за спиной трактирщика, здоровенную дохлую муху. В предгрозовой тишине звук её крыльев был слышен особенно звонко.

Казалось, что за её полётом наблюдали все.

— Да к тому же, — добавил я, направляя муху к нашему столу.

Под ошарашенный взгляд повара, с громким чмоканьем муха плюхнулась в картошку и вскоре затихла.

— У меня в еде муха! — завершил я.

Повар переводил полный гневного возмущения взгляд то на меня, то на чёрную точку в картофеле.

— Я знаю, — процедил повар, — что это твои шуточки, палач. Не думай, что тебя тут кто-нибудь боится! А за свою дерзость ты мне заплатишь! Мои блюда — это моё искусство, и я не посмею тебе их порочить!

— За свою дерзость заказать это блюдо я уже заплатил! — ответил я, хотя в этот раз платил вовсе не я.

Здоровяк в перепачканном фартуке погладил нож, не сводя с меня глаз.

— Вот как мы поступим, — проговорил он. — Ты извинишься передо мной, и, может быть, моего великодушия хватит на то, что бы тебя простить. Эй, Белуф, привезли ли лук?!

Он повернул свою голову в сторону кухни.

— Ещё не привезли! — отозвался кроткий юношеский голос.

— Нет. Моего великодушия не хватит, — он повернул голову обратно. —

Сколько лет работаю, а таких наглецов не встречал!

— Я у вас впервые, — заметил я.

— Моего терпения осталось не много, палач, — повар выхватил нож и воткнул лезвием в стол. — А великодушия у меня, как лука. Уловил?

Нож ушёл в стол на четверть.

— Пропать тебя побери, Зельборн! — вспыхнула Анимара. — Мы сожалеем с случившемся, хорошего вам денька!

Взгляд повара упал на Анимару и несколько смягчился. Она как раз безуспешно тянула меня в сторону выхода. Даже если бы я и хотел, то не смог бы пойти туда сейчас. Она перестала, и деловой походкой сама отправилась к выходу, вероятно, показывая мне как это нужно делать. Однако никто не обратил на неё внимания. Я знал, что так же легко уйти мне

не удастся.

Моё внимание за комарами почти ослабло и мне срочно пришлось вернуть внимание обратно. С ужасом я осознал, что двоих уже не было на месте.

Тормиазин как раз зашёл в просторный зал и направился к одной из дверей замка.

— Время вышло, гость дорогой! — раздался голос повара.

Вдруг я слушал звук падающего стола и смутно увидел летящий в мою сторону огромный кулак. Чудом мне удалось увернуться, однако здоровяк был тоже весьма проворен. Он дёрнулся в мою сторону с новой атакой.

Налево, вниз по лестнице, направо. Последний комар! Последний шанс!

И снова я успел увернуться, мельком замечая, что Анимара пытается помочь, шепча про себя нечто длинное и путанное. Больше никто не вмешивался, очевидно, всем хотелось жить.

Вдруг повар прыгнул на меня, цепко схватив за плащ.

Направо, дверь. Налево, по коридору. Ещё дверь, с тремя замками.

Меня швырнуло в угол с дикой силой. Я ударился затылком, и упал на пол. Но, не смотря на это я вскочил на ноги, пытаюсь припомнить заклятье позабористее, одновременно следя за передвижением казначея.

Повар подступал, поэтому я решил атаковать его первым — если мне удастся успеть, этот скот взвоят от нестерпимой боли.

Мои руки засветились лёгким зеленоватым отблеском. Здоровяк остановился и с опаской стал наблюдать за моими руками.

Дверь открылась, стража осталась позади. В сумраке я увидел, как Тормиазин отсчитывает часть золотых монет, и кладет себе в карман. Затем он подошёл к стоящему в углу сундуку, открыл его и швырнул в него остальное.

Пора! Комар, что сидел у левого кармана взлетел и из последних сил упал за сундуком без признаков жизни. Теперь я смогу его отыскать!

— Есть! — крикнул я, возвращая себе полный контроль и по глупой рассеянности обрывая мощное проклятье в сторону повара.

Тот вдруг выбросил огромный кулак вперёд. Меня поглотила тьма.

Если у твоей половины есть план даже на тот случай,  
когда вас сажают в тюрьму — это ли не повод задуматься?

Зельборн вдруг дёрнулся, я подошла к нему и легонько встряхнула.

— Что? — глаза его, ещё не привыкшие к темноте, открылись. — Где я?

Он сел, хватаясь за левый глаз.

— А почему так больно? — вновь спросил он, вопросительно глядя на меня.

— Ну и горазд же ты спать! — возмутилась я. — Я тут чуть с ума не сошла!

В глазах Зельбона начал вырисовываться намёк на осознание.

— Ах, этот чёртов повар! — вскрикнул он, но тут же осёкся. — Где это мы?

Он огляделся, хотя смотреть тут было особо не на что. Четыре квадратных метра тёмного пространства, глухие стены, два лежака. Ах да, из декоративного — зарешеченное окно, да решётка вместо одной стены.

— В тюрьме, — уточнила на всякий случай я.

— Проклятье! — ответил Зельборн, и, пошатываясь, встал.

— В таверну сбежалась стража, и нас утащили сюда, — развела я руками.

— Что же ты не испепелила всех вокруг?! — толи в шутку, толи в серьёз спросил он. —

Да и с тем мерзавцем могла бы помочь, я всё-таки делами занимался!

В ответ я лишь фыркнула.

Зельборн внимательно огляделся, на лице его вдруг показалась тревога.

— Ого! — изрёк он. — Или тут чисто, как в королевской постели, или магия тут не работает.

— Не работает! — спокойно подтвердила я. — За столько лет пора бы уже знать такие тонкости.

— Не будем же мы тут до смерти сидеть?! — он подёргал прутья решётки.

Откуда-то сбоку издался смешок.

— Не будем, — убедительно заявила я. — Это лишь у тебя никогда нет плана действий.

— О! — заметил Зельборн, и подошёл ко мне. — Что будем делать?

— Сидим и ждём! — приказала я. — Нас скоро освободят. Скорее всего, некто уже бьётся в чертоги тюрьмы, что бы вызволить нас отсюда.

Зельборн подошёл и крепко обнял меня.

— Проклятье ты моё! — ласково прошептал он. — Предусмотрительное.

— А ты — моё, — согласилась я.

— То, что вы оба проклятье — спорить не буду! — раздался хриплый голос из дальнего угла.

— Попридержи лучше язык, Корлик, — сообщил другой голос издаleка.

— Больно надо! — отозвался первый голос, но тут же затих.

Наступила тишина. Пахло плесенью, стены были влажные. Где-то капала вода. Зельборн полез за своим костяным клинком, но того на месте не оказалось — отняли.

Шёл третий час, как нас поместили в эту дыру, а за нами так никто и не шёл. Я села на лежак и стала вспоминать свои действия и слова.

Глупость какая! Я никогда не путаю последовательность заклинаний, я не могла

ошибиться! Однако, если вдруг заклятье сработало не полностью, или, чего доброго, сработало как-то иначе... и потом, кажется кто-то влез между нами, но могло ли это помешать?

Вдруг раздался звук открывающегося замка. Дверь где-то сверху распахнулась, и по лестнице зашагало несколько пар ног.

— Да говорю вам, — тараторил голос басом. — Ошибочка вышла.

— Очень всё это странно, — отвечал солидный, чуть грубоватый голос. — Но раз уж вы настаиваете...

— Очень настаиваю! — перебил его первый голос. — Более того, если там не хватает, я могу ещё больше настоять.

Послышался сдержанный кашель.

— Я хотел сказать, — поправил сам себя бас. — Что я благодарен вам за вашу милость!

— Ну, наконец-то! — прошептала я.

К решётчатой двери подошли четверо. Один седой и спокойный, словно наевшийся до отвала пёс. Это был начальник тюрьмы. Его серая кожаная рубашка и чёрные штаны были поношенными, но имели опрятный внешний вид — было видно, что этот человек за собой следит.

Двое стражников, с оружием в руках, и наш спаситель, разумеется.

Зельборн вздрогнул и отошёл к стене.

— Он что, — прошептал некромант, глядя на высокую фигуру по ту сторону решётки, — пришёл добить нас?!

— Надеюсь, что нет, — отозвалась я.

Они остановились. Начальник пошарил в кармане и извлёк связку ключей. Пару минут ушло на то, чтобы найти нужный ключ. И вот, дверь распахнулась, и первым, кто воспользовался этим, стал повар.

С улыбкой на губах он впорхнул в тесное узилище, раскрывая руки в объятьях. Зельборн вжался в стену.

— Прошу меня простить, госпожа! — раздался его взволнованный голос. — Я виноват перед вами и пришёл искупить свою вину!

Зельборн ошарашено смотрел на здоровяка в белом засаленном фартуке.

— Прошу вас меня извинить! — продолжал он, — Я позаботился, чтобы вас освободили!

— Посмотрим, — свысока ответила я, направившись к выходу.

Зельборн направился следом.

— А ты, слизняк, — тон повара вдруг изменился с ласкового на грубый, — останешься тут гнить.

— Нет, не останется, — кинула я через плечо, поднимаясь по лестнице к выходу, под изумлённые взгляды собравшихся.

— Ладно, — процедил повар, — проходи. Я сегодня в отличном расположении духа!

— Что за спектакль! — раздался голос начальника. — Куда же вы, я хочу досмотреть!

Я вышла наружу и вдохнула полной грудью. Всё-таки иногда хорошо получать подобные уроки судьбы, чтобы не забывать, насколько ценно то, что у тебя и так есть.

Зельборн тоже вышел наружу, а за ним и наш спаситель.

— Госпожа! — обратился он ко мне. — Моё имя Винрант. Чем ещё я могу вам

услужить?

— Пока что ничем, — ответила я. — Ступай, Винрант, твори свои явста на своей кухне!

— Конечно, госпожа! До встречи! — улыбнулся он и направился в сторону своего трактира.

Улыбка повара была словно снег зимой — иногда бывает, но случается такое скорее в виде исключения. Его лицо вообще не походило на лицо человека, который любит улыбаться. Тем не менее, я увидела это и поёжилась.

Зельборн, который всё это время держался в стороне, подошёл. Вертя в руках вернувшийся обратно костяной клинок, он произнёс:

— Твои штучки?

— А чьи ж ещё? — с достоинством спросила я. — Уж не думаешь ли ты, что этот дуб по собственному желанию сюда явится.

— Да уж! — подтвердил Зельборн.

— Ты сегодня не в пример бледный, — сообщила я своей другой половине, когда мы побрели в сторону нашего дома.

— Правда? — обрадовался он и пощупал свою щёку.

— Правда, — мрачно подтвердила я.

Я не стала озвучивать свои предположения по этому поводу, потому как некромант был сегодня большим молодцом. Да и я сегодня страха натерпелась, так что пусть порадуетя.

“Хороший подзатыльник иногда заменяет целые часы объяснений, почему я права. И почему только я не могу использовать это средство на постоянной основе?”

Дойдя до двери нашего жилища, мы обнаружили, что порог был уставлен пятью закрытыми кувшинами. Зельборн поднял один, открыл плотно закупоренную крышку и понюхал содержимое.

— Как раз сегодня молока хотелось! — заявил он.

— Да, тебе не повредило бы, — заметила я. — А то твоё лицо с ним одного цвета.

Ясное дело, та самая девица принесла, у которой мать больна была, кто ж ещё. Вообще подобные дары не редкость. Деньгами я беру только с тех, кто может заплатить. А тем, у кого их нет, я оставляю их совесть в качестве судьи. И, как правило, судьи эти строги настолько, что нам можно было бы вообще ничего не покупать.

Забрав щедрые дары, мы вошли в дом.

Подумать только, из-за какой ерунды может возникнуть скандал. Сейчас, например, Зельборн вдруг решил, что ему тоже нужны эти кувшины, под пепел. И это именно тогда, когда я так удачно придумала их пристроить — под толчёные травы, и для основополагающих порошков. Пришлось отдать два из пяти.

— Что мы имеем? — риторически вопрошал воздух Зельборн, меря пол широкими шагами.

Доски слегка потрескивали, как и моё не вполне пришедшее в норму терпение.

— Не так уж и много, — нахмурилась я. — Ориентир у нас есть, но этого не достаточно. Каким-то образом нам нужно проникнуть во дворец, и, следуя ориентиру, найти сундук!

— Под “мы” ты, конечно, подразумеваешь меня? — спросил он.

— Конечно! — подтвердила я. — Ты давай, вспоминай, как устроен замок изнутри!

— Что толку! — отмахнулся Зельборн. — Там чёртова пропасть стражников на каждом шагу. И это не те босоногие бездельники с улиц. Там целый рой профессиональных убийц!

— Твои братья, стало быть! — фыркнула я, зажигая в печи огонь.

— Верно! — почему-то обрадовался он.

— Вспоминай, Зельборн! — повторила я. — Что ты видел, когда тебя вызывали во дворец. Помнится, это было раза четыре.

Он с минуту подумал, а затем ответил:

— Меня далеко не пускали. Что там было? Дай-ка подумать. Да ничего особого — обычный дворец. Высокие стены, картины и безвкусные цветы везде висят. Дорогая мебель, множество дверей и целая куча стражи.

“Ох, ты моя умничка!” — обрадовалась я насчёт цветов. Столько лет я твердила Зельборну, какие цветы действительно достойны восхищения, а какие — пустышки. Прививала культуру восприятия, так сказать. И вот, наконец, пожинаю плоды!

— Но ведь ты знаешь, в которую из них нужно войти! — уточнила я.

— Знать-то знаю! — ответил он. — Но она же закрыта.

— Само собой! — проговорила я, переливая молоко в большой чан над занимающимся огнём в печи. — Она и должна быть закрыта! Это ж дверь, ведущая к золоту!

Зельборн тёр заплывший глаз. Обречённо вздохнув, я подошла к полкам с травами. Со средней полки достала завязанный узлом мешок, и отсыпала в платок тёмно-зелёного

порошка, с красными вкраплениями. Немного смочив водой, я произнесла в него несколько нехитрых слов, и протянула окривевшему некроманту.

Тот взял узелок и приложил к глазу.

— Спасибо! — сказал он. — Я кое-что вспомнил. Есть ведь и другой путь!

Я с интересом взглянула в бледное усталое лицо моей другой половины.

— Что ты имеешь в виду? — с сомнением спросила я.

— Стоки, — отрезал Зельборн.

— Ни за что! — вскрикнула я.

Зельборн с сомнением глянул на меня, а за тем пожал плечами.

— Нравится тебе это, или нет, — проговорил он, прикасаясь к глазу, — а в этом может быть наше спасение.

— Спасение! — всплеснула руками я. — Ты хоть знаешь, какая энергетика у сточных вод?! Я молчу уж о тех, кто обитает в недрах стоков!

— Свою энергетика ты сможешь поправить в следующем городе, когда будет на что разгуляться! — деловито проговорил Зельборн. — А что до обитателей — ты и сама о них ничего не знаешь!

— Видеть — не видела, признаю, — ответила я. — Но слухов и историй ходит множество. Если хоть часть из того, что я слышала правда — то соваться в стоки Гонкоралла — плохая идея.

— Других идей у меня нет, — сказал Зельборн, вставая из-за стола.

На улице завыл ветер, котёл сообщал мне, что молоко готово.

— Ладно! — проговорила я, кинув взгляд на выжидающую в нетерпении физиономию Зельборна. — Выкладывай, что знаешь!

Тот вальяжно потянулся и как бы невзначай вытащил из внутреннего кармана листок. Судя по его измятости, листок уже давно не покидал кармана Зельборна, ожидая этого разговора.

На листке бумаги сомнительного качества был начерчен настоящий лабиринт. Одного взгляда на эти извилины было достаточно, чтобы ужаснуться.

— Один торговец продал мне этот план, — сказал некромант. — И если ему верить, то пойдя по стокам, мы можем наткнуться на одну из стен замка.

— Интересно, — вяло ответила я, представляя себе поход через холодную грязную воду.

— Надо сопоставить обе дороги, — продолжил Зельборн. — В замке, и эти.

Он ткнул пальцем в хорошо начерченные линии в листке.

— Ладно, — нехотя согласилась я. — Ты прав, это стоит проверить.

Вдруг в дверь постучали. Мы недоумённо переглянулись — за окном был уже глубокий вечер.

— Иду-иду! — ядовитым тоном проворчала я.

Зельборн направился в свою комнату готовиться к представлению, если оно понадобится. Однако дверь он закрыл не полностью — оставил небольшую щелку, чтобы увидеть, что это за фрукт прыгнул к нам в корзину в столь поздний час.

— Да иду я, иду, бездна тебя побери! — нарочно выругалась я, что бы тот, кто стоял за дверью не ждал от меня милости.

Я резко открыла дверь и впиалась злобным взглядом в позднего гостя. Злобный мой взгляд, однако, почти сразу сменился замешательством.

— Ты-то что тут делаешь? — удивлённо спросила я.

Дверь в комнату приоткрылась, любопытство Зельборна всегда имела над ним сильную власть.

На пороге дома стоял Винрант. Лицо его лучезарно светилось в улыбке так, что если бы в доме не горели свечи, то и зажигать их не было бы надобности. В руках повар держал поднос, закрытый высокой крышкой.

— Могу я войти, госпожа? — проговорил он, глядя мне в глаза.

— Эээ... — ответила я.

— Заходи! — раздался довольный голос Зельборна.

Вдруг запахло чем-то аппетитно запахло.

Винрант бросил холодный взгляд мне за спину и не сдвинулся с места.

— Конечно, заходи! — вздохнула я, пропуская вновь улыбающегося повара в дом. — И потрудись объяснить, чего надобно?

Повар чинно прошагал к столу у стены и аккуратно поставил поднос на стол.

— Могу я присесть? — поинтересовался повар.

Только теперь я заметила, что бедняга выглядел очень уж усталым. Вероятно, что-то неотложное заставило его явиться в столь поздний час, а значит нужно его выслушать.

— Да-да, — ответила я.

Винрант направился к креслу для гостей.

— Не сюда! — в два голоса выкрикнули мы с Зельборном.

Тот вздрогнул и в ужасе застыл в скрюченной у кресла для гостей позе. Через миг он понимающе кивнул и направился в кресло рядом.

— И не сюда!! — заорала я.

На моём кресле никто, кроме меня никогда не сидит. А если увижу, то голову откручу сразу. Зельборну уже несколько раз откручивала, а только всё не в прок!

Повар снова вздрогнул и замер на месте, поглядывая в нашу сторону.

— Я, пожалуй, постою, — рассеянно пробормотал он.

— Отличный выбор! — похвалил его Зельборн.

— Чем можем быть полезны? — наконец спросила я.

— Ничем, госпожа! — отозвался Винрант. — Я принёс!

— Что — принёс? — нахмурилась я.

— Как что? — недоумённо проговорил тот. — Еду! Вы же сами велели!

И он открыл крышку, под которой стояло несколько тарелок с блюдами, и пару кружек. Я невольно залюбовалась таким зрелищем.

— Когда это я велела? — спросила я, нехотя отрываясь от манящего салата и большим румяным куском мяса с рисом.

— Вы сказали идти и готовить! — Винрант покрутил кистью руки, вспоминая прошедшие события.

Я ударила себя ладонью в лицо, сзади послышался хохот Зельборна. И только я хотела развернуться и вдарить ладонью и в его физиономию, как тот шмыгнул за дверь. Чувствует! Он всегда чувствует, когда можно поиграть с моим настроением, а когда лучше смотреть удочки.

— Сколько мы тебе должны? — решила уточнить я.

— Да нисколько! — улыбнулся он. — Это от чистого сердца.

Обычно я не поощряю ничего, что идёт от “чистого сердца” Особенно, когда от чистого сердца таких сомнительных людей, как этот. Жизнь научила меня, что за всё надо платить,

так или иначе.

— Хорошо, Винрант, спасибо! — сказала я, решив, что смогу расплатиться с ним в другой раз. — Ты, наверное, устал. Тебе пора домой.

— Да госпожа, — проговорил он. — Но это ничего! Если я могу ещё чем-нибудь вам помочь — я к вашим услугам!

Я проводила его к выходу. Сумерки уже сгустились, воздух наполнился свежей прохладой. На небе зажглись звёзды.

— А ты славный! — похвалила я его на прощанье в качестве аванса.

Винрант, словно юная девочка на свиданье, покраснел, развернулся, и, не прощаясь, быстро зашагал прочь.

Я захлопнула дверь и тяжело вздохнула. Зельборн уже застыл над подносом с едой, довольно потирая руки.

Время лет — это ещё не повод вести себя прилично.

А вот тяжёлый взгляд ведьмы — возможно, и повод.

— А ну-ка руки прочь! — вдруг раздался у меня за спиной голос Анимары.

— Дыра в моём животе становится всё опасней с каждой минутой! — предупредил я. —

Того и глядишь — засосёт!

— Кыш отсюда! — повторила Анимара, отпихивая меня от стола. — Не сложно догадаться, что старина Винрант готовил исключительно по мою душу.

— И по мою! — возразил я. — Просто он не догадывался об этом.

— А она у тебя есть? — глаза Анимары сузились.

Я ответил таким же взглядом.

— Ах ты маленькое злобное существо! — вскричал я и прыгнул на неё. — А ну иди сюда!

К моему удивлению, Анимара оказалась проворней. Отскочив в сторону, она хихикнула, и метнулась в мою комнату. Там-то я её и поймал. Зажав в цепкие тиски своих рук, я обнял её.

— Если ты не поделишься со мной едой, — разъярял я её свою позицию. — То на ужин будешь съедена сама.

— Не по твои зубы орешек, — ласково проговорила она.

Мы поцеловались.

Не знаю точно, сколько мы так простояли посреди комнаты, но когда вернулись обратно, еда уже совсем остыла.

— Зельборн, совсем забыла тебе сказать! — проговорила Анимара, едва не подавившись едой. — А ведь нам надо бы пополнить нашу казну!

— Сегодня? — удивился я.

— Да, — отозвалась она. — А почему бы и нет?

— О! — заметил я. — Тогда нужно заодно обойти стену и выяснить, права ли моя карта.

— Нет, нет, нет! — запротестовала Анимара, откупорив маленький кувшин с подноса. — В стоки я не полезу.

— И не придётся! — подбодрил её я. — Мы лишь глянем, чтобы убедиться.

Какое-то время она колебалась, но вскоре сдалась.

— Одним глазком! — настояла она.

— Одним глазком, — заверил я.

По правде сказать, мне и самому не хотелось лезть в сточные воды ради призрачного шанса добраться до городской казны. Даже если нам удастся попасть внутрь, вероятность того, что мы не заплутаем по извилистым коридорам стоков, и найдём нужную стену, близка к нулю. Но это была вполне здравая мысль, и главное, чтобы потом Анимарра не говорила, что всё придумывает только она. Вот и мой вклад в наше дело.

Со стороны не посвящённых в нашу жизнь может показаться, что мы ведём себя, словно дети. Что наши ссоры основываются на абсолютных пустяках и вести себя подобным образом не пристало тем, кто живёт на земле не первую сотню лет.

Это справедливое замечание. Мы и сами были такого мнения раньше. Мы и сами

наполняли себя чувством величия и важности. Мы смотрели на жизнь серьёзно, по-деловому. Мы были настоящими королями в выдержке и спокойствии. И нас поглощал этот мир со всей своей безжалостностью.

Как-то раз мы повстречали одного ребёнка, которому не было и восьми лет.

Он был бос на одну ногу и чумаз, но выглядел настолько счастливым, что мог бы давать счастье в займы.

Он оглядел нас с головы до ног и серьёзно произнёс:

— Какие вы важные! Это ведь так тяжело — быть важным!

Не знаю, понимал ли он значения своих слов, или просто сказал то, что услышал где-то, а я эти слова запомнил надолго. Хотелось бы верить, что этот мальчуган последовал своему собственному совету и достойно прожил свою жизнь.

Я поделился своими соображениями с Анимарой, а та — вот совпадение! — хотела поговорить со мной о том же.

С того дня наши души понемногу стали отмирать от бремени лет и правил, по которым принято жить всем уважающим себя людям. Мало по малу, мы пришли к выводу, что жить скучно — хуже смерти, а потому перестали вести себя примерным образом.

Именно потому я и положил себе кусок мяса побольше, а вовсе не из-за жадности. Анимара на это лишь глаза закатила. Это признак того, что она согласна со мной.

— Совсем стемнело! — сказала она, выглядывая в окно. — Пойдём же!

С ужином было покончено, мы разве что дифирамбы не спели в адрес Винранта. Хоть с виду он и не отличался от неотёсанного бандита, что в тёмной подворотне тебя одной рукой за шиворот поднимет, а в еде толк понимал.

— Тогда в путь! — проговорил я, накидывая на себя плащ.

Анимара тоже накинула плащ на плечи, свой любимый — серый, с капюшоном. И корзинку прихватила.

— Шевелись давай! — прокомментировала она свою прыгучесть из нашего дома.

И под покровом ночи мы направились к выходу из Гонкоралла.

— Если не велено, почему этим двум можно?

— Мольба ведьмы смогла растопить моё стальное сердце, как можно было отказать?

— А что со стражей будем делать? — шепнул я Анимаре, когда главные ворота Гонкоралла показались на горизонте.

— Пока точно не знаю, — ответила она. — Но что-нибудь придумаем.

У огромных ворот стояли две фигуры в поблёскивающих во мраке доспехах, и оружием на поясе. Они как раз о чём-то оживлённо спорили, когда мы к ним подошли.

Их речи оборвались, глаза с недоверием и раздражением устремились на нас, оглядывая с головы до ног, словно в поисках бреши на наших телах.

— Вам чего? — приосанился первый стражник и сделал шаг навстречу.

— В лес пойду, — проговорила Анимара благозвучным голосом. — Травы закончились.

— Впускать никого не велено! — нахмурился второй.

— Так и не надо! — отозвалась Анимара. — Нам выйти необходимо.

— Выйти? — переспросил первый.

— Выйти, — подтвердила она.

Первый стражник почесал макушку, не обращая внимания на то, что на голове у него был шлем.

— Ну, это... — рассеянно проговорил он, повернувшись к своему товарищу за моральной поддержкой. — Это, верно, можно!

Лицо второго вдруг озарилось удивлением, словно бы он вспомнил что-то важное. Он сделал шаг вперёд, и ткнув локтем в бок своего товарища, тихо прошептал ему на ухо несколько слов. Лицо первого чуть вытянулось, глаза приоткрылись. Он смотрел на Анимару, словно бы не веря своим глазам.

— Точно! — выкрикнул он. — Я ведь вас знаю!

— Очень жаль, — парировала Анимара, — что не могу сказать того же самого в ответ.

— Вы ведьм... — он вдруг умолк и закрыл глаза, вспоминая нужное слово. — Колдунья. Вы колдунья!

Анимара удовлетворённо кивнула.

— Я слышал о вас, — продолжал он. — У одного моего приятеля дед по тёткиной линии как-то раз...

— Совершенно верно, я, да простят меня Боги, колдунья, — с достоинством перебила она начало увлекательной истории. — И мне нужны “колдунские” травы.

— Но приказ короля! — заметил второй. — Нельзя никого впускать!

— Нельзя ли подождать до рассвета? — спросил первый.

Анимара раздражённо вздохнула.

— Вы, — сквозь зубы процедила она. — Двое. Даже представить себе не можете, сколько полезных свойств имеет на вид обычный сорняк, в отличие от вас! Никто из вас не имеет ни малейшего понятия о том, когда и как именно нужно собирать тот, или иной цветок, а уж тем более о том, в какой фазе луны и при какой погоде это нужно делать! Всё, что доступно для вашего понимания — это когда можно впускать, а когда нельзя! И я не намерена это терпеть!!!

В эту минуту я не на шутку испугался за этих двоих. Вероятно, весь гнев, что таился в сердце Анимары, в том числе и на меня, вдруг вырвался на свободу. Оба стражника отпрянули, вжимаясь в ворота. Голос Анимары возвысился и стал жечь, словно пламя.

Я тихо положил руку на её плечо, прекрасно осознавая, что пламя это может обжечь и меня.

Но она замолчала. В наступившей тишине две фигуры с трепетным ужасом смотрели на мою другую половину, а та в ответ смотрела так, словно бы вколачивала в них гвозди.

— Ну, так-то, — вдруг проговорил первый, обращаясь ко второму, — она права.

— Пусть начальник сам с ней разбирается, если что! — шепнул второй, но видимо, не достаточно тихо.

— Проходите! — вновь выпрямился первый и отошёл от двери в воротах.

— А кто это с вами? — задал вопрос второй стражник, указывая на меня.

Что с этими людьми не так? Колдунья, которая и пальцем не тронула ни одного из них, вызывает у людей трепет и страх. А палач, который хладнокровно уничтожает пусть и гниль, а всё же уничтожает — так “кто это такой?”

— Палач это, — выручил второго шепот первого стражника.

— О! — многозначительно заметил второй стражник. — Виноват! Не признал! И что же, вам обоим среди ночи нужно в лес?!

— Неужели вы думаете, — голос Анимары уже был достаточно спокоен, но нотки язвительного гнева всё ещё блуждали в её словах, — что я пойду туда совсем одна, без защиты?!

Стражники переглянулись. В их взглядах можно было уловить нечто, вроде: “какая, к дьяволу защита нужна этой ненормальной?!”

Однако когда они снова оглядели нас, и в особенности меня, то на лице первого стражника я явственно прочитал нечто вроде усмешки. Теперь уже во мне вспыхнул огонь негодования.

— Может вам нанять кого-нибудь... — предложил он. — Для таких походов. Кого-нибудь... посolidнее?

И он словно бы невзначай выпятил грудь вперёд.

— Благодарю за совет, — Анимара чуть наклонила голову. — Однако Зельборн стоит сотню, а то и тысячу таких, как вы. И если вы намерены и дальше мешать мне, то я снимаю с себя всяческую ответственность за принесённые далее увечья.

Тут уж настала мой черёд приосаниться. Стражники в недоумении расступились, открывая дверь наружу.

— Эй! — крикнул первый стражник тем, что стояли снаружи. — Впусти этих двоих, как вернутся!

— Не велено же! — отозвались в унисон наружные.

— Не велено! — повторил первый.

— Не велено! — шептал, словно мантру второй рядом.

— Но этим можно, — завершил свою речь первый, стараясь последние слова скрыть от наших ушей. — Они... кхм... особые.

— И потом, — слышался едва слышный шёпот первого стражника, — мы-то с тобой ничего не нарушаем. Нарушают наружные, но не мы.

— О! — второй стражник одобрил полёт мысли первого.

Мы вышли из города и направились по дороге, ведущей к лесу. За спиной шептались,

вероятно, разъясняя причины наших широких возможностей.

Мы немного прошли по широкой дороге, а затем свернули в чащу леса. Углубившись достаточно, мы принялись искать подходящие палки. Зельборн то и дело оглядывался по сторонам, очевидно оценивая количество своих потенциальных подопечных.

Я нашла подходящую палку, и, зажав её край, поднесла к лицу. Несколько крепких слов, и на краю палки засветился огонь, равный нескольким свечам. Зельборн хмыкнул и дал мне свою находку. Я проделала тот же трюк и с его палкой. Теперь лес, окружавший нас, уже со всех сторон стал чуточку более дружелюбным.

Вообще кого ни спроси — все в один голос утверждают, что в лес просто так лучше не соваться. Мало ли какие чудовища могут сновать в его недрах, а потому незадачливому путнику стоит не только грамотно выбирать маршрут, но ещё и передвигаться исключительно днём.

Отчасти такие советы имеют право на существование, ведь лес — это пристанище всех тех, кто скорее не является человеком. Именно поэтому тут можно встретить не только опасных зверей, но и разгневанных духов, оборотней, и прочую нечисть.

Почему же мы с Зельборном не трясёмся в ужасе от возможных малоприятных встреч с подобными существами? Мы прожили достаточно, чтобы знать, как избегать гнева духов, как обходиться с нежитью, что делать с оборотнями. И главное, нас эти твари и сами обходят стороной, для большинства обитателей леса мы имеем весьма неприятную ауру.

Но это не значит, что не найдётся обезумевший тролль, которому захочется оборвать наши жизни просто потому, что наше присутствие стало его раздражать. Нужно быть осторожным и готовым ко всему.

— Ну что там, Зельборн? — нетерпеливо спросила я, собирая в корзинку два жёлтых цветка.

— Мне кажется, это было здесь! — рассеянно проговорил он, указывая под дерево. — Но я ничего не вижу!

— Проклятье! — выругалась я. — Надо было всё-таки рисовать карту, а не рассчитывать на твоё хвалёное чутьё!

— Не могли же нас ограбить? — нахмурился он, потирая лоб. — Очень странно!

Он прошёл чуть дальше и вдруг воскликнул:

— Есть!

Я сорвала ещё один цветок и быстро зашагала к некроманту. Лес сам по себе довольно мрачный, а тут ещё такое чувство, что каждое дерево наблюдает за тобой. И вроде бы мне по статусу положено быть ближе к природе, но что-то пока не клеится. Даже Зельборн в этом плане куда дальше продвинулся.

Моя другая половина стояла у огромного дерева и улыбалась. Его лицо во мраке напоминало лицо призрака.

— Где твоя трость? — спросила я, озаряя светом указываемое им место.

— Она сломалась, — развёл руками он. — Но это не важно!

Не важно! Вот всегда это не важно, а между тем слова силы, что я вложила в эту палку, отнимают силу у меня самой. И Зельборн прекрасно это понимал.

Он вынул из-за пояса припрятанную лопатку и стал копать. Я услужливо освещала ему

землю, ёжась от осеннего холода.

— Не нравится мне этот лес, Зельборн! — проговорила я, глядя на молчаливых свидетелей нашей маленькой тайны.

— Докибрисский лес был в разы хуже! — отозвался он, пыхтя от усердия. — Столько лет прошло, а я до сих пор помню это.

После этих слов я тут же погрузилась в воспоминания. Помнила ли я один из самых страшных дней в моей жизни? О, конечно, я помнила его. И помнила столь отчётливо, что под гнётом стоящих тёмных гигантов и расстилающегося тумана у меня побежали мурашки.

— Проклятые корни! — выругался Зельборн. — Их же тут не было!

— Деревьям иногда тоже хочется владеть богатствами! — рассудительно заметила я. — Постарайся без корневредительства.

Зельборн лишь фыркнул.

Стая худых человекоподобных существ напала на нас в том лесу, пока мы прятали наши деньги. Всё произошло так внезапно, что мы не успели подготовиться к атаке. Эти твари были выше ростом, и довольно быстро двигались, может быть от того, что использовали не две, а четыре ноги на изломанном теле. Головы существ были удлинены, а лица... Скорее морды. Я помню их, но описать это мне и сейчас сложно. Огромные чёрные глаза. У одного существа их было четыре, у остальных по три. Носа словно бы и не было, присутствовал лишь намёк на него, а рот занимал почти половину головы. Зубы маленькие, но острые.

Руки. Руки длинные, но это не мешало существам быть приткими. Когти этих тварей были основных их орудием. К сожалению, об этом пришлось узнать в первую очередь, Зельборну.

Нам удалось отразить атаку, применив весь свой арсенал знаний, которых тогда было не так уж и много. Но, клянусь Богами, даже теперь я не хотела бы вновь повстречать тех существ из Докибрийского леса. Это один из немногих пронзительных для меня дней, когда я действительно испугалась. Не за себя, а за Зельборна. Одна из тварей в конце битвы наотмашь полоснула его по спине, и он упал на землю без признаков жизни. Кровь сочилась из его ран, и вид этого придал мне сил. Я вспыхнула, словно костёр, и сожгла последнее чудовище. Но некромант едва дышал. Я сделала всё, что умела тогда, и чаша смерти миновала его. А что бы я делала, если бы он умер? Этот вопрос раз за разом я задавала себе долгие годы. И ответ был одним и тем же: я бы тоже умерла.

— О, Боги! — пропыхтел Зельборн, являя на свет из глубокой ямы увесистый ящик.

Петли на нём проржавели. Земля кое-где всё-таки не послушалась моих наставлений не поглощать этот предмет, и принялась, пусть и не столь охотно, перерабатывать ящик на свой лад. Зельборн достал из ящика внушительного размера ларец и открыл его. Он был доверху забит золотом. Некоторое время мы любовались приглушённым сверканием в ночи.

Когда золота было набрано достаточно, Зельборн достал колбу с комарами и, словно повар высшего разряда, подсыпал горсточку сверху золота.

— А может, — проговорил он, заморожено глядя ни то на золото, ни то на комаров, — попробуем остаться?

Я глубоко вздохнула.

— Знаешь, — ответила я, — мне бы тоже этого хотелось, Зельборн. Этот город... Он действительно мне нравится.

— Кому до нас есть дело? — спрашивал он, убирая ларец обратно в короб.

— Людской зависти есть дело до всего, — ответила я, глядя на то, как некромант

закапывает короб. — Может быть, если бы мы отказались от своей судьбы, и жили бы обычной жизнью, то смогли бы остаться, но, в конце концов...

— Нас бы закидали камнями! — закончил он, выпрямляясь притаптывая землю.

— Верно, — вздохнула я. — А потому не стоит об этом и думать! Нам нельзя остаться.

— Нельзя, — согласился он.

Вдруг раздался треск, на землю упала ветка. Мы словно по команде подняли головы.

На дереве сидело нечто и хищно смотрело на нас огромными глазами.

- Я умру, а ты сможешь стать обычным человеком.
- Умрёт он! А если я умру?!
- Тогда я подниму тебя, и ты станешь не очень обычным человеком.

На какой-то миг меня сковал страх. Существо, что пристально смотрело на нас, держалось четырьмя лапами за ствол дерева. На концах чёрных лап виднелись когти. Летучая мышь — вот кого напоминало это существо, вот только крыльев у него не было, и размеров оно было с добрую собаку. Морда твари отдалённо напоминала человеческие черты — большой рот, намёк уши, а нос словно бы отсутствовал вовсе. Существо было покрыто чёрной шерстью, но её было не много — она клочками была разбросана по всему телу.

Какую-то долю секунды мы смотрели на пугающую тварь, а оно на нас.

Ночная тишина лишь подчеркнула близость опасности.

Как только рука Зельборна потянулась к рукоятке клинка за поясом, существо метнулось в его сторону.

Прыжок имел много схожего со стремительностью оленя, перепуганного горном. С широко открытой пастью и выставленными вперёд когтистыми лапами существо прыгнуло на грудь моей другой половины. Тот вскрикнул и вцепился в голову твари, рот которой силился добраться до шеи.

Я стала лихорадочно подбирать подходящее заклинание, однако ничего правильного в голову не шло. Наконец, память услужливо предоставила мне заклинание поджигания. Шепнув пару мощных слов на светящийся конец палки, я размахнулась ей, целясь в повисшую на груди у Зельборна тварь. Всё, о чём я молила Богов, что бы некроманта не сильно задело огнём.

Вдруг палка вылетела у меня из рук, а голову пронзила сильная боль сразу в нескольких местах. Нечто приземлилось на мою голову. Я вскрикнула и попыталась встряхнуть существо, но это не помогло. Я почувствовала, как по голове потекли струйки горячей крови.

Тварь стала орудовать когтями, пряди волос летели вниз. Я пыталась ухватить тварь руками, но это было бесполезно — гладкая на ощупь кожа не поддавалась моим собственным когтям, а ухватиться было словно бы не за что.

Сквозь боль и разыгравшуюся ярость я приняла довольно оригинальное решение — так в последствии отзывался о нём Зельборн. Я разбежалась и со всего маха врезалась головой в широкий ствол дерева. Хорошо ещё, что тварь не успела отскочить — я бы этого не пережила.

Раздался сильный хруст ломающихся костей. Существо обмякло, но не отцепилось. Удар сбил с ног и меня, я упала. Тварь на моей голове вяло дрыгала конечностями, когти которых всё ещё гнездились у меня в волосах. Где-то позади Зельборн всё ещё сражался со своей тварью, а я вдруг нащупала под собой свою неиспользованную палку. Зельборн отступал назад под натиском маленькой, но слишком сильной твари. Вдруг он оказался рядом — в его руке уже был нож, но существо отчаянно билось за свою жизнь и не давало некроманту воспользоваться им. Схватив палку, я развернула светящимся концом от себя и что есть силы ткнула в существо, что повисло на моей другой половине. В последний

момент Зельборн дёрнулся, а потому заряд бодрости получил он, а не его противник.

Пламя окутало бледнолицую фигуру и его врага.

— Проклятье! — вскрикнула я и вскочила, совершенно забыв, что на моей голове всё ещё боролась за жизнь, но, уже скорее, с самим собой, кровожадное существо.

Когда вспышка погасла, я увидела Зельборна, стоящего на коленях перед навзничь распластавшейся тварью. Его одежда и волосы слегка подгорели, брови опалились, а ресниц как будто и не было вовсе. Он медленно перевёл тяжёлый взгляд на меня.

— Больно же! — раздался его тихий голос.

Камень упал с моей души. Если его бледнолицее величество шутить изволит — значит всё не так уж и плохо!

Что-то вдруг упало недалеко от него, и угрожающе зашипело. Это были ещё две твари, которые спрыгнули с дерева. Они крутили своими мерзкими головами, бросая хищный взгляд то на Зельборна, то на меня. Одна тварь остановила свой взгляд на мне и поползла в мою сторону, так поступила и вторая. Они хищно двигались ко мне, проползая мимо трупа своего собрата.

Внезапно мёртвая тушка вскочила и зашипела. Твари, что ползли ко мне, с завидной амплитудой отпрыгнули в сторону от неожиданности, а воскресший труп рывком набросился на них. Послышался мерзкий писк — твари ожесточённо вцепились друг в друга. Вдруг сверху упала её одна тварь, словно бы, на подмогу первым. Не долго думая, она кинулась в катающийся клубок раздираемых друг друга существ.

— Сожги же их! — услышала я голос Зельборна.

Я быстро поднесла палку к губам и произнесла необходимые слова, неотрывно следя за клубком дерущихся существ. Палка одобряюще вспыхнула, а я шагнула вперёд и со всей силы шлёпнула ей по мерзкому клубку.

Вспышка озарила рядом стоящие деревья, пришлось зажмуриться. Истошный писк свидетельствовал о том, что всё прошло, как надо. Когда я открыла глаза, на месте, где только что были тела этих существ, теперь осталась горстка пепла.

Зельборн перестал шуриться и не без усилия поднялся на ноги. Переложив нож в правую руку, он уставился на меня, словно одержимый маньяк в тёмной улице.

Медленно, словно боясь меня спугнуть, он стал приближаться, держа нож наготове. Не знаю почему, должно быть, вследствие того, что моя голова оказалась не прочнее дерева, но я стала пятиться назад, словно подозревая, что удар ножом — это не справедливая расплата за причинённый мною вред. Сил на то, что бы заорать на Зельборна, и привести его в чувства у меня совсем не было, а потому двигаться назад было единственным возможным действием. Вскоре я упёрлась в дерево, дальше идти было некуда.

Бледный некромант подошёл вплотную и занёс надо мной нож. А затем последовал удар и болезненный рывок, следом — мой дикий крик от боли.

— Что за мерзость! — раздался его голос.

На костяном ноже вяло барахталась вырванная с моей головы тварь, про наличие которой я совершенно забыла. Изрядная прядь моих волос так же пала смертью храбрых.

Зельборн отшвырнул монстра в сторону, и озабоченно глянул на меня.

— Ты как? — спросил он, прикладывая свои руки к моей голове.

— Уже лучше, — болезненно улыбнулась я, чувствуя прилив целебной энергии от моей другой половины.

Внезапно раздалась удаляющиеся потрескивания ломающихся сучьев.

— Смотри! — крикнула я, указывая вверх.

Зельборн поднял голову и увидел три тени, скачущие с ветки на ветку, словно белки. Они углублялись в недра леса.

— Нам повезло, — проговорил Зельборн, оглядываясь по сторонам. — Их была тут целая стая.

— Они могли нас растерзать, если бы напали вместе! — заметила я и поднялась на ноги, чувствуя прилив сил. — Твой воинствующий вид их спугнул!

— Неужели? — криво улыбнулся Зельборн.

— А то! — отозвалась я, поднимая свою палку, огонь которой уже почти потух. — Их напугал, меня напугал! Что ж ты за зверь-то такой!

Зельборн вдруг упал на одно колено, схватившись за грудь. Я кинулась к нему, и тут же приложила ладонь к лохмотьям, под которыми виднелись следы от когтей.

Он сопротивлялся, но иногда мудрость народа (некромантов слушать — себя не уважать) как нельзя лучше описывает положение дел.

Прошли долгие минуты прежде, чем Зельборн отнял мою руку от своей груди. Приложив усилия, он поднялся с колена.

— Тебя и ворона напугать может, — с трудом произнёс он.

— Интересно знать, — нарочито беззаботно рассуждала я, поддерживая Зельборна, пока мы осторожно начали движение в сторону города. — Все некроманты такие злоязычники, или только мне такой попался?

В одной руке я инстинктивно сжимала палку и корзинку, в другой бледного некроманта, истекающего кровью.

— Все, — отрезал он. — Последнее слово всегда остаётся за нами, посланцами смерти.

— Ну-ну, не в нашем случае, верно? — утешала его я.

— Не гневи меня, травница! — то ли пошутил, то ли всерьёз кинул он.

В иной другой раз подобный эпитет меня бы задел, я могла бы вспылить, но не в этот раз. Сейчас всё, что я могла себе позволить — это шуточки, да надежду, что всё обойдётся.

— Травница? — спрашивала я, отодвигая ветки кустов. — Самому не стыдно, что какая-то травница цела и почти невредима в схватке с чудовищами, а ты...

— А я в центре событий! — ничуть не смутился он, на что я и рассчитывала.

— Вот-вот, — подчеркнула я. — Тебе надо быть осторожнее! Кто будет мне мышей оживлять, если тебя вдруг не станет?

— Тебе это уже будет ни к чему! — проговорил Зельборн. — Осядешь где-нибудь тут, или в другом городе. Без меня у тебя больше шансов на тихую неприметную жизнь. Заведёшь хозяйство, а то и продолжишь колдовством неслышно промышлять. Будет у тебя нормальная жизнь, не пропадёшь. Да брось ты меня, в самом деле, будь счастлива, наконец!

— Правда?! — очень натурально обрадовалась я.

— Нет, — простонал Зельборн и ещё сильнее навалился на меня.

— Проклятье! — огорчилась я. — Уж больно радужно ты мне всё описал.

Даже и обидеться толком не вышло на такие речи. Не приметная жизнь, по словам некроманта — это если его не станет. А так — помпезная, под барабаны и трубы. Самомнение у него конечно — только голову и задирай, чтобы охватить взглядом.

Наконец, к моему великому облегчению, мы вышли на дорогу, ведущую к воротам Гонкоралла.

“Порой ведьма тащит на себе не только бремя ответственности, но и не менее ценный и тяжёлый груз...”

— Как так вышло, — спрашивал я Анимару, — что мы оказались на волосок от смерти?

Я не тешил себя иллюзиями на тот счёт, что эта схватка не могла закончиться куда более плачевно.

— Предупреждали же нас добрые люди, — отвечала она, — Не ходить в лес по ночам, а то и днём не ходить. Вообще не ходить!

— Чепуха! — отмахнулся я. — Эти предостережения не для нас с тобой! Мы ведь обладаем такими знаниями, что могли бы расправиться и целым полком подобных тварей.

— Что же ты не применил свои знания? — едко спросила она.

— Руки были заняты, — ответил я. — А ты?

— А я побоялась, что не попаду в тебя! — нервно усмехнулась Анимара.

Она, конечно, пошутила, и я улыбнулся, хотя мне вовсе было не до смеха. Огненная вспышка, что на болезненный миг охватила меня, была ужасом во плоти. В очередной раз я понял, что моя другая половина слишком могущественная, даже для меня. И не значит ли это, что однажды она убьёт меня? Какие странные мысли занимали моё затуманенный разум.

— Знаешь что? — я повернул к ней лиц, вглядываясь в кровоподтёки на её голове. — Предлагаю отложить посещение стоков на некоторое время.

— Предлагает он! — проворчала Анимара.

Мы молча брели к главным воротам величественного Гонкоралла, Анимара выкинула давно потухшую трость в траву.

— Ты прав, Зельборн! — продолжила она размышлять над сказанным мною, — Моего огня и, скажем, твоих лучших проклятий хватило бы на целый полк таких тварей. Но мы с тобой зачастую забываем, что наши жизни так же просто оборвать, как и жизнь любого, живущего в этом городе. Нам нужно быть осторожней!

Уже издалека на нас пристально таращились два силуэта у главных ворот, а теперь они прямо с нетерпением дожидались, когда мы подойдём ближе.

— Что с ним случилось? — спросил первый стражник, указывая на меня пальцем. — Этого парня словно бы из огня достали.

— Нет-нет, всё хорошо, — отвечала Анимара, вид которой тоже не внушал доверия, но держалась она на удивление стойко. — Это я его подожгла, он слишком мешал мне, да ещё и ножом угрожал, подлец!

— Это правда? — удивлённо спросил второй, обращаясь ко мне.

— Абсолютная, — выдавил я.

Чего не отнять у Анимары — это честность. Ведь и не поспоришь — всё, сказанное ей — правда.

— Так его надо бы за решётку! — нахмурился первый. — Хотите, помогу донести?

— Его совесть, — заметила Анимара. — Лучший судья. А вас, и всех остальных в этом городе наши небольшие разногласия вообще никак не касаются!

И с гордо поднятой головой она потащила меня через входную дверь.

— И да, — перед тем, как затворить дверь, Анимара обратилась к стражникам, — Будьте осторожны, стая хищных голодных до крови чудовищ бродит совсем неподалёку отсюда.

— Зачем же ты это? — спросил я тихо, прекрасно понимая, что эти существа не сунутся в большой город. — Пугать понапрасну!

— Ничего-ничего! — ободряюще ответила она, — Пусть лучше лишний раз будут начеку, да по сторонам смотрят!

Спорить не хотелось — не в том состоянии я находился. Мы молча миновали вторую пару стражи с другой стороны ворот. Те озадаченно глядели на нас, но молчали. Вероятно, они хотели нас расспросить о том, что с нами случилось, но взгляд Анимары заставил их прикусить языки. Да, она умеет так посмотреть.

Медленно мы брели по ночному городу, ловя на себе удивлённые взгляды редких мимо проходящих дозорных.

Вообще я люблю ночной город, но сейчас любоваться пустыми тёмными улочками не было ни малейшего желания. Идти стало нестерпимо тяжело, но дом уже был рядом.

Дверь нашего старого дома приветственно скрипнула, впуская нас в наши покои. Анимара дотащила меня до кровати и в изнеможении скинула.

— Если ты и дальше будешь есть всё подряд, — заметила она, покидая комнату, — то в следующий раз ночевать будешь в лесу.

Раны на груди и плече продолжали болезненно пульсировать. В сосенной комнате раздавались постукивания стекла и тихое ворчание.

— Травница! — донёсся до меня передразнивающий шёпот Анимары.

Вскоре она вернулась с большим платком, завязанным узлом. Ещё один платок красовался у неё на голове.

— Вот! — прокомментировала она. — Приложишь к своим царапинам, авось полегчает.

— Твоё милосердие всегда поражало меня, — отозвался я, принимая платок.

Честно сказать, я был несколько не удивлён, что от одного прикосновения платка с травами к тёмным бороздам на моём теле сразу стало чуточку легче.

Она сидела рядом и зашивала мой плащ. И пока я погружался в тёмный сон, мне слышалось её тихое ворчание в свой адрес.

“Вроде бы надо идти на казнь,  
а настроение почему-то не очень”

Наступило утро. Проснувшись, я обнаружил, что Анимары рядом не было. Боль в груди и плече тихо напоминали мне о событиях прошлой ночи, но благодаря мастерству моей другой половины, эти напоминания были едва ощутимы.

Вообще я действительно не перестаю восторгаться этой женщиной. И как женщиной, и как могущественной ведьмой. Время неумолимо шло вперёд, а она становилась только лучше во всех смыслах. Мудрость лет сделала её дальновидной, тайные знания придали уверенности в себе. А милосердие правило её душой столько, сколько я её помню. Должно быть, именно это и не дало её душе погрязнуть в пороках, которые так часто идут рука об руку с могуществом.

Она сидела за столом в своей комнате и ела. Её причёска была ничуть не хуже, чем обычно. Я вспомнил, сколько крови было вчера на её волосах, сколько клоков та тварь выдрала из её головы, и содрогнулся. Но как ей удалось скрыть всё это, оставалось загадкой. Уж не могла же она отрастить новые волосы за одну ночь? Впрочем, чему я удивляюсь?

— Наконец-то! — улыбнулась она. — Я уже обдумывала, как в одиночку тащить тебя до могилы. Твоя каша почти остыла, но даже не проси — разогреть её я не буду. Уже три раза грела!

— Спасибо, — отозвался я, принимаясь за еду. — Как твоя голова?

— Да вот видишь, — отозвалась она, — забита разными важными размышлениями. Но, слава Богам, одним меньше!

Я подмигнул ей и милая улыбка коснулась её лица. Ради таких моментов и стоит жить.

— Что ещё таится в твоей голове? — подобных вопросов я старался избегать, потому что не готов месяцами слушать подробнейший ответ.

— Ох, дорогой мой, — отозвалась она загадочно, словно бы угадывая мои мысли, — Твой разум ещё не готов узнать всех тайн и хитросплетений, что я могла бы тебе открыть.

— Верно, — без тени иронии ответил я. — Но нам всё рано нужно изучить стоки, не зависимо от тайн в твоей голове.

Она кивнула, откладывая в сторону пустую тарелку.

— Если я не ошибаюсь, — деловито проговорила Анимара, — То у тебя сегодня казнь...

— Вот бездна! — вскочил я со стула, чуть не подавившись кашей.

Я помчался к двери под изучающий взгляд моей другой половины, схватил свой плащ, сунул ноги в башмаки. Приведя в порядок причёску, и убедившись, что полностью готов к выходу, я потянулся к ручки двери. А затем я услышал за спиной размеренный голос:

— Именно поэтому я и подняла тебя ни свет, ни заря.

Я резко обернулся, возмущённый подобным заявлением.

— Да ведь я сам проснулся! — высказал я.

— Это ты так думаешь, — ответила она. — Так что времени у тебя целый сарай!

Я пожал плечами, словно бы не был удивлён подобным вестям.

— Я знаю это! — произнёс я с достоинством, — Просто сегодня я желаю немного прогуляться!

Опаздывать на казнь нельзя. Контролировать толпу, ожидающую правосудия над мерзавцем, иногда становится невозможно. Они готовы смиренно ждать назначенного часа, они готовы к продиктованным им условиям, они склонны к послушанию. Но всё это лишь до того момента, пока время, отведённое убийце, или насильнику не начинает растягиваться. Тогда они начинают негодовать. Их силу нельзя недооценивать, и лишь полный идиот не будет считаться с ней. Благо в том, что они сами не представляют, на что способны, пока ими правит единый порыв.

Я закрыл за собой дверь, оставив недоумевающую Анимару одну. На пороге дома стоял человек, фигура которого для меня стала уже навязчивой.

Солнце едва поднималось, день обещал быть тёплым и безоблачным. Свежий ветерок, словно ожидавший моего появления, обдал меня прохладой. На самом деле, мне и правда хотелось не спеша пройтись по живому городу.

Я встретился взглядом со стоящим на пороге дома Винрантом. Тот невозмутимо держал закрытый поднос в обеих руках. Его передник сегодня был куда грязнее обычного. Глаза Винранта сузились, глядя прямо на меня.

— Дома ли госпожа Анимара? — холодно осведомился он.

— Да, — ответил я. — Попробуй постучаться.

Я отошел от двери и направился в недра Гонкоралла. Но словно бы некий червячок сомнения в моём сердце заставил меня обернуться и выкрикнуть:

— И смотри без глупостей! Анимара — моя. И только моя!

Конечно, за столько лет мы испытали друг друга сполна. Сомнений в том, что однажды одному из нас вместо напитка богов захочется попить из лужи, не осталось вовсе. И всё же иногда я не мог сдерживать себя, чем не мало забавлял Анимару. То ли для себя, то ли для неё, я периодически проделывал подобные не слишком умные выходки, давая волю своему секундному порыву. Жалел ли я хоть раз об этом? О да, но всё это отдельные истории, позор которых мне хотелось бы унести с собой в могилу.

Что ответил Винрант, я не знаю. Но что произойдёт, если вдруг с ней что-нибудь случится, или если вдруг я обнаружу её в объятиях этого болвана, мне известно точно. Я без колебания убью того, кто хоть пальцем прикоснётся к моей другой половине!

С такими мрачными мыслями я направился в сторону эшафота.

А впрочем, того, кто хоть пальцем тронет мою ведьму, ждёт не завидная судьба. Анимара ни то, что за себя, она за троих постоять может. “Убить взглядом, казнить словом” это про неё.

Настроение моё немного улучшилось.

Город как раз просыпался, а некоторые лавки были уже открыты. Моя бледная кожа действует на людей отталкивающе, а потому моё второе ремесло мне очень нравится. Разве не должны люди бояться того, кто отнимает жизнь? И пусть палач — это искаженный символ справедливости и порядка, народ знает, что на смерть далеко не всегда отправляют отпетых негодяев. Карать убийц мне по душе. Я не испытываю мук совести за то, что предаю смерти подобную породу людей. Я свершаю правосудие, а заодно и продлеваю свою жизнь. Можно ли представить себе лучшее ремесло? Можно, некромантия.

Прогулявшись по городу я привёл свои мысли в порядок. Подышав свежим, пропитанным особыми ароматами воздухом, я оказался возле своего ремесленного столика, за которым свершаются великие дела. Зрители уже были на своих местах, как и моё настроение. Стражники, подобно двум статуям, держали между собой мою сегодняшнюю

добычу.

И когда я увидел её, сердце моё провалилось в пропасть.

— Да зачем же так с человеком поступать!  
Ходит и ходит! Ведь от чистого сердца ходит!

Едва Зельборн выскочил наружу, как в дверь почти сразу постучали. Я было спохватилась, чтобы убедиться в том, что у меня всё готово для представления, да передумала. Вчерашнее приключение не обошлось для меня даром, хотя основной удар принял на себя мой некромант. Основной, да ещё и мой в довесок.

Я же потеряла драгоценную энергию и свою великолепную причёску, не говоря уж о нежной коже на голове, которая теперь будет долго заживать. Но всего этого я не сказала своей другой половине, потому как зачем ему лишний раз беспокоиться. Да и что, собственно, он может для меня сделать? Всё что мне сейчас хотелось, это...

В дверь опять постучали.

— Уходите! — рявкнула я, — Я сегодня не в настроении. А когда я не в настроении...

— Госпожа заболела? — раздался знакомый озабоченный голос и я облегчённо выдохнула.

— Винрант? — крикнула я. — Это что, ты?

— Да, госпожа! — подтвердил голос за дверью.

— Так войди же! — скомандовала я, — Что ты, как не родной?

Дверь тут же распахнулась, на пороге и правда стоял повар из трактира “Три колеса” и застенчиво улыбался. Но кроме улыбки на его лице больше ничего хорошего о нём сказать было нельзя. Передник его был весь заляпан ни то кровью, ни то вином, ни то ещё чем. Да и сам он выглядел не очень презентабельно: весь словно бы помятый тяжёлым сапогом самой жизни.

В обеих руках он держал огромный закрытый поднос.

— Я тут подумал... — начал он.

— Да заходи же говорю! — перебила я, и он повиновался.

Войдя внутрь, он вновь застыл в нерешительности, ожидая моих дальнейших указаний. А я не спешила их отдавать.

До моих ноздрей вдруг донёсся великолепный запах, столь тонкий и пленительный. Словно бы сами Боги подслушали мои недавние мысли и исполнили моё желание. Пахло жареной рыбой.

— Я подумал, — повторил он, глядя на меня, — что госпожа хочет отведать одно из лучших блюд в моём трактире.

Стало быть, муки совести, что терзали беднягу, до сих пор были сильны. Что ж, мне начало это даже нравится.

— Погоди-погоди, — вкрадчиво уточнила я. — Ты хочешь сказать, что в прошлый раз твоё блюдо было не лучшим?

Я демонстративно подняла бровь. Винрант вздрогнул.

— Мои блюда всегда лучшие! — гордо, с нотками обиды проговорил он.

— Ладно-ладно! — сказала я, маня рукой к столу.

Прелестный запах рыбы всё больше обволакивал меня. Винрант подошёл и деловито поставил поднос на стол.

— А скажи-ка мне, друг мой, — как бы незначай продолжила я. — У тебя словно бы и дел совсем других нет, кроме как собственноручно таскать явства ко мне в дом?

— Это ведь от чистого сердца! — он округлил глаза, словно бы я задела его за живое.

За тем он открыл крышку. Сначала, когда я первый раз увидела блюдо, что приготовил Винрант, в моей голове галопом пронеслись порочные мысли: “Это всё мне! Он сам виноват, что у него казнь! Надо меньше людей карать, и больше быть со мной, тогда и ему вселенная предоставит половину своей милости, а так...”

Впрочем, мысли эти так же скоро меня покинули, как и явились. Не знаю, как долго я любовалась печёной рыбой с гарниром из картошки и салата, но когда я подняла взгляд, то глаза Винранта были в предвкушении моего одобрения. Немного по-детски он ждал от меня восторженной реакции, или хотя бы похвалы. И уж чего-чего, а этого у меня было полно.

— Неплохо, — сдержанно резюмировала я. — Но есть некоторые недочёты.

Лицо повара помрачнело, но он всё так же внимательно смотрел мне в глаза.

— Я весь во внимании, госпожа! — мрачно проговорил он, стараясь не выдавать свою обиду.

Я взяла его под руку и повела к выходу. Запах пота и специй теперь занял главенствующую позицию в моём носу.

— Дело в том, Винрант, — деликатно начала я, — что ты отличный повар. Твои блюда просто выше всяких похвал, но...

Он внимательно слушал и не перебивал даже тогда, когда я подбирала слова для своего “но”.

— Но тебе следует подтянуть и другую область своей натуры, если ты собираешься и впредь являться в этот дом, — закончила я.

— А? — в недоумении он уставился на меня.

Я обречённо вздохнула.

— Твоя одежда, Винрант! — подсказала я. — Достойный человек как попало не одевается!

— Ах, это! — отозвался он, оглядывая свой грязный фартук. — Немного запачкался.

— А ещё, — продолжила я с огоньком. — Следить за чистотой своего тела и манерами. Вот что значит быть разносторонней личностью, Винрант.

Тот совсем сник.

— Видишь ли, — продолжила я, отдавая ему поднос прошлый с крышкой с прошлого раза, и распахивая перед ним дверь, — посещение моего дома накладывает определенные требования на всех, кто в него входит.

Он ничего не ответил, а лишь попрощался и уныло побрёл прочь.

— В конце концов, — крикнула я вдогонку. — Это возвысит тебя, Винрант!

Тот, как будто и не услышал. Я захлопнула дверь и направилась к столу.

В бездну! Поигрались, и хватит! Ещё не хватало, что бы какой-то повар повадился ходить сюда на регулярной основе. Что люди скажут? Правильно, что это моих рук дело, что околдовала, ведьма. Зельборн, конечно знает причину визитов этого несчастного, но нет-нет, да начёт ревновать. А оно мне надо? А может, и надо...

Нет, не надо. Первостепенно, уличив в злых делах, нас с Зельборном в лучшем случае вышвырнут вон, а в худшем найдут моей другой половине замену, которая с радостью придаст нас виселице. Или мечу острому. Ну, или чем там некромант развлекается?

Блюдо из рыбы на вид было просто потрясающим, но продолжать всё это было просто

не безопасно. Именно потому мне пришлось приоткрыть завесу истины взгляда со стороны для этого бедолаги. А вот в порыве угодить начнёт меняться, а там его на середине пути и отпустит. Станет лучше, чем есть. Чем не доброе дело?

В дверь постучали. Уточнить требования вернулся, не иначе. Решил узнать все детали по фронту горизонта работ над собой.

Я распахнула дверь, в желании обдать повара парочкой не лестных эпитетов, но осеклась.

На пороге стояла фигура в бело-жёлтой, сияющей на солнце мантии.

“В здоровом теле — здоровый гусь”

Это про гостя.

Должно быть, моё изумление было слишком заметным — гость как-то по-особенному улыбнулся. Ни то хищно, ни то усмешливо. Ещё бы, таких гостей на пороге моего дома ещё не было. И хотя на рыбу подобного пошиба мы с Зельборном и охотились, то был другой представитель недр морской фауны.

Лицо незнакомца было острое, скуластое. Карие глаза, пронизательные и полузакрытые. Тёмная, с проседью борода была ухожена и разве что не светилась от чистоты. Под капюшоном гостя были такие же тёмные волосы, местами с сединой. Они были зачёсаны назад, и, скорее всего, собраны в пучок. В руках он держал коричневую трость, плавные изгибы которой напоминали нечто змеиное, а на конце трости красовалась стекляшка в форме круга. Не дурно, и я бы от такой палки бы не отказалась!

Но что больше всего настораживало — от гостя веяло силой, и от его трости тоже. Я и сама долгое время хотела себе сделать нечто подобное, да так и не собралась. С этой диковинной птицей нужно быть осторожнее, решила я.

Спокойный, знающий свою силу и своё высокое положение взгляд очертил мою комнату.

— Могу я войти? — прозвучал его голос, полный силы и достоинства. — У меня к вам есть разговор.

— Да, разумеется, — рассеянно проговорила я и впустила гостя в дом. — Вешалка там! Я указала в сторону наших с Зельборном висящих на крючках плащей.

— Благодарю! — отозвался он, игнорируя вешалку. — Я не на долго.

Он прошёл к столу и остановился.

— Не хотите ли присесть? — спохватилась я.

— Хочу, — ответил гость и огляделся.

— Прошу вас! — я указала ему на кресло для гостей, а сама села на своё.

Но вместо того, что бы сесть в кресло, гость бросил на него долгий изучающий взгляд. Он смотрел на него, словно бы это было не кресло, а раскрытая книга.

— Что-то не так? — с внутренней тревогой спросила я.

— А нет ли другого кресла? — спросил он, и бросил взгляд на табуретку, словно бы отвечая на свой вопрос. — Это место мне не нравится.

— Видите ли, — замялась я, — Мы с Зельборном не очень любим, когда сидят на наших местах...

— Понимаю, — мило улыбнулся он. — Впрочем, ничего страшного.

Глядя на меня, он уселся в кресло. Отлично, это был очередной шаг к установлению контакта. Если мне удастся взять верх над этим человеком, наверняка это может сулить хорошее продвижение к нашей цели. Может быть, нам даже не придётся соваться в стоки, ведь может случиться даже так, что этот расписной гусь сам принесёт нам всё, что нужно! Может быть...

— Я забыл представиться! — послышался спокойный доверительный тон гостя. — Моё имя Нэнтрикс. Я главный маг Его величества. Один из его главных советников. На мне

лежит множество обязанностей, в том числе и предотвращение некоторых злодеяний.

Мои мечты о прекрасном и быстром исходе нашего предприятия были жестоко разбиты этими словами.

Мне показалось, что моё лицо покраснело. Сильный испуг ударил меня изнутри от предположения, что этому магу может быть что-то известно о наших планах.

— Очень приятно! — отозвалась я, добавляя в свой тон больше безразличия и ворчливости. — Что вам угодно? Меня звать...

— Анимара, — закончил он, всё с той же милой улыбкой на лице. — Я знаю.

— Знаете? — нахмурилась я. — Откуда же?

А почему нет? Обо мне разве что белки в лесу не слышали!

— Как же! — он поднял руку, словно бы указывая ладонью в сторону источника информации. — О вас многие знают. А уж если знают многие, то грех и придворному чародею не быть в курсе ваших дел.

Котёл с компотом выкипал на огне. Я спохватилась и кинулась снимать его. Нэнтрикс молча наблюдал за происходящим. Вот-вот кресло должно было оказать на гостя своё воздействие и тогда поглядим, кто будет вести наш разговор.

— Не хотите ли компота? — спросила я, разыскивая поварёшку, которая всегда норовила пропасть в самый неподходящий момент. — Я добавляю в него ягоды и некоторые целебные травы. Очень полезный для здоровья.

— Не откажусь, — согласился он.

Когда поварёшка наконец разыскалась, я наполнила две чаши и принесла их на стол.

— Благодарю вас, — любезно отозвался Нэнтрикс. — Пахнет восхитительно.

— Да, — согласилась я. — Но пока слишком горячо. Я вся во внимании.

Странно, но безмятежное лицо мага ничуть не походило на лицо человека, на которого давила целая бездна негативной энергии. Он смотрел на меня всё так же спокойно, как и тогда, когда стоял на пороге дома.

— Я слышан о вашем ремесле, Анимара. — продолжил Нэнтрикс. — О вашем, и с ремесле мужчины вашего сердца.

Я пожала плечами.

— Ну и что же? — спросила я. — Ваше ремесло ничуть не лучше нашего.

— Может и так, — проговорил он, обводя взглядом комнату. — Но я не так слеп, как может показаться.

— Ну, раз дошли сюда сами... — начала я.

— Из достоверных источников мне известно, — оборвал меня Нэнтрикс. — Что Зельборн похищает жизненную энергию приговорённых к смерти. Что приводит меня к мысли, что он — некромант.

Я почти вздрогнула, но внутренним усилием сдержалась.

— Очень интересно, — равнодушно произнесла я. — А вы ваш источник, случаем, на вменяемость не проверяли? Так, на всякий случай. Знаю я неплохого целителя...

— Не говорите глупостей! — его серьёзный взгляд вдруг стал тяжёлым и не таким дружелюбным, как раньше. — Мне известно многое. А источник у меня надёжный, не сомневайтесь! Да, мои источники повсюду. Мои уши — это стены, мои глаза — это окна, мои вестники — это...

— Так что всё-таки вы хотите от меня? — оборвала я его, чтобы показать, как это неприятно, когда тебя перебивают.

Неужели кресло совсем не действовало на придворного чародея?

— Ваш дом мне нравится, обставлен со вкусом, — отрешённо проговорил он, обводя рукой комнату. — Все эти побрякушки и безделицы. У меня много подобного в моих покоях.

Я вспыхнула, словно факел. Гнев и негодование сплелись в тугой клубок внутри меня, готовый сорваться с языка раньше, чем я могла этого желать. Однако себя я знала слишком хорошо, а потому заранее попрдержала свой язык, обещая себе, что ещё дам себе возможность высказаться в адрес этого напыщенного гуся.

— Должно быть, — я глянула на него предгрозовым облаком, — вам совсем нечем заняться, раз вы решили сообщить мне о своих наблюдениях и догадках. И о ваших покоях.

— Не совсем так, — парировал он. — Вы помогаете людям и это добрый знак. Зельборн тоже помогает людям, хотя и не всем. Однако, у нас...

Он осёкся.

— У меня, — продолжил он. — Не перестаёт маячить в голове предчувствие, что за всем этим скрывается нечто иное.

Он отхлебнул из чаши и на лице его отразилось удивление.

— Действительно вкусно! — проговорил он, вставая с кресла. — Гонкоралл — город возможностей. Здесь найдётся место каждому. И хотя магов, вроде меня, многие тут не жалуют, не всё так плохо. Хорошие люди и их добрые помыслы ценятся в городе превыше всего. Люди, приносящие пользу, тоже.

Он стал ходить по комнате взад и вперёд, декларируя город, словно божественный сад среди скал.

— Что всё-таки вы хотите мне сказать? — уточнила спокойно я.

— Это кресло, — он указал пальцем на место, где только что сидел. — Отвратительное!

И только теперь на его лице я увидела скрытую злость. Ага, значит, всё-таки, работает!

— Плотник две недели пил, пока его делал, — искусно сокрушалась я, — Но меня заверяли, что дело своё он знает.

— Вы прекрасно знаете, о чём я говорю! — отчеканил Нэнтрикс и впился в меня ледяным взглядом. — Энергетика этого кресла, Анимара. Я говорю вам о ваших тёмных делах.

— Что? — я изобразила искренне удивление, отхлебнув с чаши.

— Вы ведьма, — вдруг обозвал он меня, — и вы точно знаете, о чём я говорю.

Я в замешательстве смотрела на него. А внутри маячила странная мысль: а не сжечь ли его сейчас же за такие дерзкие речи?

Нет, сжечь его так просто не выйдет. Наверняка он готов к подобной реакции, хоть и не слишком провоцирует меня на гнев. По его разумению, конечно.

— Впрочем, — продолжил он. — Можете не утруждать себя в объяснениях.

— Да я и не собиралась, — отозвалась я спокойным голосом.

— Я пришёл сюда убедиться в своих предположениях, — сказал он. — И лишь укрепился в своих подозрениях. Буду честен: мне пока нечего предъявить ни вам, ни Зельборну в качестве обвинений, но не сомневаюсь, что за этим дело не постоит.

Он остановился в дверях, смотря на меня хмурым взглядом.

— У меня нет соответствующего запрета на хищение чужой жизненной энергии, — пояснил Нэнтрикс. — И на ваше пыточное кресло тоже нет. Но я буду наблюдать за вами. И я не позволю вам злодеяний. Что бы вы там не замыслили!

Он отворил дверь и вышел прочь, не прощаясь. Его мантия немного волоклась за ним по

земле. Как не практично. Впрочем, он-то себе такое может позволить, одно из главных лиц во дворце, как-никак.

Я допила компот, а остатки второй кружки выплеснула через порог. Мерзкий тип, надменный, хоть и скрывает это за маской любезности и хладнокровия. Только теперь я поняла, насколько его визит подкосил меня. Словно болезненный недуг, ожидающий своего часа, он словно бы забрал мою энергию. И теперь я чувствовала ледяную опустошенность и тревогу. Ох, только этого нам и не хватало!

Иногда одна голова лучше, чем две.

Особенно, если эти головы норвят укатиться куда подальше.

Виновен или нет — слова, совершенно не важные для казни. Этот вопрос уже решён, и я, словно молот в руках кузнеца, не могу противиться его воле. Но вопрос этот важен для меня самого, а потому я всегда дотошно выясняю, насколько человек, голову которого я собираюсь отделить от тела, заслуживает этого.

Тех же, чья вина была для меня под сомнением, и тех, кто был не виновен, я стараюсь исторгнуть из своей памяти.

Их было не много, и, возможно, это своеобразный дар судьбы, что оберегала меня от ночных кошмаров после придания смерти того, кто не должен был попасть ко мне в руки.

Слава Богам, как правило, тот, кто стоял на самом краешке своей жизни хоть в чем-нибудь, да был виновен. Да если взглянуть в лицо очередному убийце — можно сразу на две казни насобирать!

Хотя, может быть, это всё лишь мои домыслы, которые помогли мне не сойти с ума от выбранного мною ремесла. В конце концов, ведь были и такие, в виновности которых было сложно разобраться даже после их смерти.

Например, лет шестьдесят назад, в городе, название которого я уже и не помню, совершилась именно такая казнь. Нет, я не помню ни города, ни погоды. Но эти глаза мне никак не забыть.

Это был ещё крепкий старик с пышной бородой и кустистыми бровями. Стояла зима, и народ от холода переминался с ноги на ногу, некоторые даже пытались занять себя танцами, но уходить никто не желал. Ещё бы! В тот день должны были казнить настоящего злодея — убийцу королевской лошади и “отчаянного бунтаря”. Поглядеть на такого отъявленного мерзавца хотелось всем. К слову, на бунтаря этот синеглазый старец совсем не походил — ни тот типаж.

Он стоял и дрожал от холода, смиренно дожидаясь своей участи. Одет он был не плохо, хоть и в его одежде присутствовали скользкие ноты бедности. Тогда в бумаге, что сопровождала задержанного, и которая повелевала казнить тем, или иным образом, не писали никаких подробностей. Их я узнал позже. Я думаю, так было даже лучше — моя совесть вцепилась в меня мёртвой хваткой ещё до того, как мой топор опустил на шею этого человека (в то смутное время, и в том мрачном городе для подобных казней был предусмотрен лишь варварского вида топор, с чем поневоле приходилось мириться).

Позже я узнал, что старик промахнулся, выпустив стрелу в открытом поле, по которому с полуденной прогулки вели королевского коня. Уж не знаю, что делали они оба на этом поле, но я знаю одно: если беда может случиться — она случается. Старика схватили, и потащили в темницу. Его нежелание идти добром списали на сопротивление. Все выдвинутые обвинения проистекали из того, что король страшно обозлился на старика, и прощения ему не смогло бы вымолить в тот день даже спустившееся с небес Божество.

По лицу можно многое сказать о человеке. Лицо же старца было добрым, с печатью обречённости от предстоящей смерти. Его глаза были светлые, ясные.

В последние минуты он всё же смог смириться со своей участью, а потому я выполнил

свою работу с присущей мне бережностью к подобным людям. Я всегда оказываю её тем, кто этого заслуживает.

Смерть всё равно пришла бы за ними, так или иначе. Если не я, то другой выполнил бы за меня это грязное дело.

Были и другие случаи, и я стараюсь не задерживать в памяти подобное. Однако сегодня...

Это была девушка, да ещё и столь юная! Что могла она натворить, чтобы теперь смотреть на меня своими большими карими глазами?

На заплаканном, ещё совсем юном лице её застыл страх. Страх и обречённость. Её белые волосы спадали до плеч. Одета она была в платье с нехитрым узором, на котором, однако, я сразу заметил засохшие тёмные капли.

“Что же ты наделало, дитя?” — горестно спрашивал я себя.

У неё же на лице всё написано. Написано, что не могла она совершить дурной поступок, не позволила бы совесть. И когда меня спрашивают: откуда тебе знать, Зельборн, какова совесть этого человека? Я отвечаю: взгляни на его лицо и всё поймёшь.

Впрочем, сейчас я решил повременить с выводами. В жизни случается и не такое.

Невдалеке от эшафота я заметил повозку, с запряжённой лошастью. Совсем стража обленилась — два шага пройти не могут! Перетащить столь лёгкое тело до конюшни, откуда обычно везут тела умерших даже я бы смог.

Я подошёл к моей жертве, толпа одобрительно воспрянула духом. Сегодня, впрочем, вяло. Это внушало надежду. Как вообще можно радоваться смерти себе подобного? Особенно, если точно не знаешь, каковы причины и обстоятельства его скорбных деяний.

Она посмотрела на меня, на своего убийцу, и отвела взгляд вниз. Взяв у одного из стражника бумагу, я внимательно прочёл её.

Надо же! Она человека убила, да ещё как! Удар вазой для цветов, смерть от удара по виску. Это были два разных удара, но несчастный скончался на месте. Даже на бумаге были засохшие капли крови. Мерзость какая!

Я покачал головой и зашагал по ступеням. Казнить было велено верёвкой, и это одна из милостей, что была оказана этой молодой девушке.

Я подготовил петлю и проверил, всё ли исправно работает. Мой клинок, верный друг по освобождению безжизненных тел в змеиной хватке смерти, был на месте. Стража подняла девушку вверх, а затем оставила её с завязанными за спиной руками и покинула эшафот.

Вообще им полагалось стоять рядом, но все они бывалые — знают, что меня раздражает чьё-либо присутствие, а потому я всегда настаиваю на том, чтобы они стерегли проход вниз. Единение с жертвой стало моей традицией. Иногда пара-тройка фраз помогает тем, кто стоит у самого обрыва своей жизни, а эти болваны всегда имеют все шансы на то, чтобы всё окончательно испортить.

— Что же ты натворила? — тихо спросил я мертвенно бледную девушку, надевая ей на голову петлю.

— Я убила человека, — так же тихо отвечает она.

Её голос под стать её лицу — невесомый и ещё не раскрывший всю свою красоту.

— Зачем ты это сделала? — допытывался я.

— Вы бледный, — заметила она, игнорируя мой вопрос. — Неужели вам тоже страшно?

— Да, — ответил я. — Но ты должна раскаяться в содеянном.

— Я не знаю, простят ли меня, — произнесла она, — Этот человек мёртв и мне тоже

суждено умереть. Я не хотела, чтобы всё так вышло.

Я делаю вид, что рычаг не вполне исправен и пристально его изучаю.

— За что ты убила его? — прошептал я.

— Это вышло случайно, — глаза её стали мокрыми. — Он хотел ограбить, и, Боги знают, что ещё со мной сделать! Я... я просто не могла иначе. Он был пьян! Он достал нож, стал угрожать мне, а я...

Она заплакала. Толпа не оставила это без внимания — раздался свист и нетерпеливый рёв.

— Я улучила момент и ударила его вазой по голове! — горячо продолжила она, — Старинной, бабушкиной! А он... Он пошатнулся и упал, прямо об угол дома. Я испугалась, стала звать на помощь. Но когда помощь прибыла — она ему была уже ни к чему.

— О, Боги! — проговорил я скорее сам себе, обречённо мотая головой. — Как вы ко мне жестоки.

— У меня не было другого выбора! — из её глаз снова катились слёзы. — И если бы я не ударила его, то сейчас сама бы лежала на его месте в этой повозке.

— Что? — нахмурился я.

— Я видела, — проговорила девушка, — как его погрузили в повозку. В такую.

И она указала подбородком в сторону повозки, что стояла неподалёку.

— Неужели?! — хищно улыбнулся я и вскочил на ноги.

В голове моей вдруг вспыхнула идея, столь безумная, что я едва удержал равновесие.

Со временем, когда привыкаешь к возможности видеть то, что сокрыто от людских глаз, ты можешь попросту не заметить нечто вопиющее. Когда тебе уже стали привычными очертания мёртвой живности, а иногда и живности покрупней, то это становится обыденным и не столь интересным.

Вот и сейчас я оглядел местность и вдруг осознал, что в повозке, под грязной тряпицей лежал мёртвый человек. И если верить сбивчивому рассказу девушки, это был тот самый человек, что имел неосторожность напасть на неё.

Долго раздумывать над какой-либо идеей не в моём вкусе, а потому я воскликнул:

— Была, не была!

“Жителям Гонкоралла крупно повезло, что в палачах у них такой славный парень, как я! Когда ещё можно увидеть казнь на добровольной основе?!”

Любовь к драматизму в моём ремесле не уместна. Как минимум, потому, что на импровизированных помостах сцены его и так с избытком хватает. Я не горел желанием украсить свою попытку исправить ситуацию, я просто хотел сделать так, чтобы всё было гармонично.

А потому, нацепив на своё лицо холодное спокойствие, я подошёл к рычагу. Взгляд девушки, полный страха и отчаяния, проводил меня до рычага, одно рывок которого должен был проводить её в последний путь.

Я положил руку на рычаг и призвал на помощь всю свою силу. Люди, ожидающие в волнительном предвкушении, что вот-вот ещё одна жизнь оборвётся, затаили дыхание. Жизнь, ещё толком не начавшаяся. Жизнь, так глупо и грубо перечёркнутая случаем.

Ветер засвистел в напряжённой тишине.

— Что, чёрт возьми, происходит, — вдруг раздался нетрезвый голос издалека.

Головы повернулись в сторону доносившейся ругани.

Волна изумления прокатилась по толпе. Мертвец в повозке сидел. Тряпица всё ещё закрывала его лицо, однако голова его поворачивалась из стороны в сторону, будто бы в поисках света.

— Что за чёрт?! — раздался тот же голос, и руки его обладателя сдёрнули покрывавшую его ткань.

Некоторые в ужасе отпрянули назад, кто-то упал в обморок. Моя жертва тихо вскрикнула, но мне было не до этого. Крупные капли пота выступили на моём лбу, я наблюдал за происходящем молча, с деланным удивлением на лице.

Человек в повозке был бледен, лицо его было пухлым и грубоватым. На виске красовалась большая запёкшаяся рана, что не мешало ему обводить собравшихся людей глазами, изображая на лице недоумение. Одет он был прилично, но это впечатление портилось обилием крови на его одежде.

Наконец он двинулся к краю повозки и спрыгнул с неё, однако на ногах не устоял. Люди, в ужасе наблюдавшие за его действиями пятились назад. Человек с трудом поднялся, было видно, как тяжело ему было стоять из-за большого количества хмеля, что был в его организме. Он ещё раз огляделся. Мутный и хмурый взгляд его вдруг прояснился, остановившийся на эшафоте.

— О, вот ты где! — неопределённо произнёс он и двинулся в его сторону.

Народ, словно снег от кипятка, расступался.

Он брёл вперёд, и его шатающаяся походка давала повод усомниться в том, что он сможет добраться до эшафота. Но ему это удалось.

Стража, которая должна была бы схватить его и отправить к целителям, в животном ужасе ретировалась.

На ступенях он споткнулся, и упал. Дальше он передвигался строго ползком.

Когда ступени были преодолены, мертвецки пьяное тело поднялось на ноги. Казалось, все глаза мира, включая мои собственные, были прикованы к этому дурно пахнущему

существо.

— Что это вы тут затеяли? — раздался снова его требовательный голос.

— Здесь проходит казнь! — ответил я, сквозь стиснутые зубы.

Пот градом катился по моему телу, я был близок к обмороку.

— Казнят эту девочку? — снова спросил он. — Что же она натворила?!

— Она... — я театрально впадаю в ступор. — Убила...тебя?

Он разразился неприятным, мерзким хохотом, от которого у меня пошли мурашки, хоть я и знал, что это произойдёт.

— Оставьте её в покое, мучители проклятые! — с этими словами пьяное тело подошло вплотную к оцепеневшей девушке, её расширенные глаза, не мигая, смотрели на него. — Она ни в чём не виновата.

Руки пьяного человека потянулись к шее девушки.

И тут я всерьёз испугался. Предвидеть поведение столь юного существа я не мог, да и времени у меня на это не было. В тот миг, когда она всем телом инстинктивно дёрнулась назад, я дрогнул. Сделав она ещё пару шагов назад, она оступилась бы и эффект от верёвки был бы ничуть не хуже, чем тот, что предусматривал рычаг.

— Стоять! — рявкнул я, и она повиновалась, хотя я видел, насколько противно ей было прикосновение этого человека.

Оба замерли, а я, воспользовавшись моментом шагнул к ним. Мне и самому было тяжело поднять свои собственные руки, однако пришлось преодолеть и это. Я ослабил петлю и снял её с головы девушки. Она переводила недоумевающий взгляд то на меня, то на застывшего человека, с большим красным пятном на виске.

— Но ведь ты был мёртв! — тихо произнесла она.

И вдруг сзади раздался обиженный возглас:

— Эй! А как же казнь?

В моём уставшем мозгу вспыхнула мысль развернуться и наброситься на того, кто произнёс эти слова. Но вместо этого случилось следующее.

Пьяный человек встал на место девушки, и продел петлю на свою шею.

— Если кто и заслуживает казни, — спокойно произнёс он, несколько раз громко икнув. — То это я.

— Но почему? — громко спросил я, чтобы мой вопрос был хорошо слышен.

— Это я пытался её убить, — беззаботно проговорил он. — Ограбить и убить. Мне нет прощения, а потому я прошу привести казнь в исполнение. Моя душа нуждается в спасении!

Толпа вспыхнула, загалдели удивлённые, восхищённые, даже радостные голоса. А я, на всякий случай, затянув петлю потуже, развернулся.

— Люди Гонкоралла! — я развёл руки в стороны. — Казнь состоится!

— Ура! — восторженно подхватила толпа.

Немедля больше ни минуты, я подошёл к рычагу и положил руку на его ручку. Силы мои были на исходе, но по традиции я должен был задать этот вопрос:

— Твои последние слова?

— Прости меня, дитя! — проговорил он, глядя на всё ещё остолбеневшую девушку.

— Да простят тебя Боги! — отозвался я, дёргая за рычаг.

Тело пьяного человека рухнуло вниз. Ещё с полминуты его ноги беспомощно барахтались, а рот изрыгал соответствующие его положению звуки. А потом он затих и в этот же миг я упал на колени и едва не лишился сознания.

— Что с вами? — голос девушки был рядом, но я не видел её. — Вам плохо?

Сознание моё пошатнулось, лавируя на тонкой грани между небытием и явью.

Я показал жестом, что со мной всё в порядке, а затем мне, и правда, стало легче. Я встал.

Народ изумлённо наблюдал.

— Должно быть, — громко ответил я на словно бы заданный и повисшей в воздухе вопрос, — мне нужен отдых.

И этого хватило. Люди стали расходиться по своим делам, площадь быстро пустела.

Я срезал верёвку своим ножом. Пыхтя от тяжести, тело снова положили в повозку.

— Чёрт побери! — услышал я голос стражника, что тащил тело. — Если он снова очнется, я сам прикончу этого гада!

— Верно говоришь! — поддержал его второй голос. — Совершенно бессовестное поведение! Умер, так будь любезен — веди себя соответствующе!

И только я облегчённо выдохнул, как заметил вдалеке тёмно-синюю мантию. Снова он!

— Что произошло? — спросила меня девушка, отвлекая меня от разглядывания неприятного гостя.

— Правосудие, — загадочно ответил я, разрезая верёвку на её руках. — Вы свободны.

Когда я снова бросил взгляд поверх голов, синего силуэта уже не было.

И не дожидаясь дальнейших вопросов и предположений, я развернулся и нетвёрдой походкой зашагал прочь.

На столе были разложены самые редкие цветы, травы, и глаза. Я как раз перебирала всё это, когда в дом ввалился Зельборн. Он открыл дверь и застыл на пороге, словно бы сомневался, туда ли он попал. И только когда он прислонился к дверному косяку, я поняла, что дело не чисто.

— Что случилось? — возмущённость в моём голосе была совсем не к месту, но нельзя же так сразу из одной переделки попадать в другую!

— Всё отлично, — проговорил он.

— Ага, отлично, — я подошла к нему ближе.

Нет, правда. Мои глаза меня никогда не обманывают, опять куда-то влип!

— Ну, хорошо, если так, — проговорила я, — А то мне было показалось, что это тебя казнили вместо того, кого следовало бы.

— А что это ты свои богатства перебираешь? — глаза на его бледном лице превратились в две полоски, — Что-то стряслось?

Я махнула рукой, быстро убирая свои сокровища обратно по узлам, да полкам. Верно подмечено — стоит мне немного перенервничать, как мои руки сами собой хватают ценные ингредиенты моего ремесла и остановить меня бывает крайне сложно. Я могу часами сидеть и разглядывать их, это успокаивает меня.

Зельборн лишь смеётся над моей привычкой, а сам чуть что — сразу с духами языками метёт (или чем там, у бестелесных, принято мести). И хоть польза была бы от этого, я бы поняла, а так...

Зельборн, словно призрак, прошёл по комнате и сел на своё законное место, чтобы перевести дух.

Оценив ситуацию, я сунула ему под нос большую кружку морса, предварительно добавив пару слов силы в её содержимое. С меня не убудет, а вот и без того чахлому некроманту это сейчас необходимо. Затем я подкинула пару дров в печь, да поставила котёл на огонь.

— Ну, рассказывай, — проговорил он вдруг фразу, которая едва не сорвалась с моего языка.

— А что рассказывать? — пожала плечами я. — Дрова подорожали, слышал?

— Нет, — равнодушно отвечает он.

— Несколько лесников какие-то существа растерзали, — пояснила я. — Сегодня узнала.

Некромант лишь покачал головой.

— Ко мне сегодня приходил маг со дворца, — невзначай продолжила я. — Говорит, что мы у него на крючке.

— Вот бездна! — ругнулся Зельборн. — В синей мантии который?

— Нет, — ответила я. — В белой. Какая разница? Хоть вообще без мантии! Хорошее не может длиться долго.

— Значит и правда пора, — рассеянно проговорил он.

Я вкратце рассказала подробности сегодняшнего визита Нэнтрикса, что, впрочем, нисколько не прояснило общую картину.

Зельборн в свою очередь поведал мне о проделанной, хоть и героической, но очень

опасной затее. И о том, что опять за ним наблюдал некто в тёмно-синей мантии.

— Ты понимаешь, — отчитывала я его. — Что именно этого от тебя и ждут! Чтобы ты выдал своё некромантскую сущность!

— Судя по всему, — успокоил меня он. — Им и так уже многое известно.

— Им? — уточнила я. — Почему ты думаешь, что это не один и тот же человек?

— Тот, которого описываешь мне ты, — сказал Зельборн, — другой.

— Но ведь ты не видел вблизи ни того, ни другого! — возмутилась я.

— А много ли для этого нужно? — улыбнулся он. — Пару летающих насекомых, да и всё!

На такое я могла лишь оценивающе кивнуть.

— Тот, что бывает у меня на казне, молод, — продолжал вещать он. — Светловолосый и худошавый.

— Что ж, — подвела я итоги. — Тогда выбора у нас не остаётся — завтра же отправляем осматривать, эти твои стоки.

— Это не мои стоки! — отзывается Зельборн. — Почему не сегодня?

— После вчерашней ночи я и носа не высуну за стены города! — отвечаю я. — А если мне ещё раз доведётся тащить твоё брненное тело на себе, я...

— Под покровом ночи, — с тоном знатока настаивал он на своём, — нас не будет видно.

— Нет, Зельборн! — запротестовала я, — Стены Гонкоралала не настолько хорошо охраняются, чтобы вновь рисковать. Завтра утром мы выйдем из города, а если кто-нибудь улучит нас в том, что мы хотим побыть одни на осенней прогулке, предоставь этого человека мне.

— Этого я и боюсь, — отозвался он. — Ты как колокол — попробуй останови!

Я грозно глянула на Зельборна и он умолк. А не умолк бы — я бы и стала “колоколом”.

Суп в котле был почти готов.

— Да ты на себя посмотри! — проговорила я, помешивая поварёшкой суп. — Тебе не в стоки лезть, а сразу в гроб!

Зельборн фыркнул.

— Завтра на рассвете, — повторила я.

— Ладно, — нехотя согласился он. — Я бы так не торопился, если бы мне не хотелось оставить с носом этого толстого гада!

Я рассмеялась.

— Мне тоже хочется, Зельборн, — отозвалась я. — Мне тоже.

— А это что? — вдруг послышался его возмущённый голос, — Рыба?!

— Ах да! — спохватилась я, вынимая с полки чудом уцелевшую половину принесённой Винрантом рыбы. — Это тебе!

— Вот здорово! — обрадовался он.

Я поставила блюдо разогреться, на решётку рядом с супом.

— Мне всё больше и больше нравится этот тип! — замечает Зельборн. — Почаще бы он нас навещал!

— А вот тут вынуждена тебя огорчить, — осадил его я. — Больше мы его не увидим.

С минуту в комнате воцарилось скорбное молчанье.

— Ну и бездна с ним! — вдруг замечает Зельборн оживившемся голосом. — Мы вот-вот снимемся с якоря, и прощай Гонкоралл!

— И тогда, — мечтательно глядя в окно, продолжила я его мысль, — мы отправимся в далёкое странствие, как и раньше. Будем долго трястись в карете, на пути в новый город. Найдём себе новый дом, и проживём ещё добрых тридцать лет, прежде, чем пуститься в новое путешествие. Ах, как это романтично, Зельборн!

— Ещё бы! — усмехнулся он. — В бездну этот Гонкоралл, с этими придворными магами, алчными толстосумами и бесконечными лабиринтами улиц! Мы ведь не вчера родились, Анимара! Они все одинаковые, все! Есть только мы, и важнее этого ничего нет!

— Ах, Зельборн! — воскликнула я, зажигаясь от не свойственному ему красноречию, — Какая восхитительная речь! Говори так почаще!

— Ну, нет уж, — сконфузился он.

И мы слились в долгом и одухотворённом поцелуе, а чёртов суп стал выкипать так не вовремя, сильно шипя на нас за нашу нерасторопность.

## Глава 23

Остаток дня мы провели по разным комнатам. Я — в тщетной попытке сделать побольше заготовок для снадобий, а Зельборн ушёл общаться со своими духами. Иной раз я советую ему книжку какую-нибудь почитать, но он никогда не следует моему совету.

— Это намного интереснее и познавательнее! — с видом знатока говорит он, хотя я ещё ни разу не заметила хоть какой-либо пользы от такого времяпрепровождения.

Но раз уж все некроманты общаются с духами, то и ему непременно надо это делать. Бывает и так, что я уже спать лягу, а он всё сидит посреди комнаты со сложенными ногами в темноте и молчит.

— Зельборн! — шепчу тогда я ему. — Передай своим духам, что Анимара спать хочет. А не выспавшаяся ведьма своим проклятьям не хозяйка! И что она даже до тонкого мира добраться сможет, если захочет!

Ну, или что-нибудь в этом духе.

Это всегда веселит его, и их общение быстро сходит на нет. А случается это потому, что порой духи слышат и меня, и иногда это пугает. Однако Зельборн говорит, что я им нравлюсь. Уж не знаю, врёт, или правдой мои гневные тирады заслуживают большого внимания в тонком мире, да только на сложные конструкции в адрес незримых собеседников в последнее время я совершенно не скуплюсь. Вообще, при особом желании я и правда могла бы несколько повлиять на неприглядную жизнь бесплотных существ, благо знания на этот счёт у меня уже имеются. Правда, это настолько же несуразно, насколько несуразно кидать проклятьем в камень. Должно быть, обременённые мудростью духи понимают это. Понимаю и я.

Наступил вечер. И только-только я всерьёз принялась за дело, как в дверь постучали. Я с досадой вскрикнула, лист цветка порвался в моих руках в неправильном месте. Я рефлекторно стала напускать на пространство вокруг себя плохо скрываемое призрание и гнев. И хотя мы и решили, что больше представлений своим гостям давать не будем, что нам вообще больше нет особой нужды принимать их, не могу же я отказать в посильной помощи? Но и желанья натягивать на себя доброжелательную улыбку тому, кто отрывает меня от столь важных дел, как обрывание листьев Горноцвета, у меня нет. И поди объясни им, что это сложный и кропотливый труд! Да даже мой некромант, что сидит за стеной и языком чешет (эфирным, разумеется, иначе я бы давно свихнулась!) по прошествии стольких лет имеет весьма смутное понятие об этом сложном процессе.

А потому дверь я отворяю с присущей мне обыденностью — яростно. Та, скрипнув, словно извиняясь, ударяется о внутреннюю стенку дома и возвращается ко мне.

На пороге стоит девушка. Её тёмные глаза смотрят на меня с опаской, чёрные волосы спускаются до самых плеч.

— Что вам угодно? — смерив её дежурным ледяным взглядом, раздражённо спрашиваю я.

— Мне нужна помощь, — как бы не хотя отвечает она.

— Заходи, — вздыхаю я, приглашая в дом.

Она зашла и огляделась. Могу себе представить те эпитеты, что награждают мою комнату за моей спиной. И судя по лицу девушки, в её голове сейчас шла ожесточённая борьба в поисках заветного определения моего жилища.

Наступил переломный момент — секунда, когда сомнения в их мыслях нарастают, когда они осознают, что совершенно зря пришли в этот дом и их проблемы могут решиться сами собой. Нет, не решатся.

Девушка попятилась, нащупывая ручку двери.

— Постой уж! — буднично говорю я, — Мои двери всегда закрыты, но в них отчаянно стучат. И раз уж тебе хватило ума явиться ко мне за помощью — изволь уважать моё, а заодно и своё время!

Она застыла, осознавая сказанное. Мышца в банке с раствором вдруг задёргалась. ритмичное жужжание раздалось из-за полки.

— Не сейчас! — крикнула я, и всё затихло.

Скорее всего, только оцепенение от ужаса не давало моей гостье распахнуть дверь и выпорхнуть вон. Уж до чего я не люблю брать на себя роль доброй бабушки, но иногда без этого никак. Ведь что, если у человека и правда серьёзная беда, а я могла бы помочь? А всё, что стоит между человеком и моей помощью — моя блестящая репутация грозной ведьмы.

— Ну, вот что, — я беру инициативу в свои руки, — Давай по порядку!

Я беру гостью за руку и провожаю до стола, она не сопротивляется. Даю ей табуретку Зельборна, а сама наливаю две больших кружки компота.

— Вот, — протягиваю я ей, — Выпей.

Она покорно берёт кружку и делает глоток.

— Рассказывай, — говорю я, усаживаясь в своё кресло.

— Вы ругаться будете! — чуть не плача говорит она. — Зря я пришла, зря трачу ваше время!

— Раз пришла, — ответила я, — значит повод серьёзный. Просто так ко мне и мухи не залетают.

Она кивает, но как-то неуверенно. Одета она в серое платье с поблекшим золотым узором под тёплой коричневой накидкой. Обувь тоже тёплая, по сезону, что говорит о разумности в столь юные года. Впрочем, для меня все в этом городе юные, словно дети.

— Тут дело личное... — замялось она, теребя воротничок накидки.

— Что, думаешь муж тебе изменяет? — решила пошутить я.

— Верно, — её озадаченные округлённые глаза смотрелина меня не мигая. — Как вы узнали?!

— Ну, милая моя... — туманно проговорила я, с трудом борясь с собственным изумлением.

Только этого ещё не хватало, не люблю решать подобные проблемы. Совсем недавно же взялась за подобное, и вот опять!

Обречённо кивнув, я иду к полкам, в поисках нужной заготовки трав.

Впрочем, если больше никто не умирает от лихорадки, не истекает кровью и не чахнет от неведомой болезни — можно заняться и такими глупостями.

Хорошо было бы сейчас разразиться молниями, да напугать до полусмерти эту юную особу до полусмерти, что бы больше никто и носа не совал ко мне. Да где там! Переждут, да повалят табуном, как ужаса не наводи.

А главное, я ж добрая. Покричу, поворчу, да и помогу. Зельборн ни раз отмечал, что люди не дураки — раскусывают сущность мою раз за разом. Ладно, чего ж напоследок не оставить после себя шлейф доброты?

— Почему же ты не спросишь его сама? — задаю я вполне закономерный вопрос. — У

супругов не должно быть секретов. А кроме того, ты могла бы и проследить за ним в дни сомнений в его честности!

— Я могла, — согласилась она, — Но у меня нет на это времени. В последнее время я тайно посещаю одну обеспеченную семью. Они хорошо платят мне за уборку и помощь. Мы с мужем живём в тесном доме, и мечтаем переехать в дом побольше, вроде вашего.

Она ещё раз осмотрелась, и её полный воодушевления взгляд потух.

— Ну, или чуть больше, поновее, почище, — она запнулась, нервно сглатывая. — Я не хочу, что бы он знал, что я работаю, он будет страшно ругать меня, ведь мы ждём ребёнка.

За стеной раздался присвист. Я покраснела, ни то от злобы, ни то от стыда. Честное слово, убью этого невоспитанного некроманта!

Действительно, и как я сразу не подметила чуть выдающийся живот гостьи? Вероятно, от того, что это не так бросалось в глаза, и можно было списать на небольшой излишек веса.

— Он и сам подозревает меня в измене, — грустно продолжила она. — На днях устроил мне настоящий допрос. Выспрашивал у меня, допытывался...

Она заплакала.

— Ну-ну! — утешала её я, — Ничего, ничего. Думаю, что ни ты, ни твой муж не изменяете друг другу.

— Откуда вам это известно? — всхлипнула она.

— Ты забыла, к кому явилась, дитя? — спросила я. — Я вижу многое. Вижу то, чего не видят другие.

— Прошу вас! — её умоляющий взгляд, полный слёз, обезоруживал. — Дайте мне зелье правды! Я знаю, что вы умеете такое делать, молва про вас ходит по всему Гонкораллу!

Я хотела было возразить, но осеклась. А почему нет? Если у её мужа был шанс выспросить все подробности её жизни, почему у его жены не может быть такой возможности?

А поскольку я за справедливость, то и моё решение было вполне оправданно.

— Хорошо, — ответила я.

Я приготовила тот же напиток, что и давала её мужу. Но перед тем, как отдать, я призадумалась. Нет, всё-таки я решила усилить его несколькими словами так, чтобы он сработал ещё лучше. Да, знаю, это выводит чаши весов из равновесия, но ведь и мужчины, как правило, более склонны к подобным преступлениям против своей семьи и совести, а потому этот факт не укрылся от меня при детальном взвешивании моего решения.

— Вот возьми, — я протянула закупоренную колбочку погрузившейся в размышления девушке. — Но скажи мне наперёд: ты-то верна ему?

— Как можно иначе?! — возмутилась она. — Мы ведь любим друг друга!

И в её взгляде я увидела правду, которой было вполне достаточно для оправдательного приговора. Я удовлетворенно вздохнула и отдала колбу с прозрачной жидкостью ей в руки.

— Тогда ладно, — продолжила я, — Влей это ему в кружку, одну треть. Остальное разбавь любым напитком. Через полчаса задавай свои вопросы.

— Это ведь не опасно? — засомневалась она.

— Нет, — буркнула я.

Можно подумать, я могла бы дать нечто опасное!

— Сколько я должна вам? — её взгляд и голос были уставшими.

— Ладно уж, — пробормотала я, сама себе удивляясь. — Ничего не нужно, копи на дом. Приступы спонтанной щедрости иногда захлёстывают меня, но чаще всего я им

отчаянно сопротивляюсь, потому как жить тоже на что-то надо.

— Нет, я хочу заплатить! — уверенно сказала она.

— Дело твоё, — отозвалась я. — Тогда иди домой и покончи со своими подозрениями.

А уже по итогу сама решишь, как меня отблагодарить.

Такие предложения я иногда даю своим гостям, и не всегда они исходят из широты моей необъятной души. Упрётся рогом дед, мол, озвучьте сумму! Так и до вечера можно проспорить, а мне моё время дорого. И когда я осознаю, что потратила час на пустые препирательства, я могу действительно вспыхнуть и вывернуть на изнанку свой характер, ради яркой демонстрации своих незаурядных способностей.

Да и не люблю я приёмы пищи пропускать. Тут мы с моей другой половиной сходимся во мнении.

Гостья кивнула и направилась к двери.

— Вы прямо два сапога! — усмехаюсь я ей, но она этого не услышала.

Она прощалась и ушла, оставляя меня в глубокой задумчивости.

Два сапога, прямо, как и мы с Зельборном.

Могла ли казнь пройти успешно с точки зрения закона? Могла. Я считаю, что сегодня грозное лезвие правосудия как нельзя лучше отыграло свою роль, пусть и с небольшой помощью.

Хотя если посмотреть правде в глаза, то помощь эта была не столь уж не существенной. От резкого упадка сил после казни я пребывал на шаткой грани сознания. Как я добрался до дома, я помню смутно. Но Анимара, моя проникательная умничка, сразу поняла, что у меня сегодня выдался не простой день. Её компот если и не поставил меня на ноги, то, по крайней мере, придал сил добрести до кровати. Тем не менее, я вкратце изложил суть сегодняшних событий, так как скрывать друг от друга подобные вещи у нас не принято. Анимара хоть и не одобряла столь явного риска, но мне показалось, что даже она прониклась моим поступком.

Платить пришлось своим самочувствием. Давно я не чувствовал себя в столь разбитом состоянии, а тут ещё и рана ну груди стала ныть.

— Болит? — кивнула на мою прижатую к груди руку моя другая половина.

— Немного, — ответил я.

— Это ничего, — ответила она. — Я приготовлю тебе кое-что, может и полегчает. По крайней мере, не помрёшь. Скорее всего.

— Раньше тебя-то? Ха! — усмехнулся я, и сам не веря своей не слишком весёлой шутке.

Если и дальше так дела пойдут, то смеяться мне будет не над чем.

— Тоже мне, долгожитель! — фыркнула Анимара.

— Твоя правда, — сменил тактику я. — Вот умру, а ты даже толком с духами общаться не умеешь, не стыдно?

— Если ты не прекратишь сыпать подобными фразами, — возмущённо проговорила она, — то общаться нам и правда не придётся. Ни здесь, ни там!

— Значит, тебе можно шутить про смерть, а мне нет? — обиженно произнёс я. — Это не честно.

— Всё верно, — подтвердила Анимара. — Кстати о честности. Судя по твоим словам, сегодня ты остался с носом.

— Это точно, — согласился я. — Но мог ли я поступить иначе? Справедливость должна восторжествовать!

— Я знаю, — отозвалась она. — Но правосудие тут не причём, сегодня ты купил себе немного спокойствия.

Мы ещё немного поговорили, и я побрёл в кровать.

Но до кровати так и не дошёл. Закрыв за собой дверь, я намеревался лечь и проспать до самого рассвета, но проходя мимо центра комнаты, я остановился.

Несколько мгновений я размышлял, найдётся ли у меня немного сил на общение с духами, или всё-таки подобное мероприятие стоит отложить?

Впрочем, кого я обманываю! Общение с духами стало для меня вроде умывания, а потому я попросту не мог улечься спать, не заглянув в тонкий язвительный мир.

Я уселся на излюбленный центр комнаты и сложил ноги. Добиться сосредоточенности мысли я могу почти мгновенно, однако нужного состояния для выхода в тонкий мир иногда приходится ждать долго. Всё происходит несколько иначе, чем при пробуждении мёртвой

плоти. Вальяжно и даже нехотя, я бы сказал.

Я стал выжидать.

Через какое-то время я почувствовал, что моё тело осталось где-то в другом месте, а сам я сидел в неопределённом бесконечном полумраке, как и обычно. Вокруг меня мерцали тёмно-голубые тени. Я снова окунулся в тонкий мир, где витали нечеткие очертания духов.

Выбрав одну тень, я попытался наладить контакт, но та, словно рыба в озере, быстро ускользнула, едва я попытался сделать это.

Приглядевшись, я выбрал другую жертву моих ментальных изощрений. Та, видимо, скучала, а потому контакт был установлен. Её очертания приобрели более явственные формы. Я увидел парящего старика в мантии, с капюшоном на голове. Лицо было не рассмотреть, но я и не хотел этого делать — в этом мире не было ничего стабильного надолго. Некоторые вещи всё же могли оставаться неизменными, но для этого нужно было специально заострять на этом своё внимание, чего, как правило, ни духи, ни я не делаю.

— Как дела в загробном мире? — жизнерадостно спросил я.

Старик молчал, словно парящая статуя.

— Ты хочешь поделиться знаниями? — я решил сразу раскрыть свои интересы к нему.

— Ни плохо, ни хорошо, — вдруг ответил старик бесцветным голосом.

Бесконечное число раз я слышал нечто подобное. Что поделаешь, духи, словно тесто — попробуй, вытяни хоть пару слов! Но бывают и другие экземпляры — язвительные и говорливые, но встречаются не часто.

— У меня сложилось мнение, — продолжил я, — что у вас тут за каждое слово надо платить.

— Это не так, — отвечает старик. — Просто говорить в этом мире незачем.

Это мне тоже давно известно, но я не перестаю задавать подобные вопросы каждому новому собеседнику.

— То есть дела, как и всегда? — уточнил я.

— Верно, — отозвался он.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Никак, — отозвался старик. — У меня нет имени.

Моё тело сообщило мне, что кто-то явился в дом. Я перевёл часть вниманья обратно. Действительно, к Анимаре кто-то явился.

И хотя мы с ней договорились, что представлений больше давать не будем, меня начали одолевать сомнения. Вдруг это тот самый случай, которого мы так ждали? Да и что мне, жалко, что ли? Я решил оживить мышцу в стеклянной банке, а затем поднять мёртвых насекомых в воздух. Для выполнения этого действия мне пришлось практически оторваться от тонкого мира, чтобы воспользоваться своей силой в этом. И только я начал входить в азарт, как крик Анимары остановил меня.

Я вернулся обратно в тонкий мир, но старика рядом уже не было. Но о нём я даже и не вспомнил, потому что рядом сияло нечто ослепительное, чего обычно тут не встретишь.

Это был силуэт парящей стройной девушки. Такое заключение нельзя было сделать ни об одном из скрывающимся в полутьме образе, но это... это, без сомнений была женщина. Её образ был настолько яркий и чёткий, что я мог хорошенько рассмотреть его во всех деталях.

Это была хрупкая девушка с яркими белыми короткими волосами. Одета она была в кожаный плащ и элегантную шляпку. В одной руке она держала сложенный зонтик. Одно

взгляда на лицо было достаточно, чтобы понять, что это милое существо своего не упустит. Большие синие глаза смотрели сквозь меня, губы двигались, словно читали что-то. Под левым глазом чернела маленькая точка. Вероятно, родинка. На ногах у неё были одеты высокие чёрные сапожки, вероятно, из кожи, а руки были облачены в белые перчатки. Вот уж действительно интересное сочетание, подумал я.

Какова вероятность, что это существо захочет со мной пообщаться? Небольшая. Впрочем, попытка — не пытка.

Как только я попытался установить контакт, я сразу же понял, что идея эта была не из лучших. Я ощутил тяжёлые вихри энергии, они потянулись ко мне, словно гигантские щупальца. Нет, такую ношу я не потяну, решил я, и попробовал оборвать контакт. Но не успел.

— Что тебе нужно? — вдруг раздался властный голос светящегося существа.

— Просто хотел пообщаться, — рассеянно проговорил я.

— Ты в этом уверен? — её грозный взгляд вдруг напугал меня.

— Не очень то, — честно признался я.

Она подлетела ближе, вглядываясь в меня.

— А не боишься ли ты, — произнесла отчетливо она, — что я решу, будто потеря времени на пустую болтовню с тобой — слишком большая роскошь, которую ты не сможешь искупить?

— Боюсь. — Страх вдруг овладел мной, и я уже не мог приукрасить своих чувств.

Лицо её изменилось, подобие улыбки коснулось её губ.

— То-то, — проговорила она. — Ладно, смертный, что ты хочешь узнать?

— Как ваше имя, госпожа? — сомнений быть не могло, что только такая форма общения могла быть приемлемой в этой ситуации.

— Бенфиона, — услышал я её голос.

— Расскажите про загробную жизнь! — попросил я её.

— Не расскажу, — ответила она и снова пристально взгляделась в моё лицо. — А ты, стало быть, некромантией балуешься? Любопытно!

— Да, — ответил я. — Балуюсь помаленьку. А что же здесь любопытного?

— С некромантами всегда любопытно, — ответила мне Бенфиона, — Все они такие чудные.

— Что ждёт нас в ближайшем будущем? — решил спросить я на всякий случай.

— Я что, похожа на пророка? — удивлённо спросила она.

— Очень! — умилился я.

— Вас ждёт поглощение пороками, — вздохнула она, — а потом смерть.

Я вздрогнул.

— Смерть? — ужаснулся я.

— Ага, — спокойно подтвердила она. — Но это потом, когда вы проиграете. И, если это случится. А теперь ты ответь мне на пару вопросов.

Я кивнул.

— Как тебе Гонкоралл? — спросила она.

— Хороший город, могущественный, — детально ответил я.

— Как, по-твоему, — она наклонила голову, — Люди в Гоннкоралле хорошие?

Я немного подумал. Странные вопросы задаёт мне это существо. Тем не менее, я попытался ответить исходя из сложившегося мнения.

— Большинство — да, — проговорил я. — Хотя у многих из них жизнь — не сахар.

Бенфиона некоторое время что-то обдумывала, а потом произнесла:

— Хорошо, я, пожалуй, отпущу тебя обратно.

— Спасибо, — рефлексивно проговорил я, — Но ответь мне на последний вопрос!

— Посмотрим, — туманно проговорила она.

— Кто ты? — я хорошенько оглядел её, чтобы запомнить.

— Тратить время на представление своей персоны я не буду, — легко ответила она. —

К тому же есть в этом мире и те, кому известно чуть больше на этот счёт. Даже в этом городе.

Я кивнул, ну не протестовать же, в самом деле!

— Ах да, — спохватилась Бенфиона. — Передавай от меня привет Анимаре.

— Вы знакомы?! — изумился я.

— Нет, — ответила она, — Но мне она нравится. А теперь прощай.

А я кому-нибудь вообще нравлюсь?! Анимара ведь даже не общается ни с кем из мира духов! Вероятно, потому и нравится.

Тяжёлые щупальца энергии отступили назад, а я повалился на спину, ощущая, что снова нахожусь на холодном полу своего дома. На улице стояла ночь, в окно заглядывала почти полная луна. Анимара, вопреки всем традициям, крепко спала. Вытерев пот со лба, я залез под одеяло и почти сразу же провалился в беспроглядную тьму.

Твоя борода не достаточно аристократична для короля, но достаточно длинна для бездомного.

Рассвет наступил мгновенно. Мне показалось, что я даже не успел закрыть глаза. В комнате стало чуть светлее, а кровать опустела. Что за женщина? Как ей это удаётся?

Я встал с кровати и оделся. Раны на груди превратились в тёмные полосы и уже совсем не болели — в этом заслуга Анимары. Когда ремесло сочетается с даром — открываются великие возможности.

Позавтракав, мы собрались на разведку.

— Корзинку надо взять, — вспомнила Анимара. — Мы же прогуляться идём, как-никак!

— И поесть! — подтвердил я нашу легенду.

— Тебе бы только поесть! — всплеснула руками колдунья, но тут же задумалась. —

Вообще, почему бы и нет?

День обещал быть солнечным, тёплым. В нашей корзинке лежал нарезанный хлеб, аккуратные кусочки мяса и сыра. Небольшой графин с морсом и двумя маленькими кружками так же уместились внутрь. С торжественным видом Анимара вручила мне корзинку в руки, и та оказалась довольно увесистой.

Когда мы вышли на улицу, потрясающий аромат осенних листьев окружил нас. В центре города такой чарующий запах мог лишь по ошибке заплутать в изломах паутины улиц, не иначе.

Мы побрели вдоль старых домов Гонкоролла, на выход из города. В этот раз на страже стояла другая парочка, но недоверие в их глазах было совершенно схоже с прежней.

— Куда это вы собрались? — вдруг спросил один из них, с усталыми глазами и большим носом.

— А тебе какое дело? — ответил я. — Дай пройти!

— Не полож... — хотел было сказать тот, но его перебили.

— Рассвет наступил, Тонк, — проговорил второй, с синими глазами и квадратным подбородком.

— О. — согласился первый, — Тогда, так и быть, можно.

Он отошёл в сторону, попуская нас наружу.

— Вы только смотрите, — кинул он нам в спину. — Осторожней там. Тут недавно двоих чуть медведи-оборотни не зашибли, вся дорога в крови была. Мы едва их прогнали, а я...

— А ты в тот день на дне рождении был, — заметил второй. — И напился, как чёрт!

— А я напился, как чёрт, — согласился первый. — В общем, смотрите в оба!

Вот так распространяются слухи в Гонкоралле. Не удивлюсь, если в действительности на лесорубов напала стая зайцев, или ворона с перепуга клюнула кого-то из них в лоб. А уж из этой истории ком слухов стал нарастать с завидной быстротой. Запросто!

Тем не менее, мы вышли из города и свернули налево. Справа от дороги, ведущей в Торлис, начинался лес. Стена Гонкоралла хорошо проглядывалась, если не считать кустов, сорняков, да колючек. Оценив обстановку с дороги, мы пришли к выводу, что ближайших точек возможного наблюдения всего две — пара смотровых окон, в которых издалика

сложно было что-либо различить.

— Ты должен убедиться, — шепнула мне Анимара, — что там никого нет.

Мы шли по дороге, ведущей в Торлис, я приглядывался к окружающей природе в поисках умершей живности, и Слава Богам, её было полно. Слева от дороги шло небольшое поле, усеянное ромашками и одуванчиками — деревья тут вырубали давно, даже пенёков почти не осталось. За полем шёл ров со стоками, но не глубокий, в нём вряд ли можно было утонуть. Этот ров можно было перепрыгнуть, настолько он был не солидным для столь могущественного города.

Едва поравнявшись с первым окном, мы свернули на полянку. Под первым окном снизу был тоннель, тот самый, что был изображён на моей карте. На входе в тоннель чернели крупные прутья решётки.

Мы уселись на всё ещё зелёную траву, как самая беззаботная в мире пара влюблённых и стали громко болтать.

— Ах, Зельборн, как тут красиво, — слишком громко, на мой взгляд, кричала Анимара.

— Потрясающе! — подтвердил я, оглядываясь вокруг.

В траве жужжал крупный шмель, я возлагал на него большие надежды, но, похоже самого важного он сделать уже не мог. Кажется, у него было всего одно крыло, а потому я оставил бедолагу в покое. Пришлось поискать ещё.

Вот. Некрупная оса пришла в чувства и поднялась в воздух по моей команде. Лететь ей было тяжело, её тельце словно бы пожевали и выплюнули. Но то, что она летела, можно было бы причислить к разряду чудес.

Стена казалась непреодолимой, мне пришлось делать несколько больших кругов по спирали — осу сильно косило влево, словно повозку, колёса которой давно не затягивали.

Добравшись до окна, я убедился, что из него никто не наблюдает.

— Эй, Зельборн, — заговорщицкий тон Анимары просочился сквозь завывание ветра, который мог бы снести несчастную осу на сотни метров. — Всё хорошо?

— Да, — подтвердил я. — Не отвлекай!

— Ладно-ладно! — отозвалась она. — Просто ты так сжимаешь челюсти, словно у тебя припадок какой-нибудь.

— О, Боги! — только и смог произнести я.

Я вернулся обратно к ожидающей моих распоряжений осе и тут же услышал голоса.

— Да брось ты! — раздался низкий бас.

— Точно тебе говорю, Бруис, я сам видел! — убедительно проговорил второй голос.

Вновь расправив крылья, я залетел в окно и принялся чертить круги в воздухе. Другого способа оглядеться у осы не было.

Вдруг я ощутил нежное прикосновение к щеке. Осу пришлось бросить и вернуть внимание обратно в тело. Маленькую ниточку восприятия я всё же оставил на случай ложной тревоги.

В щёку мне упирался кусок хлеба с мясом и сыром.

— Ешь, Зельборн, — тихо цедила Анимара, видимо уже не первый раз повторяя эту фразу. — За нами наблюдают.

Я взял хлеб и стал жевать его.

— Так что, неужели так и сказал? — беззаботно расхохоталась она, глядя на меня грузным взглядом.

— Точно так, — подхватил я, жуя с нарастающим аппетитом. — Я, говорит, не вижу

проблем!

— Ох, и выдумщик! — натянуто улыбалась она. — Ему стоило бы почаще смотреть себе за спину!

— Видишь, мы с тобой совершенно похожи во мнениях! — обрадовался я и потянулся к ней. — Иди обниму!

Она не сопротивлялась, с абсолютным достоинством принимая мои объятия, а затем и поцелуи. Всё это, впрочем, вдруг стало искренне.

Не важно, когда и какую роль приходится играть — чувства к этой восхитительной женщине никогда не стыдно выразить.

Целуя в щёку Анимару, я украдкой глянул на дорогу и заметил две фигуры стражников, бесцеремонно глазевших на нас. Я вернулся на своё место, Анимара принялась разливать компот.

— Ты знаешь, — игривым тоном сказала она. — Я давно тебе хотела рассказать одну забавную историю...

— О! — одобрительно отозвался я. — Люблю твои истории!

— Как-то раз, — начала Анимара, — Они ушли.

Я осторожно обернулся. Две фигуры и правда удалялись.

— Какого чёрта им было нужно? — возмутился я.

— Просто проверяют, — пояснила она, — Какие новости?

— Наверху кто-то есть, — начал я, но тут же вспомнил о споре двух голосов. — Проклятье! Я хочу услышать, о чём они спорили!

Я воспользовался нитью, что связывала меня и осу. Насекомое лежало на каменном полу. Что бы вновь взлететь пришлось преодолеть с десяток кругов.

— Да перестань ты чепуху мести! — снова раздался бас. — Не может быть!

Я поспел вовремя. Недалеко от окна стоял стол, а за ним сидели две фигуры. Вокруг стоял полумрак, и фигуры было сложно толком разглядеть. Владелец баса был крупным, и сидел дальше. Судя по запаху, они там выпивали что-то забористое и не слишком разрешённое на дежурстве.

— Можешь не верить мне, Бру! — обиженно произнесла фигура поменьше. — Но ещё в позапрошлом месяце она была вот такая!

Я с интересом подлетел ближе. Окинув взглядом коридор, я увидел, что больше никого не было.

Фигура встала из-за стола и хлопнула себя по груди.

— Вот такая! — бойко произнесла фигура.

— Да не станет король отращивать такую бороду, — отмахнулся второй. — Такую бороду только отшельники, да сумасброды носят.

Тьфу ты, чёрт. И ради этого я сюда с таким трудом добирался?! Мой гнев был уже готов вырваться из моего маленького тельца и обрушиться на одного из этих бездельников острым жалом, но мне пришлось себя остановить.

— Может в картишки перекинемся? — вдруг предложила тонкая фигура.

— Давай! — согласился второй. — Только смотри у меня, без твоих этих штучек. Увижу — дам по уху!

— Да ладно тебе! — обиженно проговорил первый. — Я тогда лишь попробовать хотел, а что б обманывать — ни в жизнь! Боги всё видят.

“Видят, и молчат” — вдруг пришло мне в голову.

Что ж, если они собирались играть в карты, то это надолго. А значит, путь открыт. Хотелось ужалить на прощанье кого-нибудь, да это могло испортить дело, а потому я просто оставил осу в тёмном уютном углу.

Солнце светило по-летнему ярко, но тепла от него было уже не так много. Тем не менее, мне хотелось пить.

— Ну что? — Анимара вглядывалась в моё лицо.

— Почему моя кружка пуста? — я с удивлением заглядывал внутрь кружки.

— Потому, что ты всё пролил, дурачок! — отозвалась она.

Я с досадой глянул на свои руки, а затем хищно глянул на её руку, сжимающую сосуд с компотом.

— Даже и не думай! — с тоном эксперта посоветовала она.

— Ладно! — согласился я, — Не будем терять время. Пойдём!

Ещё раз хорошенько оглядевшись, мы двинулись к чёрным прутьям под стеной Гонкоралла.

Чем ближе мы подходили к прутьям, тем больше я понимала, что этот путь нам не подходит. Во-первых, просочиться сквозь такие частые и толстые прутья мог лишь подопечный Зелборна, но никак не мы. А для нашего замысла это совершенно не годилось. Во-вторых, когда мы обсуждали этот план, я и думать не могла, что от этих вод будет так нести. То, что они были сточные, ещё не давало им права источать такой невыносимый запах. Я была к этому совершенно не готова, а потому даже немного обрадовалась, когда Зелборн оглядевшись по сторонам, прыгнул на небольшой уступ у стены, а потом безрезультатно подёргал за прутья.

— Плохо, — он удручённо покачал головой и метнулся обратно.

Такую бы прыть, да в правильное дело!

— Впрочем, — он достал из внутреннего кармана карту и задумчиво в неё взгляделся. —

Мы находимся тут.

Он ткнул пальцем в свой листок, а потом повёл его вверх.

— А нам надо проверить вот тут! — заключил он. — Идём же, Анимара!

Зельборн бодро зашагал вдоль стены, увлекая меня за собой.

— Этот запах сведёт меня с ума! — запротестовала я, начиная осознавать всю нелепость нашего плана. — Зелборн! Нам нужен другой план.

Но тот и слушать меня не хотел, таща меня за собой, словно ребёнка.

Хорошо. Раз ему нужно было увидеть и убедиться — значит, мешать было бесполезно.

Стоило бы это предвидеть.

Мы миновали ещё одну решётку, однако в этот раз моя другая половина не выказала ей должного почтения — прыжки и проверка на прочность достались той единственной и неповторимой.

Следующая решётка была так же проигнорирована, мы шли дальше вдоль стены.

— Ты уверен, что наверху никого нет? — спросила я Зелбона, когда мы подходили к четвёртому тоннелю.

— Да, — ответил он. — К тому же, нас отсюда почти не видно.

Действительно, из окна заметить нас было можно, если высунуть голову, что, скорее всего, никто из охраны проделывать не станет.

Когда мы подошли к четвёртому набору чёрных прутьев, странные чувства охватили меня.

С одной стороны, во мне вспыхнул огонёк надежды, что уже скоро мы, окрылённые успехом и золотом, отправимся в путешествие к своему новому дому. Я смогу купить себе всё, что так давно хотела, а Зелборн... да и Зелборн сможет купить всё, что я так давно хотела.

С другой стороны перспектива лезть в холодную и смрадную воду никогда не была для меня столь близка и неотвратима, как теперь.

Тёмный свет прутьев решётки недобро сиял на солнце. Все прутья были на месте, кроме одного, с правого края.

Зельборн присвистнул.

— Скажи-ка мне, Анимара! — он посмотрел на меня с воодушевлением. — Что это, если не путь, начертанный нам судьбой?

“Путь, начертанный судьбой” выглядел ничуть не лучше пути, без прикладывания своей руки последней. За такой путь я бы эту руку отгрызла по локоть.

— Ладно, — смиренно согласилась я, собрав чувство отвращения в узду. — Как ты думаешь, что могло послужить причиной недостатка одного из прутьев?

— Да мало ли, — развёл руками он. — Мы спорить сюда пришли, или дело делать?! Ты же видишь, что судьба даёт нам неплохой шанс!

— Хорошо, — согласилась я. — Раз уж ты видишь тут волю проведения, то полезай внутрь и убедись в этом сам. А я тут тебя подожду, цветы пособираю.

— Ещё какое проведение! — отозвался Зельборн, тыча пальцем в карту. — Приятную новость для тебя я отложил как раз на такой случай!

Я внимательно глянула на него, изображая интерес. На самом деле, чтобы он сейчас не сказал — это вряд ли сильно повлияет на моё отношение к нашей нелепой затее.

— Это вода! — проговорил он торжественно. — Если верить карте, то по этим каналам стекает вода из фонтанов!

— А если верить моему носу... — начала я, но тут же замолчала.

Продолжать развивать свою мысль больше не хотелось. Впрочем, это всё же смогло меня немного утешить.

— Ты первый, — проворчала я в качестве ответа.

И не говоря больше ни слова, Зельборн, прыгнул в воду. Удивиться я толком не успела, так как под воду он так и не ушёл. Воды было чуть больше, чем по пояс.

Он направился к решётке. Прут был выломан у самого основания сверху. Не хотела бы я узнать, кто, или что смогло выворотить этот прут.

Зельборн повернулся боком (хотя с его комплекцией он мог этого и не делать) и прошёл внутрь, исчезнув во тьме. Вскоре из темноты высунулась его рука и поманила меня за собой.

Ещё никогда в жизни я так не хотела не последовать за Зельборном, как теперь. Но делать было нечего, случись что — пропадет мой некромант без меня. Неподалёку рос небольшой куст, который и стал пристанищем нашей корзины. Кое-что, однако, я из неё забрала. Так что, вспомнив несколько экзотических проклятий и отправив их неизвестному получателю, я сделала глубокий вздох и метнула своё тело в предполагаемую воду.

“Ты можешь быть тысячу раз прав,  
но какой в этом толк, если твоя женщина в сточных водах?”

— Вот бездна! — вырвалось у меня, когда я, инстинктивно сжимающая руки в кулаках, приземлилась в холодную воду.

Ноги мягко погрузились в ил, однако, вопреки моим опасениям, не глубоко. Нервно вздохнув, я направилась к чернеющим прутьям, за которыми меня поджидало бледное лицо Зельборна. Его взгляд был направлен на мокрую бумагу, и белеющими во тьме пальцами он, вероятно, прокладывал наш примерный маршрут.

— Нужен свет, — не отрываясь, проговорил он.

Рефлекторно фыркнув, я полезла в карманы, где лежала пара небольших палочек. Ещё со вчера я заготовила их именно на такой случай.

Каждую из них я приложила к губам и произнесла заклинание, после чего их края вспыхнули жёлтым солнечным светом. Одну палочку я протянула Зельборну.

— Надо идти, — деловым тоном проговорил он, всматриваясь в тёмные глубины вод. — Нас могут заметить.

Зельборн возглавил шествие по тоннелю. Я нехотя побрела за ним.

Вопреки его заверениям, запах стоял ещё тот. Кроме того, стены и потолок, аркой смыкающийся над головой, не внушал никакого доверия. Мало того, что он был весь в трещинах, так ещё и был щедро усеян плесенью и мхом.

— Ты главное паутину хорошенько снимай! — потребовала я.

— Так вот почему ты так охотно пропустила меня вперёд? — раздался его голос впереди. — Неужто ты боишься пауков?

— Чего я действительно боюсь, — парировала я, — так это человеческой глупости, рабом которой и ты периодически являешься.

— Что? — голос Зельборна разлетелся эхом по тоннелю.

— Карта у тебя, — пояснила я. — Какие ещё могут быть причины?!

Карта и пауки. Уж не знаю, как можно быть равнодушным к этим везде снующим тварям. А Зельборну хоть бы что, вот и пусть собирает их дары!

Мне казалось, что стоки встретят нас безмолвием. Тихим переливом капель, да журчаньем вод. Но это оказалось далёким от истины — звуков было множество: отдалённые звуки удара металла об металл, шлепки по воде, хлюпающие и чавкающие звуки, и многое другое. Кажется, я даже уловила приглушённый диалог двух людей

— Так звучит город над нами, — пояснил Зельборн. — Тоннели отлично передают звуки.

Уровень воды вдруг стал понижаться, а своды над головой, вопреки предположениям — расширяться.

— Мне казалось, — тихо обратилась я к идущей впереди фигуре, — что тут воды должно было быть больше.

Зельборн на это лишь пожал плечами.

— Мало кто знает, кто и когда возводил тоннели сточных вод, — ответил он. — Может быть, тут имеются свои секреты.

Определённо имеются. Мы шли дальше. Уровень воды прекратил убывать на уровне колен. Зельборн остановился. Впереди образовалось три чёрных прохода: поворот налево, прямо и поворот направо.

— Классика! — одобрительно проговорил мой некромант.

— Точно! — подтвердила я. — Наш случай!

— Тропа, ведущая налево, сулит по голове палено... — Зельборн начал декларировать отлично знакомые нам с детства строчки.

— Тихо! — прошипела я. — Ты это слышишь?

Он прислушался. Где-то издали доносились неприятные хлюпающие звуки, словно по густой грязи шла стая лошадей. Эти звуки определённо стали ближе.

— Слышу, — тихо произнёс он. — Это город.

— Что-то не верится, — настороженно проговорила я, оглядываясь по сторонам.

Я глянула назад. Выход наружу оставался вдаль, светящейся точкой во тьме.

— О! — голос Зельборна вывел меня из состояния задумчивости над своей нелёгкой судьбой. — Нам направо.

Я достала мел, и начертила на стене стрелку направо. Неодобрительный взгляд Зельборна я оставила без комментария.

— Карта же есть! — нахмурился он.

— Мало ли, что там в твоей карте! — отмахнулась я. — Затеряться и умереть в стоках — это явно не то, чего бы мне хотелось осуществить в ближайшее время!

— Верно, — пожал плечами мой некромант, — Но мы же вместе.

— Это-то и пугает! — развела руками я.

Мы двинулись дальше.

— Твой кошмар, — повторяла я строчку, следуя за узкой спиной моей другой половины, — направо путь. Про надежду позабудь.

— Очень вдохновляющие слова, — заметил Зельборн.

Где-то вдаль опять слышались хлюпающие звуки.

— Зельборн? — спросила я некроманта. — А нам точно нужно это золото?

— А? — он повернулся ко мне.

Его серые глаза смотрели на меня.

— Может просто вернёмся, и откопаем наш сундучок? — спросила я с надеждой. — Помнишь, тот самый, с которым я не хотела расставаться?

— Помню, — кивнул он. — Еле отцепил тебя от него.

Затем он покачал головой и двинулся дальше. Я пошла следом.

— Брось ты, — вдруг сказал он. — Уж и не припомню, когда в последний раз нам доводилось так исхитряться, чтобы оставить город с носом. А такой город, как этот стоит того, чтобы хорошенько постараться!

— Не нравится мне это место, — отозвалась я. — Словно по кладбищу идём.

— Интересно! — задумчиво ответил некромант. — Хотел сказать, что ты права, но это не так! Вокруг почти нет мёртвой живности. Видимо, умирать в сточных водах тут не принято. Сочтём за благую весть для нас.

Приписать последние слова Зельборна к благим вестям я никак не могла. Однако говорить об этом не стала. Что толку?

Некромант снова остановился, освещая перед собой очередную развилку.

— Очень интересно! — проговорил он, почёсывая макушку. — Тут этого нет!

— А я и не удивлена, — отозвалась я. — Более того, я не удивлюсь, если вдруг окажется, что последний час мы бродим по сточным водам в качестве увлекательного времяпрепровождения, и не более того. А твоя карта — это сплошная импровизация по одурачиванию несмышлёных некромантов.

— Прямо пойдём, — буркнул он и двинулся вперёд.

— Прямо, так прямо, — равнодушно проговорила я, начертив на стене соответствующую стрелку.

Окружающий пейзаж никак не менялся, мы шли вперёд, перекидываясь колкостями. Зельборн чаще отвечал на мои замечания, чем сам начинал диалог. Мне же хотелось развеять тревожную тишину вокруг нас и в то же время не слышать всех этих далёких и странных звуков, что доносились до нас из глубин стоков.

На очередной развилке мой некромант снова выбрал путь прямо. Когда наш разговор зашёл о гуманности смертной казни, я оживилась. Мне было, что сказать, а потому персонально для меня время потекло несколько быстрее.

Вдруг Зельборн остановился и замер. Он достал карту и взгляделся в неё.

— Проклятье! — пробормотал он, переводя взгляд со стены на карту. — Это должно быть где-то здесь!

— По крайней мере, — утешала его я, давно уже потеряв всякую надежду на удачный исход нашего путешествия в мир дурных запахов, — мы неплохо провели время.

Я положила руку ему на плечо. Самое главное в такой момент — ни за что не предлагать отправиться назад. Иначе до ночи бродить тут будем. Пусть скажет это непременно сам.

— Давай пройдем ещё, — предложила я, чтобы ускорить процесс нашего возвращения домой. — Может, это чуточку дальше?

Упёртость Зельборна была довольно незамысловатой, и обычно работала, как неправильные весы: неосторожное слово на одной чаше весов могло перевесить любые доводы на другой. Грамотный торговец всегда сумеет этим воспользоваться. Однако чтобы восстановить справедливость в своей душе, я всегда отчитываю свою другую половину за то, что она обладает столь приземлённым качеством характера и взываю к логике и здравому смыслу. И всё без толку.

К моему великому ужасу Зельборн ответил:

— Давай.

Мы побрели дальше, а я проклинала себя за свой слишком длинный язык. А как иначе? Нужно же было дать ему самому понять, что наш план провалился. Просто я хотела сделать это как можно быстрее. В противном случае, есть большая вероятность того, что ближайшие дни можно провести прямо тут.

Мрачные мысли, словно паутина, что мой некромант заботливо снимал на своём пути, стали окутывать меня. Где-то неподалёку капала вода.

— Вижу! — вдруг раздался его взволнованный голос. — Вон там!

Он подбежал к стене и прижался к ней, словно хотел подслушать чей-то разговор.

— Он тут. — Зельборн торжествующе смотрел на меня, взгляд его был затуманен.

Судя по всему, он уже протянул свою призрачную ладонь в сторону мёртвого комара в сундуке.

— Что ты видишь? — спросила я, оживившаяся от неожиданной удачи.

— Ничего не вижу, — пробурчал он в ответ. — Тут темно. Я мог бы выбраться наружу,

но думаю, что нам это ни к чему.

Я обвела Зельборна мелом, чтобы не потерять это место.

— Оставь его там! — согласилась я. — Всё равно мы ещё не готовы.

Зельборн отпрянул от стены, и, улыбаясь, заглянул мне в глаза.

— Пошли домой! — наконец услышала я столь приятные сердцу слова.

Я услышала их, и кое-что ещё. Вода капала с потолка прямо за моей спиной. Я нахмурилась, припоминая, а слышала ли я это раньше.

Вдруг за моей спиной раздалось мерзкое бульканье и глаза некроманта в ужасе расширились.

“Круговая стрелка — вот где пик глумления над моим паникующим разумом!”

— Берегись! — выкрикнул я и кинулся вперёд.

Раздался звук бьющегося стекла, и на пол посыпались осколки.

Одной рукой я оттолкнул Анимару к стене, а другую вскинул в сторону большого чёрного комка грязи, что вдруг вырос за спиной моей колдуньи.

Анимара, словно марионетка, отлетела в сторону и с глухим ударом встретилась со стеной. За этим не последовало проклятий, не было и других восклицаний — она упала вниз совершенно беззвучно.

Ужас запустил ледяные пальцы мне под одежду. Та тварь, что стояла передо мной начала наступать.

Анимара лежала лицом вверх, но, кажется, дышала. И была жива — это-то я знал точно. Однако всего остального я не знал.

Тварь, что ползла в мою сторону походила на жидкую кучу земли. Что-то на подобии глаз тускло сверкали на её вершине, а тело пересекал громадная трещина — которая открывалась и закрывалась, чтобы продемонстрировать наличие острых зубов.

Тварь яростно булькала и, несмотря на свою абсурдность, имела весьма устрашающий вид, а потому я попятился. Что-то вдруг просвистело недалеко от моей головы и приземлилось где-то позади меня. Это какой-то предмет, который едва не угодил мне в голову, сообразил я. А звук стекла — это бутылка ударилась о голову Анимары.

Ярость охватила меня, и я, сжав кулаки, выкрикнул проклятье. Моя рука описала соответствующий жест и существо остановилось. Вершина существа стала вращаться в разные стороны — это был результат ослепления.

Но вскоре свирепое бульканье с новой силой разлетелось по тёмным коридорам стоков, и тварь, остановив на мне свои мутные глаза, ринулась в атаку.

Я снова попятился, вспоминая что-либо подходящее. Вдруг слева от меня что-то пролетело и приземлилось где-то за спиной. Одно удачное попадания, и...

Внезапно мне в голову пришла отличная идея. Ну, может не такая уж и отличная, но оригинальная — это точно. Я кинул в тварь проклятьем, и та снова остановилась. Мой внутренний взор уже нашёл то, что мне поможет.

На этот раз существу хватило куда меньше времени, чтобы оклематься, и он с новой яростью двинулся на меня. Однако вскоре существо снова остановилось. Его мутные глаза, стали ходить из стороны в сторону, а пасть дёргаться, словно у него случился припадок.

Тело мерзкой твари разгрызали мёртвые крысы, которых он сожрал. Я с наслаждением смотрел на плохо отпечатанный, но, скорее всего, имеющий место быть, ужас на морде твари.

Существо стало дёргаться и наклоняться, словно бы вот-вот упадёт. Я вдруг вспомнил об Анимаре и оставил корчащуюся в агонии тварь.

Колдунья лежала там же, её светящаяся палочка блёкло горела рядом. Я бережно приподнял её и осмотрел. На затылке Анимары я обнаружил глубокую рану. Я приложил к ней свои ладони, мои руки тряслись. Я не был хорошим целителем, тем не менее, я

сосредоточился и направил энергию в нужном направлении.

Шли долгие минуты. Мне казалось, что ничего не меняется.

— Очнись! — просил я её, — Очнись! Это ведь всего лишь царапина!

Вопреки моим мольбам, она не приходила в себя.

Вдруг за спиной послышалось знакомое бульканье, а за тем шлепок об воду. Я кинул взгляд через плечо и с ужасом уловил во тьме смутный кругловатый силуэт,двигающийся ко мне. На сводах потолка что-то поблёскивало и двигалось.

Они наступают, пронеслось у меня в голове.

В этот миг во мне проснулся зверь. Может и волк, но скорее заяц. Нечеловеческим рывком я схватил Анимару и перекинул через плечи.

Мои ноги рванули вперёд ещё до того, как я этого пожелал. Слава Богам, твари не были столь проворны, однако их мерзкое бульканье шло по пятам.

Я бежал, освещая стену тусклой палочкой. И когда передо мной образовалась развилка, я чуть не упал. На стене я увидел стрелку, указывающую налево. И стрелку, указывающую прямо. И направо стрелка тоже была. И даже назад.

Не так уж и трудно было бы запомнить нескольких поворотов, но я был так увлечён поисками, что совсем про это забыл. Кажется, прямо.

Ещё пару секунд раздумий, и мерзкая тварь спикировала бы на меня сверху, что было бы равносильно поражению. Остальные существа поравнялись с упавшим сверху. Судя по звукам, они были недовольны, но снова бросились в погоню за мной.

Усталость вдруг накатила на меня, но я бежал дальше. На очередной развилке я осветил почти потухшей палочкой целую кучу разных стрелок. Все они были нарисованы словно бы душевно больным человеком.

Прямо. Ноги, словно бы заодно с тварями позади меня, просили меня остановиться. Я бежал дальше, в ужасе соображая, что я буду делать, когда свет палочки совсем погаснет.

Снова развилка, стрелок на этот раз не было совсем, чему я ни сколько не удивился. Злое бульканье в отдалении дало мне возможность на небольшую передышку. Я прислушался — не ровное дыхание Анимары пугало.

Налево, вспомнил я и кинулся в тёмный коридор. Я прибавил хода, хотя это и стоило мне невероятных усилий. Только бы не упасть, думал я.

Где-то там должен показаться свет. Где-то там выход.

Ужас сковал меня, когда я обнаружил ещё одну развилку. Стрелки на трёх стенах указывали вниз.

Кажется, я заблудился. За спиной доносились приближающиеся звуки тварей.

Вдруг эхо, такое громкое и явственное, донесло мне из тёмных глубин тоннелей яростные звуки такого же характера.

Я был окружён.

Или...

Или звуки, что я услышал, донеслись до меня ото всюду, кроме прохода налево?

Не задумываясь, я свернул налево. Палочка потухла, а с ней и моя надежда на спасение. Я был вымотан, но всё ещё мог поторговаться за свою жизнь.

Может быть, стоило даже остановиться и перевести дух перед своим последним боем?

Я почти согласился с этой мыслью, когда вдруг вдалеке увидел свет. Надежда с новой силой вспыхнула во мне, а всё тело, словно бы извергая проклятье, повиновалось моему стремлению выжить. Я бежал вперёд, не сводя взгляда с увеличивавшегося окна. Мне

казалось, что если я переведу взгляд, выход исчезнет.

Уровень воды стал повышаться, я с трудом преодолевал каждый метр.

Выход был уже близок, свет уже немного проникал внутрь тоннеля. Я вдруг обнаружил, что звуки погони стихли.

По моему мокрому и грязному плащу стекала кровь. Я положил руку на голову Анимаре, и на ходу пытался её исцелять. Это почти ничего не давало, более того, подобные ритуалы необходимо проводить в спокойствии и здравии, чего сейчас у меня совершенно не было.

Не знаю, могу ли я сравнивать свой ужаспотери Анимары с тем, что на мгновение охватил меня следом, но для меня они одинаковы.

Я был совсем близок к выходу, когда остановился, не веря своим глазам. Прутья решётки были на месте. Все, включая последний.

Я нервно отвернулся и закрыл глаза.

Нет, этого не могло быть. Не важно, что было внутри стоков, но снаружи по-другому быть не могло!

— Боги! — взмолился я, — Если вы слышите меня, прошу вас...

Я открыл глаза. Последнего прута не было.

Это не Боги, в последствии решил я. Это мои затуманенные тьмой глаза сыграли со мной злую шутку.

— Благодарю вас, — проговорил я и двинулся к выходу.

Через две минуты я выволок Анимару на сушу и вылез сам. Вокруг было всё так же тихо и безлюдно. Я снова приложил руки к её голове, вслушиваясь в её дыхание.

Кровь уже не текла, но сколько её было потеряно — страшно было вообразить.

Я не мог позволить себе отдыхать, а потому вскоре я вскочил, и погрузив Анимару на плечи, помчался ко входу в Гонкоралл.

“Если ты умрёшь, я тебе это так просто не оставлю!”

На лицах обоих стражников застыло глубокое изумление, которое им полагалось прятать за непроницаемой маской равнодушия.

— Разойдись! — рывкнул я, еле держась на ногах.

К тому моменту силы мои были на исходе, но я знал, что мне нужно проделать ещё не маленький путь.

Может быть, от того, что они видели, как мы выходили, а может быть от того, что мой властный голос, наполненный тревогой и страхом, подействовал на них, но они молча повиновались.

Заходя в узкую дверцу ворот Гонкоралла, я услышал тихую реплику одного из стражника:

— Меня в пятницу так же домой принесли.

Чертыхнувшись про себя, я ускорил шаг.

Разумеется, отнести Анимару к целителям было самым правильным решением. Но в моей памяти отчётливо засела её фраза: “С чем не справишься ты — не справится никто из них”

Она не доверяла целителям и всегда держалась от них в стороне. Даже тогда, когда моя жизнь висела на волоске, она предпочитала действовать самостоятельно, нежели довериться им. Но то была Анимара — травница и колдунья, сведущая в тонком деле восстановления. А кто я? Я был скорее её противоположностью. Я мог забрать жизненные силы, мог воззвать к мёртвой плоти, но целительство — не моя стезя.

Тем не менее, мои уставшие ноги уже несли меня к нашему дому. Там, в спокойствии и тишине я смогу ей помочь. Я справлюсь. Я должен!

Сомневаться в этом было не время. Не время было и для эмоций, они сильно мешали, а потому я отключил их на неопределённый срок. Когда настанет час, они отыграются на мне в полной силе, но сейчас...

Люди смотрели на меня, словно бы я был призраком. Наверное, отчасти так и было. Один призрак тащит на себя другого призрака. Моё вечно бледное лицо настораживало их, тех, кто был со мной мало знаком.

Вот и наш дом. Я аккуратно снял Анимару со своих плеч и приложил к стене. Ключ лежал там, где ему и полагалось лежать.

Дверь отворилась и я втащил колдунью в дом. Уложив на свою кровать еле дышащее тело, я стал её быстро осматривать.

Она была бледной. Рана на голове вызывала тревогу, и вскоре я обнаружил ещё одну, на спине. Та проходила поперёк, но была не сильно глубокой.

Анимара тихо дышала, как будто из последних сил. Я выбежал в её комнату, осмотрелся. На полках было много трав, но которые из них могли помочь, знала только она сама. Кое-какие травы были мне известны, но в распутывании множества узелков для поиска нужных, я мог провести хоть целую ночь. Да и что потом? Их ведь надо ещё смешать и приготовить особым способом, о котором, конечно же, я не знал.

Схватив стакан, я наполнил его компотом, а затем быстро вернулся обратно.

Поставив стакан на тумбу, я сосредоточился. Вложив все свои знания и энергию в свои руки, я приложил их к её голове. Энергия потекла к ней, однако эффекта не наблюдалось.

— Не так быстро, — нервно проговорил я, — Это поможет, но не так быстро.

Маска решительности и сосредоточенности стала рушиться. Моя энергия не приносила результата.

— Чёрт побери! — выругался я, — Это ведь всего лишь царапина, Анимара! Просыпайся!

Я ничего не понимал. Да, это был довольно сильный удар сзади, да ещё и в затылок, но от этого ведь не умирают! А если умирают — то сразу!

Я попытался разбудить её, но она не реагировала.

Я снова приложил руки к её голове, заглушая нарастающую панику. Целительный поток энергии стал лениво переплывать от меня к Анимаре, Текли долгие минуты, но ничего не менялось.

Мне вдруг стало казаться, что дыхание Анимары слабеет. Но не это было самым страшным.

Самым страшным было то, что я видел. Я смотрел на неё и осознавал, что в моём видении мёртвых существ, пелена смерти начала окутывать тело моей другой половины.

— Нет! — заорал я алой дымке, — Не смей!

Я упал на колени рядом с колдуньей и схватил её холодную руку.

— Не смей покидать меня! — слёзы вдруг покатались по моему лицу.

Я вдруг осознал пугающую истину моего положения: я больше ничем не мог ей помочь. Ничем!

Мои слёзы падали на наши сцепленные руки. Ком в моём горле мешал мне дышать, но я не обращал на это никакого внимания. Я смотрел на покидающий меня мой мир, и ничем не мог помочь.

Кроме...

Нет. Это была пустая затея, не стоило об этом и думать. С другой стороны, терять уже было нечего.

В один миг я сосредоточился и обратился к тонкому астральному миру. Мои руки крепко держали холодную ладонь Анимары, я продолжал изливать целительные потоки в потухающее тело колдуньи.

Следом потекли долгие минуты, а я сидел и подавлял панику, бившую внутри меня звонким колоколом. Я ждал.

— Прощу вас! — молил я почти пустое пространство.

Образы появлялись и исчезали, как будто лишь для того, чтобы удовлетворить своё любопытство.

— Помогите же мне! — нить с тем миром почти оборвалась, когда я закричал.

И вдруг яркий образ возник перед нашей кроватью. Взгляд синих глаз упал на меня, а затем на Анимару. Это была та самая женщина, что сияла в пространстве тонкого мира в прошлый раз.

— Обычно, — спокойно сказала она, — я не вмешиваюсь. Но вы, ребята, такие забавные.

И она приложила свою искрящуюся ладонь на мою руку.

Я едва не отлетел в сторону от захлестнувшей меня энергии. Порыв такой силы мог

вышибить дверь, сломать дерево, смести с дороги целый дом.

Вдруг Анимара выгнулась, её резкий судорожный вздох наполнил комнату.

Светящийся образ элегантной девушки отвёл ладонь в белой перчатке от моей руки. Она улыбнулась Анимаре, кинула на меня умиротворённый взгляд и вдруг пропала.

Я ощутил потерю связи с тонким миром. Анимара дышала теперь ровно, но глаза её были по-прежнему закрыты.

Я погладил её по голове, переводя дух.

Что это было?

— Жёлтый платок, — вдруг раздался голос моей колдуньи.

От неожиданности я вздрогнул.

— Что? — осторожно переспросил я.

Один глаза Анимары открылся и укоризненно воззрился на меня.

— Что-что! — слабым голосом передразнила она. — Жёлтый платок неси!

Я вскочил на ноги и побежал за платком. Осмотрев полку с травами, я ничего не нашёл. Тут было много разных узлов, но жёлтого...

— На третьей полке, — раздался сдержанный голос из комнаты. — Справа.

И правда, на третьей полке справа лежал яркий платочек, завязанный в узелок. Я схватил его и быстро вернулся обратно.

— Боги, — оба глаза Анимары теперь были открыты, и оба смотрели на меня укоризненно, — ты там, видимо, отобедать успел?

— Только суп, — нервно отозвался я, протягивая платок, а следом и стакан живительного компота. — Ты как?

— Ничего, — отозвалась она, затем пробормотала в узелок пару слов, смочила его в компоте и легла на него головой. — Бывало и хуже.

В этот раз я не смог согласиться с ней. Черта жизни и смерти, рядом с которой она оказалась в этот раз, никогда ещё не была так близка. Я почти уверен, что Анимара даже переступила через неё. Вероятно, только удача в этот раз спасла ей жизнь.

Я взял её за руку, будто бы не веря, что она и правда жива. Рука была снова тёплая и нежная. Я нежно поцеловал её.

— Боги, — послышался её голос. — Сегодня какой-то праздник что-ли?

И тут моя маска сдержанной уверенности, что до сих пор была на мне, исчезла. Я зарыдал, словно бы сидел не рядом с живой Анимарой, а около холодного трупа.

Анимара тут же привстала и заключила меня в объятия.

— Ну-ну! — проговорила она. — Что-то ты сегодня не в меру впечатлительный. Но раз уж так надо, то я только за.

Она крепче сжала меня, и это был добрый знак. Раз уж она смогла себе позволить такую силу, значит умирать явно не собиралась.

— Я многое пропустила, — тоном деловой женщины проговорила она дальше. — Так что поведай мне обо всём, да в деталях.

И немного успокоившись, я рассказал ей всё, что со мной произошло после того, как мы нашли стену, за которой находилась казна Гонкоралла.

“Ага, умирала, как же!  
Бегу со всех ног и в гроб прыгаю!”

Боги, насколько же я была зла. Зельборн рассказывал мне свои невероятные перемещения по стокам Гонкоралла со мной в охапку, а я недоумевала, как вообще до такого могло дойти.

Мы сидели у стола, и пили мой целебный компот. Зельборн сидел насупившись, потому что его указ не покидать кровать я проигнорировала. А что? Если я уже почувствовала себя лучше, могу я, в конце концов, сварить целительный компот? Такое дело доверять абы кому — дело неблагодарное...

— То есть, — в очередной раз деликатно перебила я его. — Ты убегал от слизней? Да ещё и со мной на плечах?

— Да, — рассеянно ответил Зельборн. — Но это были не слизни! Это твари были похожи надвигающиеся комья земли! Или вроде того.

— Понятно, — закивала я в ответ, в очередной раз сжав губы.

После того, как он описал мне все детали этих существ, сомнений не осталось — это были именно слизни, что иногда встречаются в подземельях, стоках, и других тёмных закоулках. Никто точно не знает природу их возникновения, но назвать экзотикой любую разновидность этих вредителей язык не поворачивается.

— Но ведь всё, что тебе нужно было сделать, — ругала я свою другую половину, — это использовать яркий свет!

— Света почти не было! — Зельборн ударил кулаком по столу.

Кружка подпрыгнула и звякнула. Я горестно покачала головой.

— Ты мог использовать призрачный свет! — возмутилась я. — Или какой там, у вас, некромантов, принято?

— Об этом я не подумал, — чесал голову он. — Правда и думать-то времени не было.

— Ничего-ничего, — проговорила я. — Вот переедем в другой город, я возьмусь за тебя! Всерьёз возьмусь, Зельборн! Будешь у меня и свет уметь вызывать любой окраски, яркости и величины. И исцелять, не хуже прикосновения Богов. И травы мои все наизусть знать будешь!

Зельборн вдруг вытаращил глаза. Кружка с компотом так и застыла у его губ.

— Брось ты, — нахмурилась я. — Я не богохульствую, а всего лишь очерчиваю свои стремления. И Богам это хорошо известно. Моя дерзость никогда не выходит за рамки разумных границ.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнёс он. — Что ты всё ещё собираешься уехать в другой город?

— Разумеется! — отозвалась я.

— Но ведь мы откажемся от этого плана, правда? — он внимательно смотрел на меня, словно собака, ожидавшая, когда ей бросят косточку.

— С чего это вдруг? — возмутилась я, хотя прекрасно знала причину.

— Ты была почти мертва! — вскричал Зельборн, немного компота выплеснулось из его кружки, но он этого даже не заметил.

— Это лишь от того, — спокойно заметила я, — что не все из нас знают, что делать в таких случаях.

Я многозначительно посмотрела на него.

— Я туда больше не полезу, — фыркнул он.

— Значит, — вздохнула я, — снаружи постоишь, будешь охранять...

Я вдруг кое-что вспомнила, и впилась глазами в Зельборна. Тот даже отшатнулся от неожиданности.

— Корзинка, Зельборн! — пояснила я. — Ты ведь прихватил мою любимую корзинку?!

— Н...нет, — почти с ужасом проговорил он, но вскоре словно бы опомнился. — Какая, в пропасть, корзинка, Анимара?! Мне было не до неё! Ты! Почти! Умерла!

Я глубоко вздохнула.

— Тебе, конечно, хочется в это верить, — ответила я. — Но смерть от меня была очень и очень далеко. О, какая славная и тихая жизнь могла бы случиться с тобой, если бы я действительно умерла.

— Я видел, как ты умираешь! — с жаром возразил он. — И прекрати болтать чепуху!

В этот раз он и правда был перепуган, иначе наши уже традиционные шуточки про вдовью свободу, или счастье вдовца он бы оценил.

— Уж не знаю, что ты там видел, — ответила я. — Но, стало быть, ты ещё очень плохо знаешь мою колдовскую натуру.

Зельборн лишь качал головой в знак не согласия.

— Я и правда была без сознания, — объяснила я. — Если бы ты больше читал, то знал бы, что яд слизня может ввести в состояние глубокого сна. Именно это со мной и произошло.

— Но... — Зельборн не знал, что возразить.

Скорее всего, у него было масса вариантов, и он просто не мог выбрать подходящий.

— Глубокий сон оздоровил бы меня ничуть не хуже исцеляющей энергии, — продолжала я. — Иногда ведьмы и правда блуждают вдоль черты, за которой нет возврата, но лишь затем, чтобы воскреснуть.

— Тогда зачем она это сделала? — спросил он, подразумевая образ светящейся девушки в астральном мире.

— Может быть, — предположила я, — ради тебя.

— Бред, — подытожил Зельборн. — Ты потеряла много крови, и была на волосок от смерти!

— Кровь для нас с тобой не так уж и важна, — заметила я, — Куда важнее сила духа и воля. Ты и сам это знаешь.

Он знал и тоже верил в это. Всё это я могла бы ему не рассказывать, однако я не хотела иметь никаких секретов от него. Напротив, всё, что я хотела, это чтобы он знал, как дела, столь волнующие нас обоих, протекают на самом деле. А потешить свои эмоции можно было и другими способами.

— Главное, — примирительно сказала я, — что мы знаем, где находится казна.

— Что толку? — недовольно отозвался Зельборн, — когда по тоннелям бродят стаи таких опасных тварей? Да к тому же тоннели эти явно не чисты на руку.

— В следующий раз, когда мы отправимся туда, Зельборн, — пообещала я, — Я покажу тебе, кто настоящий хозяин стоков! А заодно тебе дам побыть им.

— О, Боги! — он закрыл лицо руками.

— А что до тоннелей, — продолжила я, — Тут ты прав. Но и это не такая проблема, если знать ключ к её решению.

— А ты, стало быть, знаешь? — один его глаз показался между пальцами.

— Ну конечно, — улыбнулась я.

Зельборн нервно забарабанил пальцами по столу.

— Вот скажи мне, — Зельборн нарушил молчание. — Откуда в тебе столько оптимизма? Что-то я не припомню, чтобы внутри тоннелей ты настолько светила уверенность.

— Опыт, Зельборн, опыт, — ответила я. — До этого я не знала, что нас ожидает в стоках, а потому некоторые опасения за нашу жизнь у меня были. Не то чтобы теперь я совершенно спокойна, нет. Просто раз уж эти твари смогли выжить в стоках, значит ничего опаснее их там, скорее всего, нет.

— Логично, — подтвердил Зельборн. — Но ведь это не обязательно так.

— Верно, — согласилась я. — Однако, нам нет необходимости знакомиться со всеми, кто там обитает. Самое сердце стоков лучше оставить безумцам.

В животе Зельборна заурчало, на что он мгновенно отреагировал:

— Кажется, мы пропустили обед! Я что-нибудь приготовлю.

— Только не курицу! — в ужасе выкрикнула я.

Голова моя вдруг закружилась, тело бросило в жар. Ощипанная курица, что уже не первый день лежала в погребе, скорее всего, в еду уже не годилась. Но это было не самым страшным. Проблема в том, что готовить Зельборн так и не научился, и мне в особых случаях приходится быть жертвой его кулинарных поисков.

Он поднял правую бровь, словно бы и понятия не имел о своих дурных талантах.

— Ты можешь поживиться вчерашним мясом, — пояснила я, указывая на печь, где стоял котёл с едой. — Тебе хватит, а я воздержусь до завтра.

Он пожал плечами, в знак согласия, а я побрела в постель. Зельборн проводил меня, не переставая бубнить, что я вообще не должна была выбираться из-под одеяла.

— Значит, — я улеглась и бросила внимательный взгляд на Зельборна, — ты сильно переживал за меня?

— Переживал, — нехотя подтвердил он.

— Страдал? — скрывая воодушевленье, допытывалась я.

— Конечно! — нахмурился он.

— Боялся, что я умру? — уточнила я.

— Ещё бы! — согласился Зельборн. — В одиночку завладеть казной было бы почти не реально.

Я рассерженно отвернулась. Мы с Зельборном всегда играем в эти игры, но порой это бывает так ни к стати.

— Если ты думаешь, — проговорила я, — что колдунью можно так просто убить, то ты ничуть не умнее, чем любой из жителей этого города. Даром, что тебе столько лет!

Меня вдруг охватила волна воспоминаний. Вспомнились вдруг те годы, проведённые в других городах, когда мы были моложе и, чего уж греха таить, наивнее и глупее. Воспоминанья смыли остатки негодования, и я повернулась обратно.

— А помнишь, — мечтательно сказала я, глядя некроманту в лицо, — как мы гуляли по улицам.

Лицо Зельборна изменилось, разгладилось. В задумчивости он отвёл взгляд.

Ностальгическая улыбка появилась на его лице.

— В любую погоду, — ответил он, — мы ходили по улицам, словно парочка влюблённых. Строили планы, мечтали, и опустошали сундуки городов.

— Ах, Зельборн! — воскликнула я от переизбытка чувств. — Давай хотя бы на день забудем обо всём, и прогуляемся вновь, как раньше?

— Я и сам хотел тебе это предложить! — ответил он. — Если ты будешь чувствовать себя лучше, то завтра же мы отправляемся на прогулку!

— Я уже! — улыбнулась я. — То есть, я буду поправляться со всей силы!

— Я люблю тебя, — проговорил он, — Как и раньше.

— А я тебя, — ответила я.

Целебный сон, в котором я так нуждалась, наконец, был совсем рядом. Я попросила некроманта выпроводить любого, кто бы заявился за моей помощью.

— Если же нужна срочная помощь, — наставляла я его, — тогда можешь меня разбудить. Но горе вам обоим, если я не сочту, что основания для этого были не достаточны!

И я провалилась в глубокий сон, со сладостным чувством, что завтра меня ожидает нечто действительно восхитительное.

“Зельборн, а не хочешь ли и ты  
взять пару уроков у высшего общества?”

За весь вечер, что Зельборн просидел на страже моего спокойствия никто так и не заявлялся в наш дом. На самом деле мне известно, что мой некромант опять погрузился в тонкий мир для общения со своими скверными на язык духами. Целебные травы, изготовленные моей рукой, в сочетании со здоровым сном просто не могли не оказать меня благоприятного воздействия — проснувшись утром, я чувствовала себя великолепно. Однако главный секрет моего скорейшего выздоровления была запланированная романтическая прогулка по городу. Городу, который мы скоро оставим позади. Запах чего-то подгорелого, стоявший в доме, заставил меня насторожиться.

— Завтрак в постель! — Зельборн вдруг ворвался в комнату, чем привёл меня в неописуемый восторг и ужас одновременно.

Восторг потому, что мой порыв сделать сегодняшний день сказочным не остался без внимания. Было приятно осознать, что мой некромант подхватил романтическое настроение и задал верный вектор направления этого дня.

Ужас потому, что страшно было вообразить, чем грозит сегодняшнее блюдо для моего желудка и здоровья в целом.

Зельборн пожил на край кровати жёлтый поднос, который идеально ровно закрывала крышка от котла. Каждый раз, когда я вижу эту идиллию совместимости, меня передёргивает. Я пол года искала по всему городу подходящий поднос, а когда, наконец, нашла, так оказалось, что в собственном доме он не в безопасности. Несколько раз Зельборн серьёзно рисковал жизнью, когда чуть не расколотил его. Я тогда ему так и сказала:

— Расколотишь поднос, я расколочу тебя!

Не слишком утончённо и женственно, зато доходчиво.

С улыбкой на лице, он открыл крышку.

— Блинчики! — заорала я и тут же усомнилась. — Блинчики?

— Блинчики, — подтвердил он. — Со сметанкой!

И он вышел из комнаты, но лишь для того, чтобы принести сметану, да пару кружек компота — себе и мне.

Как оказалось, он узнал рецепт этого нехитрого лакомства и ждал подходящего момента, чтобы продемонстрировать мне свои незаурядные способности как ухаживать, так и поварские. На удивление, это было более, чем съедобно.

А секрет недурной стряпни Зельборна заключался в том, что моя порция блинов была третьей. Первую и вторую он оставил для себя, и теперь принёс две тарелки с угольками, да особо неприглядными блинами, и тоже принялся есть.

Мы завтракали и болтали. Солнце за окном уже поднялось, погода обещала дать нам спокойный и светлый день. Моё самочувствие, равно как и моё настроение, было на высоте.

Мы как раз начали собираться на запланированную прогулку, когда в дверь деликатно постучали.

Почему деликатно? Ещё не хватало мне описывать звуки стука в дверь! Но всё же, я попробую...

Это был достаточно громкий стук. Достаточный, чтобы его услышать, но не достаточный, чтобы он смог меня взбесить. Всего два сдержанных стука, на один меньше, чем принято при не срочных делах, а значит, тут крылось нечто деликатное. По крайней мере, так мне сообщал мой внутренний голос.

Без особых промедлений я отворила дверь. На пороге стоял гладко выбритый, аккуратный мужчина во фраке. Коричневые волосы были зачёсаны назад, лицо изображало холодную вежливость. Впрочем, при виде меня, холод из его карих глаз пропал, что было подкреплено улыбкой на губах. Порыв ветра вдруг принёс мне сладостный аромат копчёного мяса и другого, тяжёлого стороннего запаха. Запаха моря, надо полагать.

— Моё почтение! — проговорил он, — Как вы смотрите на то, чтобы я стал вашим проводником в мир кулинарных изысков?

— Чего? — я раскрыла рот от изумления.

Я всё сразу поняла, однако, это было сложно уместить в голове в такой короткий срок.

— Если бы вы были благосклонны ко мне, — продолжил говорить гость, — то уделите бы мне несколько минут своего времени.

За моей спиной вдруг раздался хохот. Заливистый такой, задорный. Я бы тоже рассмеялась, если бы не была в столь шокированном состоянии. В руках довольно внушительного гостя был поднос.

— Проходи, — рассеянно пробормотала я.

Походкой человека, осознающий свою важность, он вплыл в дом и направился к столу. Тяжёлый шлейф еды и моря потянулся за ним следом.

— Я рад приветствовать и вас, — с завидной невозмутимостью проговорил он, склонив голову и послав благосклонный кивок в сторону корчившегося от смеха Зельборна.

— И я, — задыхался некромант. — Приветствую!

— Винрант! — позвала я могучую фигуру во фраке у нашего стола. — Это что, ты?

— Да, госпожа, — мягко отозвался тот. — Это я. И сегодня я принёс вам очередное угощение, которое, как я надеюсь, придёт к вам по вкусу.

При упоминании о еде, Зельборн перестал смеяться.

— Но ведь это же не ты! — возразила я.

Он прямо-таки просиял.

— Я внял вашим рекомендациям и решил взять несколько уроков у высшего общества, — ответил он. — Спешу сообщить, что не намерен останавливаться на достигнутом.

— Дай-ка я посмотрю на тебя хорошенько! — улыбнулась я и подошла к нему. — Я потрясена, Винрант, положительно потрясена!

Честно сказать, моё потрясение покинуло меня столь же внезапно, как и пришло. Однако чтобы зафиксировать невероятные результаты Винранта, я сверкала удивлёнными глазами в три раза сильнее, чем этого хотела.

— Ваш сегодняшний обед, — рука повара скользнула на крышку и подняла её. — Копчёная свинина с моим фирменным соусом!

Дом наполнился великолепным ароматом, что отразилось на моём лице в виде умиротворения. Ноздри Зельборна охотно пробовали на вкус тонкий аромат работы повара.

— Приятного аппетита! — проговорил он и направился к выходу. — А за подносом я зайду на досуге.

— Винрант! — позвала я его. — Скажи мне одну вещь.

— Я весь во внимании, госпожа! — обернулся он.

Я не знала, как ещё ему сообщить о том, что ему не следует тратить на нас свои силы. О том, чтобы продемонстрировать ему свой гнев речи не стояло — слишком уж жалко было такого-то добряка, пусть и по неволе. И если мои слова остались не услышанными, то стоило попробовать зайти с другого конца.

— Ты ведь, кажется, холост? — уточнила я.

— Да, госпожа, — он кивнул. — Правда, это не на долго.

— А вот тут по-подробнее! — потребовала я.

И он объяснил, что с недавних пор в его жизни появились поклонницы, и их оказалось даже слишком много. Самое примечательное, что он понятия не имел, отчего вдруг возымел столь высокую популярность у женского пола.

— Вот как? — удивилась я, — В таком случае тебе стоит вести себя чуточку смелее.

Я пожелала ему удачи, и он ушёл. Стало быть, вскоре он обзаведётся женой и времени на нас у него совсем не будет, чего так страстно и желала моя совесть.

Решив оставить принесённое Винрантом блюдо на потом, и одевшись в свои лучшие наряды, мы вышли из дома в приподнятом настроении.

Выйдя из дома, мы направились к центру города. Я выбрал из своего гардероба коричневый плащ и чёрные штаны, а Анимара облачилась в её любимое платье, щедро усеянное цветами. Город уже проснулся, от осенней утренней прохлады не осталось и следа.

Мы медленно шли вдоль улицы Звонкой монеты, держась за руки, словно парочка влюблённых.

Поначалу Анимара, словно маятник, то и дело кивала головой в ответ на приветствия проходящих мимо людей. Оказалось, её знают слишком многие. Но вскоре, к моему ужасу, со мной тоже начали здороваться, а некоторые, особо смелые, лезли жать мне руку.

— Зачем они это делают? — спрашивал я Анимару. — Они ведь нас и знать не хотят, а всё лезут.

— Боятся, — коротко ответила она.

— Было бы куда лучше, — продолжил я, — если бы они и мы сделали вид, что не знаем друг друга. Неужели это так сложно?

Она согласилась.

Не сложно было заметить, что большинство людей всё же стремилось обходить нас стороной. К примеру, знал ли тот лысый толстяк, что провожал нас недоверчивым взглядом, или же просто имел множество слухов о нашем житье, было не важно. Его глаза красноречиво говорили о его мнении о таких, как мы. И так думал не он один. Увы, так думало большинство. Мы с Анимарой много раз пытались поверить в то, что люди могут принять нас теми, кто мы есть. Но каждый раз горечь разочарования рано или поздно настигала нас вновь и вновь.

— А помнишь, Зельборн, — мечтательно заговорила Анимара, перестав отвечать на приветствия, — как мы открывали свою лавку сувениров?

Она сжала мою руку, я ответил тем же.

— Помню, — ответил я, — до сих пор жалею, что пришлось всё бросить и сорваться.

Запахло пирожками. Оглядевшись, мы заметили небольшую лавку выпечки. Набрал побольше разных вкусов, мы двинулись дальше.

Нельзя сказать, что обдумывание преодоления стены в стоках не висело над нами даже тогда, когда мы решили отложить всё это. Анимара уверила меня, что найдёт способ пробраться внутрь, но для этого ей потребуется время. Время, которого у нас почти не осталось. А потому наша прогулка была посвящена не только нам, но и городу.

— Я буду скучать по этому месту, — словно бы читая мои мысли, проговорила Анимара.

— Ты что, — возмутился я, — жуёшь и говоришь?!

Она замотала головой, но рот её был определённо полон. Я погрозил ей пальцем.

— Возможно, — согласился я, — что это лучший город из всех, что нам доводилось видеть.

— Он очень древний, — снова послышался сдавленный голос моей колдуньи.

Она закашляла. Я пару раз хлопнул её по спине, слёзы выступили на её глазах.

— Помрёшь, — пояснил я, — я тут же тебя подниму. Угадай, кому тогда ты будешь подчиняться до конца своих дней?

Она фыркнула.

— Даже в таком виде тебе со мной не совладать! — со знанием дела ответила Анимара.

Запахи Гонкоралла столь же замысловаты и сложно поддающиеся логике, как и сам Гонкоралл. Иной раз, пройдя всего один дом можно ощутить целую палитру оттенков лошадей, рыбы, тухлого мяса, картошки, пота, и Боги знают, чего ещё. Свежий воздух в здешних улицах бывает лишь в виде намёка. Самое скверное же, когда тяжёлые и приятные запахи смешиваются с лёгкими и не приятными. Или наоборот. Кстати, в Гонкоралле есть целая улица для настоящих гурманов в этой области. Её так и называли: улица Дурных запахов. Сам я там не бывал, но ни раз слышал, как её в красках описывали из третьих уст. Истоит ли упоминать об эпитетах, что обычно произносятся в адрес этой улицы?

Тем временем, мы брели по центру Гонкоралла, вокруг кипела жизнь. Слишком много жизни. Ни мне, ни Анимаре не нравилась суэта, а то, что творилось тут, было сущим кошмаром для нас обоих.

Голоса сливались в один общий гвалт, повсюду сновали разношёрстные жители города. Большинство лиц, что я видел, были озабочены повседневными проблемами и лишь у нетрезвых оборванцев можно было поучиться безмятежности и спокойствию.

Вероятно, у этих людей было много дел. Все они куда-то спешили, очень не многие могли позволить себе неспешную прогулку в середине дня. Тем не менее, среди нескончаемых голосов можно всегда выделить особо звонкие. Правильно говорят: молчаливых торговцев не бывает.

Если остановиться и просто послушать — можно услышать много чего интересного.

— Безделушки, игрушки, ватрушки! — задорно кричал один лавочник.

— Хоть с ватрушкой, хоть без — заходи, присядь и отдохни! — раздавалось тут же, — Стулья и табуретки для любого кармана!

— Табуретками сам пользуйся! — кричит озорной женский голос с другой стороны, — Сидеть — так в удобном кресле! Заходите и убедитесь!

— Замки, замки! — раздаётся ещё один грубый мужской голос. — Стул купил — на замок закрыл!

— Отмычки, отмычки! — хриплый голос, который не должен был никто услышать. — Для особых нужд...

Мы брели вдоль шумного города, восхищаясь чудной погодой. Забредя в одну лавку деревянных сувениров, нам приглянулся один крошечный домик, так похожий на наше нынешнее жилище.

— Он будет нам напоминанием! — обрадовалась Анимара.

Сегодня был не тот день, чтобы беспокоиться о лишних тратах. Но главное даже не в этом. Когда глаза Анимры так блестят, могу ли я протестовать?

А домик и правда был славный. Чёрная двускатная крыша, красные стены. Были даже окна и двери. Более того, они отрывались!

Мастер, весь седой, с большими мозолистыми руками и фартуком уступил нам его за две трети цены.

— Этот дом долго ждал вас, — говорил он, радушно улыбаясь, — влюблённых голубков. Дом — это символ гармонии и процветания семьи.

Анимара забрала домик и всю дорогу несла его, иногда вынимая из кармана и восхищаясь его изяществом.

Потом мы забрели ещё в несколько лавок. Правда, нигде больше ничего покупать не стали — ничего нам не приглянулось сильнее, чем домик мастера.

В одной лавке торговали фруктовым молоком с печеньем и мы не смогли устоять от искушения подкрепиться.

Наконец, когда усталость начал брать верх, мы двинулись к дому.

— Хороший сегодня день, — говорил я Анимаре.

— Превосходный! — отозвалась она. — А между тем, за нами кто-то следит.

Страх. Нет не страх. Возмущение и негодование тут же охватили меня, но я не подал виду.

— Где? — тихо спросил я.

— Сзади слева, первый поворот за угол, — уточнила Анимара.

Я вскинул руки и обнял её, да рывком оторвал от земли и стал кружить, выкрикивая, как я её люблю.

Она довольно правдоподобно смеялась. Впрочем, в тот миг в притворстве её упрекнуть было никак нельзя.

Я же старался мельком увидеть того, кто нас преследует.

Это был силуэт мужчины средних лет, одетый в коричневую рубашу, и серые мешковатые штаны. Густая чёрная борода, копна чёрных волос, рост средний. Большого, пожалуй, сказать было нельзя.

Я уже начал было подумывать о контрразведки, но Анимара высказала довольно логичное предположение:

— Это доносчик Нентрикса. Нам нет до него дела, пока мы не делаем ничего дурного.

— Твоя правда! — согласился я. — А всё же было бы хорошо разузнать о нём побольше.

— Какое тебе дело до мелких пешек? — отмахнулась она.

Я пожал плечами. Сегодня логика Анимары била меня наповал.

У самого дома я обернулся, чтобы определить, проводил ли нас шпион до конца, или выдержки не хватило. Как я не вглядывался в темнеющую даль, никого видно не было.

— Совесть ты там свою что ли ищешь? — спросила Анимара. — Зайди уже в дом.

— Кажется, — ответил я, — прихвостень Нентрикса отстал.

— Отстал, отстал, — подтвердила она. — Ещё на пол пути провалился, словно в бездну!

— Ишь какая наблюдательная! — подивился я.

Анимара вместо ответа лишь закатила глаза, а потом почти волоком втащила меня в дом.

Наступил глубокий вечер. Нас ждал остывший, но всё ещё аппетитный обед от Винранта. За кружкой компота мы обдумывали варианты хищения сундука Гонкоралла. Ну, как обдумывали. Анимара листала книгу, изучая части некоторых заклятий, а я устроил настоящее побоище между двумя отрядами комаров и мух. У каждого отряда был особый предводитель. У комаров — красная бабочка, у мух — большекрылый мотылёк. Вопреки ожиданиям, мухи побеждали. Их массивные тела просто давили тощих комаров, а те не могли с этим ничего поделать.

Вдруг в дверь постучали. Мы молча переглянулись. Опять кто-то явился в столь поздний час. Анимара негодуяюще захлопнула книгу, который раз призывая бездну.

— Видят Боги, — выкрикнула она ворчащим голосом, — в недобрый час меня тревожат!

И с этими словами она распахнула дверь.

— Ого! — воскликнул я, когда увидел кто именно стоял на пороге.

Гость, что явился в столь поздний час стоял на коленях. По глазам его текли слёзы. Взгляд жалобных, синих глаз умоляюще смотрели на застывшую в изумлении Анимару.

— Да уж, — рассеянно пробормотала она. — Сегодня день сюрпризов.

Руками гость обхватил себя, словно бы пытаясь удержать.

— Зайди в дом! — командным тоном распорядилась Анимара.

Тот повиновался, но нехотя. Поднявшись с колен, он прошёл в дом и затворил за собой дверь. А затем снова упал на колени. Пол дрогнул, доски застонали от невиданного нахальства.

— А ну-ка встань! — сердитый голос Анимары заставил вздрогнуть даже меня. — Тут тебе не храм!

Гость быстро вскочил на ноги и прямо-таки не знал теперь куда себя деть.

— Вон туда садись, — Анимара указала на стул для посетителей, который, впрочем, гостю был ни к чему.

Он прошёл и уселся, боязливо озираясь по сторонам.

Это был тот самый человек, что сегодня за нами следил. Вот уж удача, что он сам к нам явился!

К его описанию особо добавить было нечего, кроме того, что это был мужчина в годах, но ещё не старик. Одет был в поношенную, но чистую одежду. Лицо было в морщинах, зубов явно не доставало.

— Я знаю, кто ты такой! — властным тоном отметила Анимара. — И я догадываюсь, почему ты здесь.

Обе этих фразы ни имели ничего общего с действительностью, однако, путём проб и ошибок, мы с Анимарой узнали, что в некоторых случаях подобные речи сильно помогают скоротать время, а то и вовсе мгновенно расставить всё на свои места. Нужно обладать не малой силой воли и отвагой, чтобы под напором авторитета колдуньи и нашего особого кресла не вывалить о себе всю информацию. А подчас, нам только того и нужно.

— Я готов искупить! — горячо закивал гость, его чёрная борода заколыхалась в такт его движениям.

— Ты мне сначала объясни, — подхватила грозно Анимара, — с какой стати я вообще должна тебя прощать?!

Гость побледнел, и только по некоторым морщинкам на лице моей колдуньи я мог точно сказать — она и понятия не имела, что могла бы простить этому человеку. Впрочем, при её жизненной позиции, что именно нужно прощать, обнаружить было не сложно. У каждого есть свои грехи, если на то пошло.

— О, прошу вас, — он был снова готов упасть на колени, но ледяной взгляд Анимары предостерёг его от этого. — Я так страдал, так страдал!

— Вот тут поподробнее, — смягчилась она.

— С той самой минуты, — быстро заговорил он, — когда вас увели, а его унесли...

Гость указал на меня пальцем.

— Я и по сей день страдаю, — продолжил он. — Я знал, что мне стоило бы сразу явиться к вам и сознаться во всём, но я никак не мог понять, отчего это я стал виновником ваших бед!

— Продолжай, — по лицу Анимары вдруг пробежалось изумление.

— Я спрашивал себя вновь и вновь, — горестно проговорил гость. — Отчего я повинен в этом. И теперь я больше не могу молчать, правда рвётся наружу, её не удержать никаким здравым смыслом!

Мы застыли в ожидании заключения. Разве не знали мы, что он скажет?

— В том, что вас посадили за решётку, — страдальчески проговорил он, смахивая

слезу, — виновен я.

— Очень интересно, — раздался голос Анимары, и я заметил, как она спохватилась, чтобы не сказать ничего лишнего. — Виноват ты, а попало нам.

— Увы! — воскликнул гость, — Но я готов искупить, готов исправить причинённый ущерб.

— Ну, вот что, — Анимара смерила его холодным взглядом. — На сегодня ты свободен. А если что понадобится, я дам знать.

И она погнала его к двери, гость отчаянно сопротивлялся.

— Но когда и как я могу вам быть полезен?! — не унимался гость, — и как я смогу позволить себе...

— Довольно! — гаркнула колдунья на гостя, стоящего в дверях. — Как твоё имя?

— Меня зовут Фолин, — на минуту гость овладел собой, его черты лица сгладились. — Я живу на улице Подковы неудачи. Правда идиотское название?

— Правда, — согласилась Анимара.

— Меня там все знают! — продолжил он с воодушевлением. — Я владею несколькими каретами и иногда вожу кое-какие товары в другие города.

— Вот как? — удивлённо воззрилась на Фолина моя колдунья.

— Да, да! — подтвердил он.

— Что ж, ступай! — удовлетворённо кивнула Анимара. — Мне кажется, ты очень скоро сможешь сослужить нам с Зельборном неоценимую службу.

Надо было видеть лицо этого несчастного человека. Родная жена, чудом спавшаяся при пожаре, и то вызвала бы меньше радости, чем эти слова.

— Буду ждать с нетерпением! — горячо заверил он и ушёл.

В задумчивости Анимара закрыла дверь.

— Но если это, — проговорила она, озадаченно глядя на меня, — результат моего заклинания, то как объяснить поведение Винранта?!

“Ещё пара таких эффектных появлений,  
и вместо двери можно вешать простыню”

— А может быть, — предположил я за кружкой фирменного компота Анимары, — твоё заклятье захватило их обоих?

Мы сидели за обеденным столом. Ночь давно опустилась на Гонкоралл, пригнав сильный прохладный ветер к нашему дому. Анимара изучала страницы очередного фолианта, а я просто сидел рядом и вяло размышлял о прошедших событиях.

— Нет, — задумчиво ответила она, спустя некоторое время.

Разговоры с приходом ночи всегда становятся тягучими, неспешными, как и сама жизнь.

— Я не вчера родилась, Зельборн, — продолжила она, деловито глядя на меня поверх книги. — Уж если я использую свои таланты, то в отличие от некоторых, знаю точно, как именно это должно сработать.

— А в тот день ты как раз и засомневалась, — припомнил я, ехидно улыбаясь ей.

Анимара тяжело вздохнула, захлопнув книгу. Я отложил пустую кружку и стал отдирать три половицы под столом, с целью оглядеть наш склад ценных безделиц и кое-чего туда добавить.

— Верно, — согласилась она, принимаясь за следующий талмуд. — И, как оказалось, не без оснований. Мимолётная помеха, которой и оказался этот Фолин, принял весь удар на себя. Как видишь, люди могут удивлять!

— А как же! — согласился я.

— Если бы не Винрант, — продолжила Анимара, — мы бы до сих пор прозябали в холодной тюрьме.

— Но что движет этим человеком, если не твоё заклятье? — спросил я.

— То, чего у тебя отродясь не было! — со знанием дела ответила Анимара. — Совесть.

— Ах, это... — подыграл я ей на известный нам манер, пряча глаза в пол. — Ты права.

— Верни глаза на место! — потребовала она. — Оставь их на тарелке, они уже помутнели, не жалко!

Я положил глаза обратно и закрыл половицы, под которыми было спрятано большинство наших ценных вещей. Достаточно ценных для того, что бы их спрятать, и не достаточно ценных, чтобы прихватить их с собой. А за сохранность такого примитивного тайника отвечала Анимара. Она пообещала запечатать его мощным заклинанием забывчивости так, что по её словам, это будет самый надёжный, хоть и простой тайник.

О самом доме мы тоже позаботимся. Путём совместных усилий мы оплетём наш дом лентами самых лучших заклятий таким образом, чтобы ни одна муха и рядом не смела пролететь.

Впрочем, со временем, некоторые чары ослабеют, и к дому может возникнуть интерес. Тогда в наш дом войдут, но тем, кто это сделает, не поздоровится. И когда это случится, в Гонкоралле снова вспыхнет память о Зельборне и Анимаре, что жили тут раньше.

Так было раньше, так будет и потом.

— Нашла, — раздался голос колдуньи в тишине.

Это значило одно: мы готовы к осуществлению нашего плана.

— Теперь, — уставшим, но довольным голосом заметила Анимара, — остались лишь некоторые мелочи.

— Тем не менее, — возразил я. — От этих мелочей многое зависит.

Анимара согласилась и мы сошлись на том, что спешить в таком непростом деле нам незачем.

На другой день мы позволили себе поспать подольше, и если бы не настойчивый стук в дверь, нипочём бы не проснулись до середины дня.

Никто из нас и предположить не мог, что добрая половина города именно сегодня решит навестить домик на отшибе, чтобы попросить помощи у тамошней колдуньи.

Люди словно бы учуяли, что мы вот-вот дадим дёру из Гонкорала, а потому у входной двери была настоящая давка.

Анимара на них и ругалась, и причитала, и даже выть начала, но всё без толку. Обещала даже в долгоносиков превратить тех, кто не соблюдал очередь (а были тут и такие), а им хоть бы что.

Глядя на вереницу пришедших, я начал восхвалять на все лады Богов, что я выбрал правильный путь и теперь не ношусь по комнате сломя голову, вспоминая, куда мог деть корень красного Ветреного цветка, и куда могли чьи-то ветвистые руки утащить ступку.

Даже жаль было Анимару, столько работы свалилось на её плечи, а прогнать людей ей не позволяла совесть.

— Не могу я так! — твердила она всякий раз. — Если в моих силах помочь — я сделаю это. Да ты и сам это знаешь. Помогая им — я помогаю и себе. А куда приведёт тебя твоя дорога? Вот вопрос.

Моя помощь в этом нелёгком деле ей была не нужна, по причине моей бесполезности в её ремесле, а потому я счёл за благо удалиться в соседнее помещение и не мешать.

По крайней мере, я мог привести в порядок свою комнату и уложить вещи в дорогу, чем я и занялся.

Спустившись в погреб, я убедился, что и там не осталось ничего ценного. Всё съестное, что было внутри, мы вынесем и оставим где-нибудь неподалёку.

К середине дня поток просящих неожиданно иссяк. Я обнаружил колдунью в своём кресле, хмурую и совершенно выбившуюся из сил.

— Зельборн. — услышал я вялый тихий голос колдуньи. — Не поднимай меня, когда я умру. Всё, чего хочу — это отдохнуть хотя бы после смерти.

— Вот ещё! — довольно фыркнул я. — Ты сослужишь мне отличную службу, родная.

Я подошёл и поцеловал её в щёку. Её глаза немного прояснились, на губах показалась уставшая улыбка.

Вдруг дверь бесцеремонно распахнулась и с грохотом ударилась о стену. От неожиданности мы вздрогнули и стали вглядываться в могучий силуэт, стоящий на пороге дома. Солнце, что выглянуло сегодня лишь для того, чтобы не дать нам сразу определить несчастного, которого ждёт гнев уставшей ведьмы, на миг ослепило нас.

Но когда бодрый шаг гостя отмерил несколько метров от двери в нашу сторону, мы уже знали, кто это был.

В опрятном и чистом фраке с улыбкой на губах наш гость приблизился к нам. Тяжёлый древесный аромат хвои и океана волнами обрушился на нас. Я закашлял, но промолчал.

— Доброго денёчка! — услышали мы голос Винранта. — Вот, принёс кой-чего для вас! Перца там столько, что сам дьявол нынче явился в мою кухню и просил не перебарщивать со злом.

И, Великие Боги, он подмигнул нам. Нет, не нам — Анимаре. Меня он смерил холодным, сдержанным взглядом.

— Винрант?! — изумилась колдунья.

Должно быть, гнев её ещё не настиг, а потому время для того, чтобы убежать у несчастного ещё было.

— Да, госпожа, это я. — твёрдо сказал он и кивнул. — Я принёс вам томлёную баранину, очень вкусную, пальчики оближите, обещаю! У меня за такую в трактире и бока намять могут. Так что знайте — Винрант даёт только лучшее!

Вопреки моим ожиданиям, Анимара не вскочила, чтобы превратить повара в горстку пепла, или безногого таракана. Не погнала его прочь, и даже голос не повысила.

— Проходи, проходи, — устало проговорила она, жестикулируя рукой. — Мы тебе очень рады.

Рады? Она сказала рады? Она сказала мы?!

Он поставил поднос на стол, и аппетитный запах еды заставил мой гнев остыть. Интересно: еда делает меня добрее. Ведь если поразмыслить, я и сам мог бы в один момент наслатъ нечто восхитительное на этого заносчивого повара, но характер у меня куда более мягкий.

— В вашей клетушке не мешало бы проветрить, — заметил он, оглядываясь по сторонам, — Да и когда последний раз вы мыли пол?

Я просто не поверил своим ушам. Ни один смертный ещё не дерзнул так нахально высказываться о нашем доме. И если Анимара ничего не предпримет, тогда я сам проучу этого наглеца. Всё равно его нахальная физиономия мне никогда не нравилась. Пусть и одет он сегодня прилично, однако никакой внешний лоск не может скрыть внутренней дикости души.

— Винрант! — возмущённо окликнула его Анимара, — Перестань.

Он пожал плечами. Я в оцепенении наблюдал за происходящем. Она просто попросила его перестать. Дикость.

— Винрант. — Анимара поднялась со своего кресла и подошла к повару. — Нам нужна твоя помощь.

— О! — одобрительно ответил он. — Я с радостью окажу вам любую услугу!

— Но сначала ответь нам, — продолжила колдунья. — Почему ты приходишь сюда?

— Я уже говорил вам, — Винрант почесал затылок, — Мне стало жаль вас, госпожа. Я чувствовал себя виноватым.

— Что ж, — удовлетворённо покачала головой Анимара, — Давай так: окажи нам последнюю услугу, а мы отблагодарим тебя по достоинству!

— Не нужна мне ваша благодарность! — покачал головой Винрант. — Я и так могу это сделать!

— Ты ведь не хочешь, чтобы я испытывала угрызения совести? — она испытующе посмотрела на него.

— Нет, не хочу! — согласился он, и показал пальцем на меня. — А вот ему бы не помешало.

Я вспыхнул и уже был готов сказать пару ласковых слов этому болвану, но

предупреждающий взгляд Анимары остановил меня.

— Тогда слушай, что от тебя требуется, — продолжила она.

И она рассказала ему, что от него требовалось.

— Хорошо! — отозвался Винрант. — Я помогу вам, госпожа!

— Если ты это сделаешь, — заговорщицки проговорила Анимара, — твоя совесть будет полностью чиста.

— Я согласен! — окончательно одобрил он.

Тогда Анимара торжественно вручила ему два мешочка. Один, с оплатой его труда, второй — для дела.

— Смотри, — проговорила колдунья, — не перепутай!

Винрант лишь хмыкнул, давая понять, что не того он поля ягода.

На этом разговор был окончен. Винрант, прихватив свои подносы с прошлого раза, отправился обратно. Однако, по некой нелепой традиции в дверях его задержал голос Анимары.

— Винрант! — окликнула она его. — Когда я в прошлый раз говорила про смелость, я не совсем это имела в виду.

Анимара указала на дверь. Он опустил глаза и лишь кивнул. Затем он удалился, с нежностью любящей матери затворяя за собой дверь.

Колдунья отчитала меня за мою неосмотрительную вспыльчивость, сославшись на то, насколько хорошо Винрант пытается следовать её указаниям.

— Тебе ведь не тридцать лет! — негодовала она. — Где твоё самообладание и логика?!

И то и другое захватил голод в свою непоколебимую власть плотным кольцом. Мне лишь оставалось согласиться с моей колдуньей.

— Как удачно всё складывается! — констатировала она. — И обед, и помощь. Не мужчина, а золото!

Что ж, если поразмыслить, то теперь даже мне на это не было что возразить. Да и уж больно вкусно пахло из-под крышки. А вот тяжёлый запах дерева и океана ещё долго не мог выветриться из нашего дома.

— Мэээ!

— Кххх!

И ведь понимаем друг друга.

Глубокая усталость вчерашнего дня пустила свои корни и в день сегодняшний. Впрочем, грядущие события придавали мне сил, достаточных, чтобы неспешно шевелиться в этом направлении. Зельборн улизнул на казнь в самый ответственный момент. Впрочем, я была этому несколько не удивлена. И даже пришедший стражник со срочной запиской сверху несколько не умаляли моего негодования.

— Надо же! — заметил Зельборн, читая желтоватый клочок бумаги. — И для меня нашлась работа!

Между тем, мы были готовы. Пара дорожных сумок с нашим скарбом сиротливо стояли у двери, каждая трещинка которой была мне уже как родная. Не желая тратить времени напрасно, я отправилась на улицу Подковы неудачи, захватив сумки с собой, благо злополучная улица была не далеко.

Там, поймав буквально за шиворот ловко уворачивающихся от меня прохожих одного из них, я узнала, где живёт Фолин.

Положение его было не из бедных, о чём свидетельствовал солидный дом, всем своим видом показывающий, что у его хозяина дела идут хорошо. Высокий, в два этажа, он мог вмещать в себя ни одно семейство, несколько слуг, может быть, даже несколько домашних животных. Но, как оказалось, Фолин жил совсем один.

Я постучалась в дверь и через минуту мне открыли.

— Добрый день, Фолин! — я вглядывалась в его лицо, пытаюсь понять, не ослабла ли над ним моя власть. Оно, конечно и не так страшно. Ведь он уже попал на крючок ложных чувств, а значит его уверенность в их правдивости будет только крепнуть. Впрочем, бывает и по-другому. Если вдруг внутренний голос жертвы слишком силён, и воля его ничуть не слабее то... то последствия могут быть совершенно непредсказуемы. Если он вдруг вскоре станет сомневаться в искренности своих чувств, то и угрызения могут сойти на нет, а там могут возникнуть и подозрения...

Мои сомнения развеялись почти сразу, едва он рухнул на колени.

— Ну-ну! — я подняла его и зашла в дом. — Не делай так. Я пришла к тебе, чтобы ты оказал мне маленькую услугу, только и всего.

— О, конечно! — просиял он.

— Ты, кажется, славный малый! — проговорила я, бесцеремонно прохаживаясь по его дому, словно кошка, и оглядывая каждую комнату. — Думаю, тебе можно доверять!

И вновь я получила подтверждение с его стороны. Дом его был довольно уютный и хорошо обставлен, чувствовалась умелая рука женщины.

— А ты что же, — поинтересовалась я, — вдовец?

— Нет, что вы! — покачал головой Фолин, — Я холост. Иногда у меня гостит сестра, но чаще она в разъездах. Наше ремесло — семейное дело! Ещё мой дед...

— Хорошо-хорошо! — оборвала я, не желая слушать про деда мало знакомого мне человека.

Он покорно замолчал.

— Есть ли у тебя карета, понадежней? — спросила я.

— Разумеется! — отозвался он.

— Тогда слушай внимательно, Фолин. — серьёзно проговорила я.

И я рассказала ему всё, что ему необходимо было знать. Про ту долю опасности, что его может подстергать, про осторожность, которую нужно будет соблюсти. И, разумеется, про вознаграждение, которое он получит по завершении своей работы.

Он слушал внимательно, и по его лицу я поняла, что его ничуть не смущала та роль, которую мы с Зельборном для него припасли.

— Я всё понял! — заговорщицки закивал он. — Я всё сделаю!

Я передала ему наши пожитки, настоятельно порекомендовав не заглядывать внутрь сумок, хотя бы по двум причинам. Во-первых, проклятьями, что я уже наложила на наш тайник, я так же одарила и наши сумки. Во-вторых, я заверила Фолина, что внутри всё равно нет ничего такого, зачем бы стоило так рисковать своей жизнью.

С величайшей бережностью он принял сумки, пообещав погрузить их в нужное время в карету.

— А это, — я протянула ему небольшой мешочек с монетами, — первая половина твоего гонорара.

Он принял его и быстро убрал в карман, не почтив деньги особым вниманием. И это тоже был добрый знак — пусть он и не сказал этого, я была уверена, что дело не в деньгах.

Я пообещала сообщить ему, если что-то вдруг изменится, и

с лёгким сердцем покинула его дом. Теперь почти все детали нашей незамысловатой мозаики сложились вместе.

Наш дом уже был совсем рядом, когда кто-то окликнул меня.

— Анимара? — послышался знакомый, хорошо поставленный голос.

Я обернулась, и прежде чем смогла что-то разглядеть, послышался громкий короткий треск. Что-то вспыхнуло и я схватилась за горло, которое словно бы сжало двумя мощными руками.

Я задыхалась, а мерзавец, что стоял напротив меня улыбался. Мои колени начали подгибаться, но вдруг я почувствовала, что невидимые пальцы словно бы нехотя стали отпускать моё горло. Воздух, такой чистый и свежий снова мог наполнять мою грудь. Я откашлялась.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я уже была готова наградить своего обидчика двумя-тремя болезнями, сила которых могла бы унести его жизнь всего за пол дня, но вместо яростных слов проклятий из моего горла раздался лишь громкий хрип.

Я недоумённо повторила попытку, но всё было тщетно. Вот почему этот истукан так широко улыбался, а не бросился наутёк.

Вокруг меня вдруг выросла пара рослых стражников. Они бесцеремонно схватили меня под руки. Сопротивляться было бессмысленно. Уж я бы укоротила их обоих в один миг, если бы могла произнести хоть словечко.

— Приветствую вас, госпожа Анимара! — самодовольная улыбка Нэнтрикса растянулась ещё шире.

В этот раз одет он был в жёлтую мантию, которую неизвестный мне портной щедрой рукой осыпал красными вкраплениями, словно то были капли крови. Только потом я

сообразила, что это были плоды какого-то редкого фрукта, как символы могущества.

— Мэээ!! — ответила я ему, яростно прожигая его взглядом.

Его улыбка померкла.

— И не пытайтесь! — проговорил он. — Говорить вы сможете не раньше, чем через несколько часов. А я уже было заждался вас!

— Мэээ!! — возмутилась я и безуспешно дёрнулась.

— А потому, — угадал направление моих мыслей Нэнтрикс, — что вы подозреваетесь в заговоре против города.

— Мэээ!! — ответила я ему.

— Я ведь предупреждал, — спокойно проговорил он, — что и у стен есть уши. И глаза тоже есть. И много чего ещё, но об этом как-нибудь в другой раз...

Он дал знак страже следовать за ним и не спеша побрёл в город. Если отбросить все мои познания в колдовстве, весь мой опыт травничества и целительства, кем я была теперь? Слабой перепуганной девочкой, не более. Пару раз я пыталась ударить пяткой по носкам волочащим меня стражником, но те лишь смеялись надо мной. Сапоги у них были кованые, и если бы моя пятка умела говорить, то, должно быть, прокляла меня за столь безумную и глупую выходку.

— Не сопротивляйтесь, — то и дело настаивал Нэнтрикс, чья бодрая фигура шла впереди и услужливо подметала за собой дорогу своей жёлтой мантией. — Я вас предупреждал, но вы меня не слушали. Теперь вашу судьбу будет решать казначей и его окружение, а он человек...твёрдый, жалость в нём просыпается... эээ... обычно не просыпается.

Меня приволокли в уже известный мне дом и затащили в подвал. К тому времени я совершенно выбилась из сил, а потому даже кусать так удачно подвернувшуюся руку я не стала. Тюремщик, толстый коренастый, с густыми коричневыми волосами и плоским носом проводил нас до отведённых мне “покоев”. Что-то в глазах его выдавало ко мне сочувствие, но лишних вопросов он не задавал.

Быстро найдя нужный ключ, он открыл решётчатую дверь. Остолбеневшую меня втолкнули внутрь, и дверь тут же затворилась. Я с горечью смотрела на бледную сидящую на полу фигуру перед собой.

— Кххх! — вяло поприветствовал меня сидящий на полу Зельборн.

Первым делом, что я сделала, это подошла к Зельборну и выдала ему хорошую затрещину.

— Мэээ! — указала я на холодную стену за его спиной.

— Кххх! — отмахнулся он, но всё же убрал спину от холодного камня.

Ещё не хватало, чтобы и без того чахлый на вид некромант заболел. В нашем положении лечить его будет очень и очень трудоёмким занятием.

Сзади кто-то деликатно кашлянул и я обернулась. Нэнтрикс всё ещё стоял и с любопытством смотрел на нас.

— Мэээ! — махнула я на него.

— Подумать только, — возмущённо запричитал он, — вы, и правда думали, что сможете обвести вокруг пальца Гонкоралл?

Он покачал головой, а затем развернулся и зашагал прочь по лестнице.

— Покуда мой зоркий глаз видит, а чуткое ухо слышит — этому не бывать! — добавил Нэнтрикс и дверь сверху с силой захлопнулась.

— А покуда мой нос будет ощущать то, что ощущает, — раздался неприятный голос откуда-то из тёмных затхлых глубин, — то вам, ребята, несдобровать.

— Ты бы лучше помолчал, Дакнис! — послышался другой, тихий и настороженный голос, — колдовство у них может и отобрали, да кто их знает, что ещё они могут.

— Если бы могли, — продолжил первый голос жизнерадостно, — то уже бы сделали! А так — они ничем не лучше нас с тобой!

— Всё равно, помолчи! — настаивал второй голос, — у меня от твоей болтовни голова разболелась.

— Было бы чему там болеть! — ответил первый, но всё же оказал всем присутствующим милость умолкнуть.

Попытки объясниться друг с другом ни к чему не привели. По крайней мере, хоть кому-то стало чуточку веселее. Да что там чуточку, хохотали все.

Волей не волей, нам пришлось молча обдумывать сложившуюся ситуацию.

Думалось плохо. Мало того, что условия были совсем не подходящие, так ещё и стойкий запах сырости и плесени стоял вокруг. Но что самое неприятное — это капли воды, что мерно отсчитывали моё терпенье в полной тишине.

Через какое-то время мы обнаружили, что возможность говорить возвращается, но большой радости от этого не испытали. Заклятья не работали, сила слов тухла, как мы не пытались. Мы снова попали в особое место. Место для таких, как мы.

Вдруг дверь в нашу темницу открылась и по лестнице послышались тяжёлые шаги. Шагающих было двое, один из них тяжело дышал.

Через минуту у нашей двери стояла знакомая нам пара мерзавцев. Придворный маг и казначей. Лицо второго было красным, словно бы он пробежал сюда с сундуком на спине. Глаза впились в меня, а потом в Зельборна. Оба молчали.

Ну что ж, тогда мне есть что сказать.

— Какого дьявола происходит, хотела бы я знать?! — выкрикнула я так, что порыв ветра подхватил мой голос и ударился о две стоящие напротив фигуры.

Это не была магия в полном смысле этого слова, скорее ценный навык, который ни раз давал понять, кто тут главный. Зельборн обычно лишь демонстративно смеётся, ссылаясь на то, что из меня вышел бы не плохой полководец, или певица. Но я-то знаю, как резонирует с моим голосом тело того, на кого он направлен. И если я желаю посеять ужас, я его посею.

Фигуры по той стороне решётки вжались в себя и друг в друга, но, к несчастью, лишь на миг. Первым оправился Нэнтрикс.

— Не тратьте свои силы, госпожа Анимара. — самообладание вернулось к нему в полной мере. — Лучше позаботьтесь о своей душе, покуда у вас есть на это время.

— Моё время, — отрезала я, — не ваше дело.

— Ошибаетесь, — вдруг раздался голос казначея. — Теперь это и наше дело.

От этих слов я вздрогнула.

Тормизиан был одет в широкую тёмно-синюю рубаху и мешковатые жёлтые штаны.

— Что вы имеете в виду? — подал голос Зельборн.

— В нашем городе, — проговорил Нэнтрикс, — равно как и в других, не очень-то жалуют магов. А магов-воров — тем более. И раз уж так вышло, что вы оба являетесь представителями и той, и другой стороны, то расплата за ваши замыслы не заставит себя ждать.

— Какие такие замыслы? — крикнул Зельборн.

— Мне известно всё, некромант, — спокойный голос придворного мага не заставлял сомневаться в сказанном.

— Но ведь мы ничего дурного не сделали! — воскликнула я.

Я чувствовала, как отчаяние потихоньку поднимается из моего нутра, пробивая себе путь через броню невозмутимости.

— Уж не хотите ли вы, чтобы мы доказывали вашу причастность к заговору? — лицо Нэнтрикса выразило удивление. — Нет-нет. Скорее это вы должны доказать обратное. Сможете ли вы сделать это?

— Как, бездна тебя побери, мы можем доказать тебе хоть что-то, — яростно возразил Зельборн, — если мы заперты за решёткой?!

— Не знаю, — развёл руками Нэнтрикс. — Это выходит за пределы моих возможностей. Да и пришел я сюда не за этим.

— Позвольте мне, ваша милость! — вскричал казначей, дёргая мага за жёлтую мантию, словно ребёнка.

Придворный маг небрежно махнул рукой в знак согласия.

— За покушение на казну Гонкоралла, — торжественно объявил казначей, расплываясь в недоброй улыбке на толстом лице, — вы признаётесь виновными и будете казнены послезавтра, на рассвете.

В тяжёлой тишине откуда-то из глубин тюрьмы раздался удивлённый присвист. Казначей огляделся.

— Кого там ещё казнить завтра? — грозно проговорил он.

Добровольцев не нашлось.

— Послушайте, — Нэнтрикс вдруг наклонился к казначею и зашептал, но его слова всё же не укрылись от моего чуткого уха. — Я полагаю, что казнить этих двоих — слишком уж суровая плата за их нечестивые замыслы. Я по-прежнему настаиваю на более гуманном способе порицания. Побить палками, кнутами, заставить работать, в конце концов. Но отнимать жизнь — это, пожалуй, слишком. Подумайте об этом.

— Благодарю вас, — резко ответил казначей, — ваша милость. Но раз уж их грязные мысли простирались над обителью моего ремесла, то и конечное слово будет за мной.

— Да, — согласился Нэнтрикс, отшатываясь от казначея, — это так. И всё же...

— Я не милую тех, кто желает обвести вокруг пальца как самого короля, так и самого меня, — горячо возразил Тормизиан и топнул для пущей убедительности. Вышло довольно глупо, по-детски.

Придворный маг покачал головой.

— Но ведь мы ничего не сделали! — выкрикнула я, пытаясь воззвать к совести хоть кого-нибудь из этих двоих.

— Если бы вам это удалось, — заверил нас Нэнтрикс, как бы в знак утешения, — тогда вас бы казнили не меньше трёх раз к ряду. А так только один.

— О, Боги! — выдохнул Зельборн.

Нэнтрикс развёл руками и направился к выходу. Казначей бросил победный взгляд и засеменил следом.

Дверь захлопнулась, оставив нас без какой-либо надежды на спасенье.

“Сапожник, без сапог. Так иногда называла меня Анимара. Что ж, мои сапоги почти готовы”

Что ж, через один день нас казнят. Я наконец-то смогу почувствовать всё то, что чувствовали мои жертвы, когда им оставалось жить считанные минуты. И что теперь до тех лет, что я так тщательно собирал всё это время?

Анимара сохраняла спокойствие, её лицо не сколько не выдавало никаких признаков тревоги.

— Тебе страшно? — спросил я, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Да, — прошептала она. — Но больше всего мне страшно за тебя.

— О, — вспомнил я, — ты решила подбодрить меня лучшим из миров, в который попадёшь ты, и худшим, где окажусь я?

— Как так получилось, Зельборн? — она горестно покачала головой. — Нам не хватило всего одного дня! Всего одного!

— До чего паршивое место, — констатировал я, — я даже не могу обратиться к духам!

— А вот это можно приписать к плюсам, — заметила колдунья. — Ещё не хватало смотреть на твоё отсутствующее состояние! Вот повесят тебя, так отсутствуй, сколько душе угодно, а теперь и думать забудь!

— Я хотел обратиться за помощью! — развёл руками я.

— Толку от твоих обращений, как покойнику отвар целебный! — фыркнула она.

Я не стал спорить. Если не считать недавнего случая, духи никогда мне не помогали.

— Если нам суждено умереть так скоро, — продолжила Анимара, — я хочу встретить смерть рядом с тобой. И успеть наглядеться на тебя напоследок.

Эти слова тронули меня, и вся безжалостность нашего положения навалились на меня разом.

— Мне будет не хватать твоих глаз, — я посмотрел на неё, сдерживая вдруг подступивший ком в горле, — и твоих рук.

— А что, всё остальное во мне уже окончательно надоело? — спросила она.

Я не ответил. Вместо этого я подошёл и обнял её крепче. Стойкий аромат трав и свежести вдруг коснулся меня.

— И этого запаха... — пробормотал я.

— Насчёт запаха, — раздался хриплый голос из глубин, — это ты зря.

На ужин принесли кашу, при виде которой складывалось ощущение, что её ели уже не первый раз. Впрочем, на вкус она была не такой уж и дрянной. Мы с горечью вспоминали дары Винранта. Что бы он сказал, вкусив такую кулинарную мерзость?

Спасть не хотелось и мы долго не могли уснуть. То, на чём нам предлагалось спать — было ничем иным, как надругательством над плотницким ремеслом. словно напоминание, как быть никогда не должно, это худощавое чудо стояло в углу нашего узилища. Грубо сколоченные много веков назад доски, едва ли удостоившиеся обработки, сверху были услужливо покрыты соломой, на которой лежала дырявая простыня. Спасибо и на этом.

Всю ночь Анимара жалась ко мне и сквозь сон просила закрыть окно. А я, словно

безмозглая марионетка, вставал и замирал на месте, вспоминая, когда это мы выложили наши стены камнем.

Всё утро мы проспали, иногда просыпаясь от разговоров и резкого хохота других узников.

Когда же наступило время завтрака, нам пришлось проснуться. Под такой шум, как раздача еды просто невозможно было спать. На этот раз каша была другая, но её склизкая консистенция и преступная пресность была на том же низком уровне.

Мы всё же решили не пренебрегать едой, особенно если учесть, что кроме этого, у нас будет ещё всего пару приёмов пищи. Может быть, даже один. Брать сил больше не откуда. Я ел, закрывая глаза, Анимара зажимала себе нос.

— Кого вывернет, — предупредила она, — тот и слабак!

Минуты напряжённого поглощения пищи и поглядывания друг на друга начались.

— Ах, — вдруг раздался голос из недр тюрьмы, сопровождаемый отчётливыми звуками поражения.

— Проклятье! Я, кажется, проиграл! — заключил голос.

Вечер близился со всей своей неотвратимостью. Мы сидели на кровати в обнимку и молчали.

— Должно быть сейчас, — шептала Анимара, — Фолин уже подготавливает карету. Совсем скоро он будет ждать нас, но мы не придём. Ни сегодня, ни завтра. Уже никогда.

— Винрант огорчится, когда узнает, что произошло, — согласился я. — Но теперь даже он не мог бы нам помочь.

Обычно минуты за решёткой текут медленно, но сегодня время шло очень быстро. И всё потому, что оно было заодно с Гонкораллом. Оно хотело, чтобы нас как можно скорее не стало. Мы задержались на этом свете, и этот город хотел исправить это.

Вечер подступал, дождь за решётчатым окном скорбел о наших не сбывшихся планах.

Молодой надзиратель в очередной раз делал обход. Из тёмных дебрей мыслей меня вывел тихий шепот Анимары.

— Зельборн, смотри!

Она тайком показала пальцем на надзирателя. Это был молодой парень, лет двадцати пяти, крепкий, в кожаных доспехах и каске, при оружии. Он проходил мимо, и ничего странного в этом я не видел. Ничего, кроме его походки. Он шёл, словно бы немного пружиня, как будто камешек попал в его сапог, а то и в оба, и тот причинял ему боль.

Вдруг в невесёлой тишине раздался нетипичный для этих мест звук. Громкий и залиvistый, словно песнь весенней дикой птицы. Этот звук ни с чем нельзя было спутать — именно так падает бронзовый ключ на каменный пол. И вместо того, чтобы кинуться за ключом, надзиратель пошёл дальше.

— Он что, оглох? — удивился.

— Хватай ключ! — зашипела на меня Анимара.

Я быстро оказался у самой двери, лёг на пол и вытянул руку. Без толку! Ключ был на добрую руку дальше от меня. Если бы я только мог воспользоваться своей магией, то может быть и смог бы найти поблизости хоть одну крысу...

— Не достать! — горестно прошептал я в ответ.

Словно косточка перед мордой голодной собаки, что сидит на цепи.

Но тут надзиратель остановился и резко развернулся. Я отпрянул, сделав вид, что вовсе не пытался достать ключ, а просто сижу рядом с дверью. Вероятно, п онеопытности, тот не

сразу сообразил какого рода звук он только что услышал.

Он пошёл обратно, что-то бормоча себе под нос.

— Нужны ведь бумаги! — говорил он, задумчиво глядя перед собой.

Его нога задела ключ и тот откатился в нашу сторону.

— Ах, нет! — снова пробормотал надзиратель, — Бумаги ведь наверху!

И он развернулся и быстро зашагал прочь, а ключ так и остался тускло поблёскивать рядом.

Как только дверь закрылась, я схватил ключ и тут же вставил его в замочную скважину.

Ключ подошёл к замку. Я повернул его три раза. Раздались три громких щелчка. Я толкнул дверь и та отворилась.

Я обернулся на Анимару, та хмуро смотрела на меня, вероятно, не веря в происходящее.

— Что всё это значит? — тихо прошептал я.

— Не знаю, — ответила она, — но мне это не нравится.

— Хотел бы я знать, — парировал я, — что тебе вообще нравится! Давай, следуй за мной.

Она словно бы очнулась, и крадучись, мы вышли из ненавистной тюремной комнаты.

“-Без клинка, или без головы ты покинешь этот город. Разница есть?  
— Не существенная”

Согласно логике, единственный выход наружу лежал сквозь ту самую дверь, через которую совсем недавно вышел надзиратель. Единственное, на что нам теперь следовало уповать, это на волю случая. Второго удачного стечения обстоятельств.

И хотя выглядело всё довольно сомнительно, порассуждать на эту тему можно будет и после. А в данный момент стоило воспользоваться случаем.

Бьюсь об заклад, что у Анимары были свои собственные догадки, стоящие обособленно от моих предположений, но она так же благоразумно решила попридержать свои мысли на потом.

Мы подкрались к двери. Я приложил правое ухо (им я слышу лучше) к холодному дереву. Вдалеке слышались невнятные голоса. Анимара так же удостоила дверь честью прикосновения своего уха. Немного помедлив, мы решили, что ждать никак нельзя.

И я медленно потянул дверь на себя.

Дверь тихо отворилась, добрый знак. Впереди виднелся тёмный проход и мы бесшумно двинулись по нему.

Вокруг было тихо, и мы, словно прозрачные тени, тихо ступали по плохо освещённому коридору. Впрочем, едва ли можно было даже издали заметить две фигуры, крадущиеся в полумраке.

Вскоре мы приблизились к просторной комнате, за которой шёл ещё один коридор, он и вёл к спасительному выходу.

В просторной комнате стояло несколько столов, на одном горела лампа, рассеивая мрак вокруг себя.

У самой стены стояло три силуэта, это было два надзирателя и один начальник тюрьмы. Сначала я подумал, что мне кажется. Я жестом указал Анимаре на три фигуры, и та удивлённо кивнула, показывая на коридор впереди.

Все три фигуры стояли лицом к стене.

— Вот тут трещина, начальник! — бодро проговорил молодой голос.

— И сам вижу! — подтвердил второй, солидный густой голос.

— А я, кажется, паука нашёл, — восторженно вмешался третий голос. — Шевелится!

Изумляться было некогда, воспользовавшись довольно подозрительным моментом, мы двинулись в сторону спасительного коридора.

— А ну покажи! — проговорил первый молодой голос.

— Продолжайте искать! — назидательно проговорил начальник. — А паука не тронь!

Ещё один проход был справа, и я припомнил, что именно туда один из надзирателей понёс мой костяной кинжал.

На середине пути я остановился и повернул направо, за моим клинком. Уж не знаю как, но беззвучный вопль Анимары я скорее почувствовал, чем услышал. Я обернулся и прочитал на её лице все возможные ругательства в свой адрес. В ответ на это я изобразил на своём лице уверенность камня, указав в сторону светлеющей комнаточки.

Какого дьявола! Я не оставлю тут свою драгоценность!

— Без своего клинка я не уйду! — беззвучно прошептал я.

Лицо Анимары помрачнело ещё сильнее, но бросив взгляд на три дотошно изучающих стену фигуры, она двинулась ко мне.

Я пополз по направлению к комнате, и вскоре смог тайком заглянуть внутрь. Там стоял ещё один стол, за ним сидел человек. Только развёрнут он был лицом к стене.

Всё это напоминало нелепый сон.

— У меня тут тоже несколько трещин, начальник! — вдруг крикнул он, проведя пальцем по стене.

Зрение у меня было не плохое, и бегло брошенный взгляд на стену заставил усомниться в правдивости сказанных этим человеком слов. Никаких трещин в стене я там не видел. За то я увидел кое-что получше: на столе лежал мой кинжал.

Делать было нечего.

Я сделал два длинных шага вперёд, и протянул руку, чтобы взять кинжал. Мне удалось довольно бесшумно поднять его. Одну страшную секунду я находился в уверенности, что сейчас опрокинусь вперёд, прямо на стол. Я бы непременно опрокинулся, если бы не цепкая рука Анимары, что ухватила меня за ногу сзади.

— О, — снова проговорил человек на стуле, — Ещё нашёл!

К моему облегчению, он вдруг начал насвистывать, что помогло мне избежать излишнего шума.

Я выпрямился и тихо отошёл назад. Под неодобрительный взгляд колдуньи я направился в нужный нам коридор. Она направилась следом.

Коридор тоже был достаточно тёмный и в меру узкий, освещённый лишь несколькими зарешёченными окошками. В конце коридора за поворотом была дверь, а за ней лестница, что должна была привести нас к выходу.

И только мы уже решили, что нам удалось совершить побег, впереди послышался тяжёлый звук шагов.

Мы вжались в стену и увидели ещё одного надзирателя. Он шёл по коридору прямо на нас.

Что ж, наши шансы были весьма высоки. Я уже приготовил свои кулаки, наметил удары, что нанесу этому несчастному, но тот, словно бы прочёл мои мысли и вдруг остановился. Несколько секунд он стоял, глядя вперёд, но вдруг повернулся к стене и задрал голову к окну.

— Или мне кажется, — пробормотал он, — или эти решётки уже почти проржавели. Надо бы хорошенько их рассмотреть! Ну-ка, ну-ка.

Ошеломлённые, мы двинулись по коридору, так близко проходя за спиной у надзирателя, что слышали его дыханье между репликами.

— О, — бодро говорил он сам с собой, — Да тут не всё так и плохо. Довольно надёжно. Надо бы запомнить, что идёт под замену. Сколько, выходит тут прутьев, надо сосчитать. Один...

Мы завернули за угол, едва он досчитал до пяти. Дверь была не заперта, и мы быстро взбежали по лестнице.

Массивная входная дверь была тоже открыта, и мы, наконец, вышли наружу.

Возле дверей никого не было. Редкие прохожие, что ёжились под морозящим дождём, совершенно несмотрели в нашу сторону. Но оно было и не удивительно — в такой день

мало кому захочется подолгу задерживаться на улице, если дома ждёт тёплый ужин, или хотя бы есть, куда идти.

Мы быстрым шагом направились к выходу из города, попутно пытаюсь сообразить, как поступить дальше.

— О, не переживай, — успокоила меня Анимара, предвосхищая мой ещё не появившийся вопрос. — Предоставь их мне.

У ворот стояло два стражника. Как сверкнули глаза Анимары, когда мы приблизились к двум незадачливым фигурам, сложно и передать. Но к нашему удивлению, случилось следующее:

— Эй, кто это там? — вдруг послышался голос одного из стражника.

Он указывал куда-то направо.

— Пойдём, проверим! — взволнованно произнёс второй.

И оба они направились вдоль стены, оставляя мою колдунью ни у дел.

Клянусь всеми Богами и бездной, в тот момент, когда под наши изумлённые взгляды стража уходила в неизвестном направлении, вместе с ней из Анимары уходил восторг, азарт и даже радость.

Она вдруг сникла, так и не выпустив свой гнев наружу. Я подтолкнул её в спину, давая понять, что у неё всё ещё есть тот, на кого она сможет излить свой гнев впоследствии. Пока ещё есть.

Она, словно бы поняла мой не столь изысканный намёк, двинулась вперёд.

Через минуту мы вышли из города. К нашему удивлению, но уже не столь великому, стражи снаружи не было совсем.

Мы выбежали на дорогу и помчались вперёд. Там, вдалеке, виднелась карета. Наше спасение, наша возможность начать всё заново, пусть на этот раз и оставаясь практически без каких либо денег.

Но что такое деньги, в сравнении с нашими жизнями? Ну, так и бездна с ними!

— Нет! — Анимара вдруг остановилась и уставилась на меня.

— Ты совершенно не умеешь развлекаться, Зельборн!  
— Я развлекаюсь после того, как поразвлекалась ты!”

— Что случилось? — спросил запыхавшийся Зельборн.

— Нет! — повторила я свои мысли. — Мы должны это сделать!

— Ты о чём? — брови некроманта выгнулись дугой.

— О нашем плане, конечно, — пояснила я и направилась к решёткам.

— Ты что! — запротестовал он, — Мы еле выбрались из города!

Дождь усилился, ветер звенел в кронах деревьев.

— Подумай хоть немного! — проговорила я, не сбавляя шага. — Это не мы выбрались из города. Это город помог нам в этом.

Я подобрала неплохую палочку для грядущего путешествия. Вскоре отыскалась и вторая.

— Город? — переспросил Зельборн, словно бы пробуя на вкус это слово.

— Именно, — подтвердила я. — И не город собирался казнить нас. Этого хотел казначей, и только он. Я уверена в этом.

— Допустим, — согласился некромант, — И после этого ты по-прежнему хочешь ограбить тех, кто нам помог?

— Нет, — отрезала я. — Я хочу справедливости.

Мы подошли к той самой решётке и теперь стояли у входа.

— Какого рода? — уточнил некромант, так отчаянно не желая пошевелить мозгами.

— Казной заведует этот толстый бурдюк, — я бросила на Зельборна решительный взгляд, — Вот его-то я и хочу ограбить.

И не желая больше ничего слушать, я прыгнула в холодную воду. Мороз пробежался по коже, но я пообещала себе, что всё это не на долго.

Не глядя назад, я направилась к входу в стоки. Сзади послышался тяжёлый вздох, а затем всплеск воды. Могло ли быть иначе? Зельборн ведь прекрасно знает, что переубедить всерьёз выбитую из состояния равновесия ведьму невозможно даже казнью. И горе тому, кто попытается это сделать. Так что да, выхода-то у него и не было.

Между тем, несколько слов силы, что я прошептала, сделали из бесполезных палок пару отличных фонарей.

Я с упоением возглавила шествие, попутно сокрушаясь, что моя ярость так не найдёт своего выхода. Подумать только, мы были на волосок от смерти. И, может быть, не последний раз на сегодня. Но с той решимостью, что угнездилась во мне в тот час, я просто не смогла бы сесть в карету и уехать в другой город, признавая, что Гонкоралл победил.

Я согласна, чтобы Гонкоралл победил. Проведя тут не один десяток лет, я влюбилась в этот город и по праву стала считать его родным. Так что да, город победил. Но Тормизиан должен заплатить за свою жестокость. И он заплатит, или я не Анимара — владычица колдовского ремесла и травничества.

— Повелительница испепеляющих взглядов и вершительница изысканных ругательств. — Так поговаривает про меня Зельборн, пока я бываю в хорошем расположении духа.

С такими мыслями я остановилась у первой развилки и улыбнулась.

— Помнишь ли ты, — проговорила я, разглядывая стены, — как я рассказывала тебе о странностях Гонкоралла?

— Про улицы? — уточнил Зельборн.

— Да, — кивнула я. — Про то, что некоторые из них в этом городе имеют довольно не типичные свойства.

— Помню, — подтвердил он.

Я ни раз это замечала, но особого значения придавать этому не хотела. Мало ли какое явление могло скрываться в недрах большого города. Но со временем это стало беспокоить меня. Судя по слухам, были в Гонкоралле такие улицы, передвижение по которым могло привести тебя совершенно к неожиданным местам. И каждый раз результаты были разные. Ты мог оказаться в начале города, а мог выйти в его конец. Кто-то даже уверял, что одна улица вывела его в Перелианский лес. Но не это было самое тревожное — если верить тем же слухам, то проклятье таких улиц менялось. Оно переходило от одной улицы к другой без какой-либо логики.

В правдивость таких слухов я несколько не сомневалась — люди, как правило, скупы на фантазии, да и не могли же столько людей попусту врать. Вдобавок ко всему, любому магу, даже неопытному новичку, ступившему на холодный камень Гонкоралла, сразу станет ясно — в этом городе большое сосредоточение людей, денег и магии. Ну и дураков, разумеется. Но их-то везде навалом.

Улыбалась я потому, что теперь мы стояли точно перед таким же лабиринтом, проклятье которого мне было не знакомо. Не знакомо, но что с этим делать мне было известно.

— Я покажу тебе кое-что интересное, — проговорила я и на развилке повернула налево. Стрелки, похожие на те, что я рисовала раньше, рекомендовали идти обратно.

— Стой! — крикнул Зельборн и рванул за мной. — Нам ведь не в ту сторону!

— Не в этот раз, — кинула я, повернув голову, — Не отставай!

Впереди послышалась возня и звуки капающей воды. И звуки эти быстро приближались.

— Ох, нет, — выдохнул Зельборн, — Только не это! Берегись!

Я снова повернула голову к бледному некроманту и тот отшатнулся от моего нахального самодовольства. А последнее было при мне потому, что наконец мне представился случай выпустить свой гнев во благо.

— Демонстрирую, — холодно проговорила я. — Запоминай.

Звуки приближались, и у нас уже не осталось ни малейшего сомнения в том, что по тоннелям надвигается нечто угрожающее. Однако, если бы это нечто повернуло бы обратно прямо сейчас, я бы, так и быть, не стала его догонять.

Но нет, ума на это не хватило, так что теперь наши импровизированные светочи озарили стаю безликих слизней. Трое из них ползли по потолку, ещё трое — по воде. Морды, если эти жалкие подобия и можно было так назвать, казались агрессивными и могли вселять ужас в простого обывателя. Гигантские рты с мелкими зубами на земляном теле, маленькие подобия глаз — всё это выглядело весьма внушительно.

Свора приближалась к нам, а я застыла в ожидании.

— Тихо, — прошептала я. — Не спугни.

— Анимара! Без паники! — тихо ответил Зельборн. — Я беру тех, что внизу, а ты следи за верхними, они хорошо прыгают!

Без паники?! Да кто вообще тут думал паниковать? Или то, что я стою неподвижно, чтобы чего доброго моя добыча не ретировалась раньше времени, можно было принять за панику?

— Милый мой, — огрызнулась я. — Не для того я сюда шла, чтобы пожурить этих существ за их прошлые прегрешения. Ведь знали же, подлецы, на кого нападают, а всё равно решились атаковать. Ну так теперь я пришла вернуть должок. А ты стой и смотри.

И я прыгнула вперёд выставляя руку со светочем на встречу ползущим в нашу сторону слизням. В рядах последних пробежалось булькающее недоумение. Скорость приближения значительно снизилась. Если бы их морды обладали всем спектром эмоций, то теперь я бы прочитала на лицах большинства из них изумление.

А дальше я рванула вперёд, выкрикивая слово силы. От неожиданности все три слизня сверху упали вниз, на своих собратьев. Последние вдруг попятились, открывая перед собой дорогу к упавшим.

— Стой, гад! — истошно заорала я.

Я выкрикнула следующее слово и светоч раскалился до бела так, что пришлось ненадолго зажмуриться. Раздался приятный уху треск, а затем раздались утробные бульканья. Я раскрыла глаза и увидела, как упавшие слизи, объятые огнём, мечутся по коридору, наталкиваясь друг на друга. Те, что благоразумно, но слишком поздно отступили, до последнего пятились назад. Но когда я перевела на них сверкающий праведным гневом взгляд, вся троица неуклюже развернулась и быстро поползла во тьму.

— Ну, нет уж, дорогуши! — крикнула им я и помчалась вслед, — Зельборн! Это же так весело, присоединяйся!

Но Зельборн почему-то не разделял моего веселья, и не спешил присоединиться. Должно быть бедняга сильно устал — тюрьма сильно вымотала его. А кто сказал, что некроманты обязательно должны быть крепкие и выносливые?

Спустя полминуты я догнала беглецов. Безжалостное слово силы сорвалось с моих губ, и мой светоч направил на удирающих тварей огненный шар. Тот врезался в них и объял ярким пламенем. Сквозь не слишком окрашенные эмоциями бульканья я с удовольствием слышала ужас.

Вскоре они замолкли и превратились в кучки безжизненной земли, чем они и были до того, как кто-то или что-то вдохнул в них жизнь с помощью магии.

Я вернулась к Зельборну, который стоял среди дымящихся кучек в задумчивости.

— Ну как? — кокетливо спросила я, поправляя причёску. — Не худо бы и тебе иногда поделявать нечто подобное.

Зельборн лишь покивал, руки его были сложены на груди.

— Ну, знаешь, — наконец произнёс он. — Всё это не моего ремесла премудрости! Моя дорога ничуть меня не смущает.

С этими словами некромант сделал знакомый жест руками, и знакомые, пусть и до сих пор не ясные слова сорвались с его губ. Дымящиеся кучки вдруг зашевелились, но я и бровью не повела.

В образовавшейся тишине бледная физиономия Зельборна улыбалась, а вокруг его ног теперь водили хоровод три земляных слизня. Сзади раздался шум, но и на этот раз он меня не заинтересовал — и верно, через полминуты ещё три дымящихся кучки присоединились к хороводу у ног некроманта.

Вообще зрелище было милое настолько, что я улыбнулась.

— Смотри не помри раньше времени, — предостерегающе попросила я, советуя экономить запас сил.

Зельборн лишь ухмыльнулся, как бы в знак того, что ему это ничего не стоит. Как же, знаем-знаем!

— Веди же, Анимара! — голос некроманта вывел меня из состояния задумчивости.

— Куда? — удивилась я. — Мы уже на месте!

— Как это? — нахмурился некромант. — Мы свернули налево, прошли всего ничего. И уже на месте?!

— Да, — с лёгкостью в голосе ответила я. — Посмотри внимательно.

Когда я говорю эту фразу, как правило, это подразумевает использование внутреннего взгляда. Того самого, которым он может видеть умерших существ.

Он огляделся и охнул. Затем прошёл вдоль правой стены несколько шагов и осветил её. Метка, которой мы обозначили сундук, была на месте.

— Всё сходится! — восторженно проговорил он, тупо глядя в стену. — Сундук на месте!

— Ну, разумеется, — я пожала плечами. — Я повела нас короткой дорогой. Завтра, или может быть, в следующем месяце этот путь изменится. Так что сегодня судьба даёт нам все возможности для выполнения наших планов.

— Ты готова? — спросил он, и глаза его сверкнули в полумраке.

Земляные слизни закончили водить хоровод и встали неопрятной колонной у противоположной стены. Их морды были изувечены, местами сильно обуглены. У некоторых недоставало глаза, у одного пропала челюсть. От третьего вообще осталась половина, но то никак не мешало ему выполнять возложенные на него некромантом обязательства.

— Да, — ответила я. — Отойди в сторону.

Он покорно отошёл, возглавляя колонну слизней.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Последовательность слов, что мне предстояло повторить, я знала наизусть. Но такого хитросплетенья обрывков заклинаний я ещё не пыталась воспроизвести. Это походило на лоскутное одеяло, которое нужно было сшить аккуратно и правильно, в противном случае самое безобидное, что могло случиться — придётся начинать заново. А моя энергия не безгранична. Да, теперь я точно готова.

Я открыла глаза и осмотрелась. Выбрав место получше, я немного пошарила в кармане. Найдя необходимые предметы, я расставила их. Вода не помешает, может быть даже, она сделает заклинание ещё мощнее. Камень побольше я положила в центр тоннеля. Два камня поменьше — по бокам. Затем я отошла и вновь закрыла глаза.

Можно было бы рискнуть использовать камни в стене, но я не была уверена в том, что это сработает так же хорошо, а потому пришлось отменить этот вариант.

Неспешно, словно перебирая струны арфы, я стала произносить слова силы, которые проплывали у меня в голове. Энергия, подобно ручью, начала изливаться. Словно лёгкий ветерок подхватил мои слова, и сила заклинания постепенно возрастала. Что происходит во внешнем мире, меня не интересовало, однако краем уха я всё же слышала, что нечто растёт прямо передо мной. И звуки эти были тяжёлыми и гулкими.

Слово за словом я прокладывала путь от одного заклятья к другому, связывая их единой нитью энергии. В какой-то момент времени мне пришлось прерваться, чтобы вытереть пот со лба, затем я продолжила.

Судя по звукам, Зельборн подготавливал всё необходимое.

С течением времени и множества сказанных слов силы напряжение нарастало. Разумеется, после пережитого сегодня, это вполне закономерная реакция, однако чем дальше я продвигалась, тем сильнее росло сомнение в правильности действий. Я, конечно, ведьма не дурная. Но что касается архисложных заклинаний — с чего я вообще взяла, что

мои знания сформированы в достаточной мере?

Пришлось себя успокаивать тем, что уже никуда не деться, и результат, что я скоро смогу увидеть, и будет мне сигналом о моей грамотности в этих вопросах.

Наконец, в грозной тишине я произнесла последнее слово и через мгновение открыла глаза. Первое, что я увидела — это стена. Не та, что нужно было разрушить, а другая, новая стена. Окинув стену ещё раз, я с удовлетвореньем разглядела у стены нечто, напоминающее руки и даже ноги. Намёк на голову так же присутствовал. А по боком от каменного исполина стояли две тени. Все трое смиренно ждали моих приказов и в совокупности с шестью земляными слизнями, наша группа теперь могла вселить ужас не только в стаю подвыпивших обывателей, но и в небольшой вооружённый отряд воинов.

Выдав точные инструкции всем присутствующим, я обратилась к незримому. Если те силы, что помогали нам до этого момента меня и слушали, то никаким образом не выдавали своего интереса к нашим персонам.

— Зельборн! — порыв стыдливой трусости заставил меня сказать то, что возможно, потом сказать и не удастся. — Помни, что я люблю тебя. Сильно люблю, мой Некромантёнок!

— Ишь какие нежности, — фыркнул он, — Да ты никак помирать что ли собралась?

Огонь негодования почти взорвался во мне. Я тут расщедрилась на слова любви, а он смеяться надо мной решил?! Но Зельборн, хорошо зная мой характер, тут же продолжил:

— Ну-ну. Я тоже люблю тебя, моя ведьмочка. Мы с тобой и не из таких переделок выбирались, так что и теперь справимся. Ты, да я. А все остальные сильно заблуждаются, если думают, что нас можно так просто сломить.

Я кивнула.

— Что ж, — подвела я итог. — Да помогут нам Боги!

— Круши и ломай! — азартно выкрикнул Зельборн.

Когда странные, тревожные звуки донеслись до придворного мага, он сидел в своей комнате за столом и изучал очередное письмо из целого вороха подобных. Ему нужно было дать ответ всем этим людям, потому как они имели некоторое влияние в городе. По правде говоря, ему приходилось этим заниматься не так уж и часто, но уж если письма приходили, то непременно все сразу. И кому было дело до того, что рука Нэнтрикса уже была не в состоянии писать такое огромное количество слов? Что глаза его требовали яркого света и не любили мелкого и не разборчивого почерка? Он уже не раз подумывал о том, чтобы обзавестись своим собственным чтецом и писцом. Ведь не хуже он остальных, в самом деле?

И куда запропастился его посох? Вот уже который день он не мог его отыскать, а потому на сердце было не спокойно.

Звуки, что он слышал, сразу не понравились Нэнтриксу. Такие звуки можно было слышать, когда воины Торлиса швыряли булыжники в стены города с помощью катапульты. Но то было много лет назад, и сейчас подобного плана вторжение едва ли могло случиться среди бела дня. Армия короля надёжна и сильна. Так что же происходит?

Нэнтрикс резко встал из-за стола. Чутьё дёрнуло его так, что маг припустил быстрым шагом вниз по лестнице.

Впрочем, при возведении домов подобное звуки тоже случаются, утешал себя маг. А другая половина его спорящего сознания говорила о том, что во дворце ничего подобного без его ведома быть не могло.

И правда, чутьё и в этот раз его не подвело. Как только он спустился вниз, перед ним открылась тревожная картина.

В открытую дверь, ведущую к хранилищу казны, то и дело пробегали королевские стражники. Намётанный глаз Нэнтрикса уловил панику в рядах воинов, а потому поспешил к дверям сам, чтобы поскорей выяснить, в чём дело. Иной раз его помощь могла сыграть решающую роль, недаром же он ел свой хлеб. Это знал король, это знал и он сам.

Придворный маг торопливо подошёл к настежь распахнутой двери, которая в любой другой день была хорошо заперта, а то и охранялась. Хотя стражу теперь всё чаще стали дёргать по более “важным” поручениям: там мебель перетащить, тут занавески развесить. И всё же, и кто в здравом уме станет покушаться на золото Гонкоралла?

Впрочем, как оказалось, и такие безумцы нашлись. По коридору навстречу придворному магу спешил командир королевской стражи. Высокий такой, статный. Осанка прямая, словно из камня высечена. Всякий раз, когда Нэнтриксу приходилось иметь с ним дело, он выпрямлял свою спину в присутствии этого тёмноволосого здоровяка, чтобы хоть немного походить на его подопечных. Одет он был хорошо, но на вкус Нэнтрикса с изяществом был явный перебор. Все эти завитки на чёрных добротных доспехах из кожи не внушали никакого доверия. И штаны командира были того же фасона. Цепкий взгляд серых глаз остановился на придворном маге. Словно с облегчением, командир стражи двинулся к магу. Нужно же было хоть кому-то доложить обстановку. А раз никого более достойного по близости не было, то и придворный маг для этого тоже мог подойти.

Впрочем, более достойных по положению едва ли можно встретить — их было по пальцам пересчитать, а вот более сведущим — это дело другое.

— Господин придворный маг! — он встал в позу статуи и вцепился взглядом в

Нэнтрикса, тот рефлекторно выпрямился. — Готов доложить обстановку.

Иной раз придворный маг сравнивал командиров с поварами, что достали из печи картошку и бегут с ней в поисках того, кому бы её кинуть. Вот и теперь та же история.

— Докладывай! — кивнул маг.

— Наши люди из королевской стражи слышали подозрительные звуки, — рассказывал командир. — Источник звука был найден не сразу, но как только мы обнаружили его, то смогли оценить угрозу, исходящую от этих звуков.

— Продолжай, — нетерпеливо помахал Нэнтрикс.

— Мы наткнулись на отряд неизвестных существ, — охотно продолжил командир. — На данный момент отряд пытается прорвать оборону к выходу, мы стягиваем сюда все силы, но враг слишком силён, нам приходится отступать.

Негодование охватило Нэнтрикса. Превосходящие силы врагов, которых и описать-то толком нельзя, это было что-то новенькое! Впрочем, королевской страже что не покажи — всё в новинку, и всё силами превосходит. Они и носа не суют за пределы города, а там такое ползает и летает, что держи меч наготове!

— Я должен это увидеть! — заверил маг командира.

— Это может быть опасно, — запротестовал тот. — Впрочем, похоже на то, что они пытаются пробиться к парадной двери, а значит уже скоро могут быть здесь. Вам не стоит туда идти.

Как глупо было так поступать. Рано, или поздно сила противника иссякнет, кем бы он там не был, а наше подкрепление растёт с каждой минутой. Наша армия многочисленна, вот только не очень расторопна.

Нет, всё-таки тут что-то кроется.

— Ах да, — спохватился командир. — Я забыл сказать самое важное! Командуют вражеским отрядом пара. Кажется, один из них Зельборн — бывший палач. Тогда вторая фигура, стало быть, Анимара — местная колдунья!

Лицо придворного мага исказилось.

— С этого и надо было начинать! — выкрикнул он. — Это же в корне меняет дело!

Нэнтрикс уже собирался отпихнуть в сторону командира, когда внимание его привлёк юноша, который подбежал к командиру и стал что-то быстро шептать ему на ухо. Лицо юноши было взволнованно. Правое плечо пересекала кровавая борозда.

Лицо командира вдруг преобразилось. Сперва на нём показалось удивление, а потом победная улыбка воцарилось у него на устах.

Юноша отстранился в ожидании приказа.

— Они пойманы! — не без гордости заявил командир.

— Приведите же их! — потребовал маг. — Я хочу говорить с ними!

Юноша глянул на командира, тот кивнул.

Как они проникли внутрь? Этот вопрос он задаст им первым делом. А пока стоило бы уточнить детали.

— Враг разбит? — спросил маг, глядя на быстро удаляющуюся фигуру юноши.

— Да... — замялся командир. — Но обстоятельства этого довольно туманны.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Нэнтрикс.

— Там был каменный великан, высоту с двух лучших моих бойцов, а в ширину — с трёх, — проговорил командир. — Его ничто не брало — ни копья, ни мечи, ни стрелы. И вдруг он пал. Должно быть, мои бойцы нанесли ему слишком много увечий. А с мелкими

земляными тварями мы разделались довольно быстро.

— Интересно, — в задумчивости проговорил маг.

— Конечно, без проклятой магии тут не обошлось, — выругался капитан. Его взгляд, полный скрытого презрения упал на Нэнтрикса.

Тот не ответил. Магов тут не очень-то любят, и любой не обременённый интеллектом местный житель считал своим долгом каждую случившуюся беду сваливать на магов. Так что к такому роду высказываниям он привык.

Нэнтриксу ещё предстоит узнать о том, что каменный воин действительно был ничем иным, как порождением магических хитросплетений. Каменным големом, вот кем было это существо. И пало оно не под натиском храбрых стражников, как заметил их командир, а потому, что магическая сила в нём иссякла.

И в этот же миг пара в капюшонах, что охотно орудовала двумя мечами, приняла решение сдаться. Они бросили на землю оружие и дали себя связать.

И вот по коридору в сопровождении пятерых стражников вели колдунью и некроманта. Те покорно шли вперёд, видимо уже приняв свою судьбу. И раз уж им хватило ума на столь дерзкое предприятие, то, вероятно, казначей потребует немедленной казни, а то и чего похуже.

На душе у придворного мага полегчало. Раз уж воры пойманы, то можно было бы и расслабиться. Где же всё-таки был этот проклятый посох? Ах да, может статься, что он была прямым наблюдателем этой суматошной битвы. Маг вдруг вспомнил, что последний раз он прислонял посох к стене возле сундука с казной, а после этого он его не видел.

Хорошо связанную пару подвели к командиру, тот с усмешкой оглядел их.

— Ну что, мертвецы, провалился ваш план? — с беззаботностью осведомился командир.

Но едва ли можно было сказать то же самое о Нэнтриксе. Он переводил взгляд с одной фигуры, на другую, и холод пробежался по его телу.

“Лёгким движением чьих-то вороватых рук  
мощный посох превращается в элегантную палку”

Лицо командира вдруг утратило беззаботность. Ещё бы, маг почти что с ужасом уставился на приведённых его подопечными пленников.

— Быстрее к воротам, командир! Созывайте стражу! — вдруг выкрикнул Нэнтрикс и резко развернувшись, побежал к выходу из замка.

Ну, как побежал. Пошёл, настолько быстро, насколько могли позволить ему его годы, его статус, и его мантия.

За ним семенила стража, которая пребывала в полном недоумении от заявления Нэнтрикса, но по приказу своего командира всё-таки двинулась за ним следом. Бежать вперёд было бессмысленно, никто так и не понял, что хотел маг делать у выхода из города, и к чему такая спешка, если виновники покушения пойманы.

Маг очень торопился, заветные ворота уже были видны издалека, но тут его ждала досадная неприятность — люди словно обезумели. До заветной улочки было рукой подать, но толпа, словно стадо диких животных дрались и толкались, орали друг на друга и отчаянно пинались.

Что-то тут случилось, но придворному магу было некогда разбираться, да и не по его части были подобные стихийные настроения обычного люда.

Как оказалось, его локти не шли ни в какое сравнение с локтями обывателей. Те, умудрённые опытом, знали, как правильно орудовать ими, так что Нэнтрикс продвигался довольно медленно, то и дело получая тычок в ребро, или в спину. А уж сколько раз ему оттоптали ноги, и посчитать было невозможно.

Внизу что-то иногда поблёскивало. Это были монеты. И если верить слухам, местный трактир сегодня устроил настоящий праздник для всех. Раз в пять минут из верхнего окна трактира выкидывалась горсть монет, а дальше — дело ясное. Кто поймал, того и деньги. Не совсем так, если быть откровенным. Кто отобрал, кто успел убежать, кто проворен — того и деньги.

Нэнтрикс бросил сердитый взгляд на “Три колеса”. Никогда он не любил трактиры, а этот — в особенности.

Очень помогла королевская стража, те орудовали локтями не в пример лучше мага, да и их доспехи оказывали благотворное воздействие на обывателей. Так что лишь немного замешкавшись вначале, они всё же расчистили путь дальше.

Маг поспешил к воротам. Ни задавая лишних вопросов, стража у ворот расступилась, выпустив придворного мага, а следом и королевскую стражу.

На дороге, с ещё не осевшей пылью от уходящей вдаль кареты, стоял человек в тёмно синей мантии, по всей видимости, тоже маг. Он задумчиво смотрел вдаль.

— О, Боги! — выкрикнул Нэнтрикс, запыхавшись. — Неужели ты их отпустил?!

— Я? — удивлённо посмотрел на придворного мага тот.

— Ты ведь мог их остановить! — послышался сбивчивый голос Нэнтрикса. — Ты ведь знаешь, кто они такие!

— У меня для тебя плохие новости, Нэнтрикс. — проговорил маг в тёмно синей мантии.

— Что ещё?! — придворный маг воззрился на юношу в тёмно синей мантии.

— Твой посох, — ответил он. — Кажется, они похитили твой кристалл.

Лицо Нэнтрикса побледнело. Чёртова палка была забыта им у казначея, и все эти дни он так и не удосужился её оттуда забрать. И теперь от обычной палки она едва ли чем-то отличается.

— О, Боги! — всплеснул руками придворный маг в непритворной скорби.

Скорбел, он, разумеется, о кристалле. После того, что сообщил ему этот юноша в тёмно синей мантии, пропажа казны было не такой уж и сильной утратой.

— Надо срочно послать в погоню за ними конный отряд, — оживился Нэнтрикс, — Их ещё можно догнать!

Юноша в тёмно синей мантии лишь покачал головой.

— Дорога, по которой они уехали, ведёт в Торлис, — спокойно проговорил он. — Если тебе понадобится найти их, ты сможешь это сделать. Сейчас же не советую пускаться за ними в погоню. Они убьют и тебя, и королевскую стражу, и всех, кто потянется за ними следом. Но скорее всего, ты даже не сможешь их найти.

— Но что же тогда делать?! — всплеснул руками придворный маг.

— Подумай вот над чем, — спокойный рассудительный голос юноши внушал доверие. — Эти двое хорошо поработали за те года, что прожили тут. И то, что они забрали — справедливая цена. А если они и правда направились в Торлис, то верно ли то, что ты хочешь помешать разграбить казну вражеского королевства?

— Нет, — угрюмо отозвался Нэнтрикс, — Но мой кристалл...

И пока два мага перебрасывались словами у ворот Гонкоралла, во дворце догадались хорошенько рассмотреть пойманных преступников.

Капюшоны на их головах неплохо скрывали лицо, а потому первым делом командир сдёрнул их.

Сдёрнул, и тут же отпрянул. Это было не очевидно, хотя освещение во дворце было очень хорошим.

Лиц у обоих пленных не было. Вернее сказать, на их месте был некий намёк на лица, словно бы художник передумал придавать портрету реалистичность, а лёгкой рукой доверил это своему десятилетнему сыну.

На этом странности не заканчивались. Там, где у нормальных людей росли волосы, у пленников не росло ничего. Лысые черепа блестели на свету, словно стекло.

И когда командир оглядел пленников хорошенько, то понял, что обе фигуры довольно уродливы. У одного из них одна рука была больше другой, у другого одна нога длиннее. При особо пристальном взгляде удалось установить, что одежда являлась частью этих двух существ, словно бы это были куклы. В некотором смысле, так оно и было.

И когда командир, с ужасом взирая на пришельцев, думал о том, что делать с ними, случилось то, что мог бы предвидеть Нэнтрикс, останься он тут.

По телу одного и пленных вдруг пробежали трещины. Вторая фигура, словно опомнившись, тоже пошла трещинами.

Тела пленных стали осыпаться сначала крупными кусками камней, а затем мелким песком. Звук осыпающегося камня заполнил коридор. Меньше, чем за минуту тела пленных превратились в две горсти камней, с верёвками внутри.

— Они тоже были големами, — пояснил Нэнтрикс магу.

— Я так и подумал, — ответил тот.

— Мы потеряли много денег, — сокрушался придворный маг.

— Казна быстро восполнится, — отмахнулся юноша в тёмно синей мантии. — Ваш казначей покроет её недостаток из тех денег, что были им украдены.

Нэнтрикс промолчал, возразить было нечего. Многие знали, что Тормизиан расхищает казну, но наказать его было довольно не простой задачей. Может быть, в каком-то веке справедливость восторжествует?

— И всё-таки, — продолжил Нэнтрикс, — Гонкоралл остался в убытке.

— Наконец-то, дорогой друг, мы сошлись во мнении! — печальная улыбка зажглась на лице юноши.

— Сошлись во мнении? — повторил Нэнтрикс. — Но ведь ты-то ничего не потерял!

— Ошибаешься, — парировал юноша. — Сегодня Гонкоралл, как и я, понёс невосполнимую потерю.

Нэнтрикс проникновенно кивал, вероятно, насчёт города и финансовых потерь. Хотя если честно, мысли его блуждали в районе кристалла, что теперь был в нечистых руках двух воришек.

— Гонкоралл, как и я, потерял таких интересных собеседников, — заключил юноша в тёмно синей мантии.

Затем он развернулся и пошёл прочь, оставив придворного мага в глубокой задумчивости.

Конец.

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)